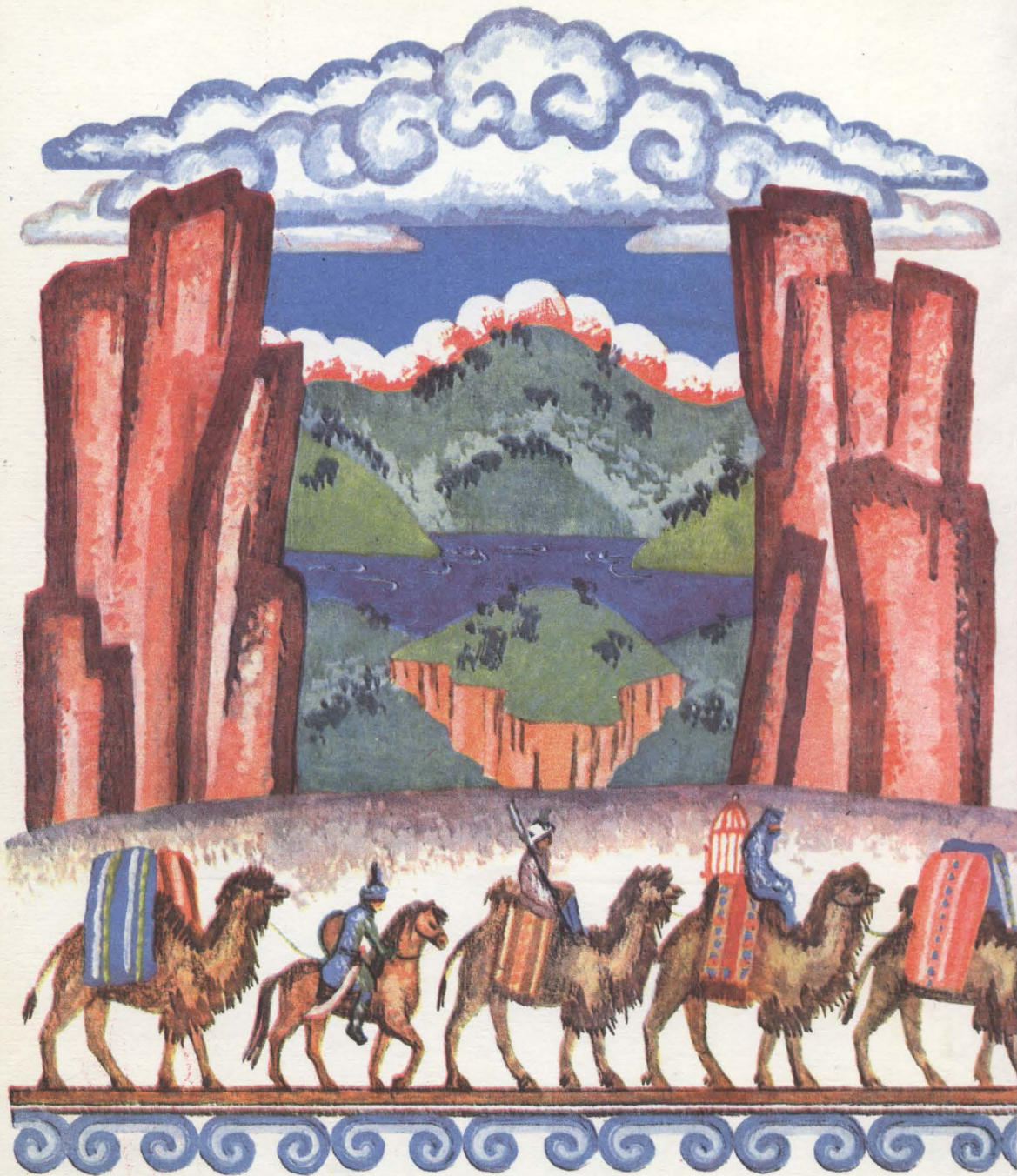

• КАЛМЫЦКИЕ СКАЗКИ •

КАЛМЫЦКИЕ СКАЗКИ

Ф9С (калм.)

К 174

© Калмыцкое книжное издательство, 1978.

70803—014
К ————— 42—78
М126(03)—78

СЕМЬДЕСЯТ ДВЕ НЕБЫЛИЦЫ

Авным-давно у одного хана была красавица дочь. Многие сыновья ханов, нойонов*, зайсангов* хотели засватать эту красавицу, но хан никому не давал согласия.

Однажды хан объявил: кто ему расскажет красиво и интересно семьдесят одну небылицу, тому он отдаст свою красавицу дочь и полцарства.

Услышал об этом один бедняк и решил послать к хану своего старшего сына. А прежде чем послать сына, надо его проверить. Вот идет старик со своим сыном по берегу озера и говорит ему:

— Посмотри-ка, видишь, теленок матку-рыбу сосет?

— Да, да, вижу, сосет! Даже на мое лицо молоко брызнуло, — отвечает сын.

Отец остался доволен сыном, его быстрым и находчивым ответом и отправил его к хану.

Явился сын к хану и доложил, что приехал рассказать ему семьдесят одну небылицу.

Сел он перед ханом на колени и начал свой рассказ.

— Родившись раньше своего отца, я пас табун прадеда. Сел я на верблюда, еще не родившегося, взял плетку из ветвей дерева, которое еще не росло, сделал аркан из веревки, еще не свитой, и в жаркую погоду отправился в далекий путь — при дожде, который не шел, при шургане**, которого не было. Во время странствия мне захотелось есть и пить. А жара была несносная. Вдруг на самой вершине горы блеснула лужа.

Подъехал я к луже и увидел: по краям ее черви завелись, а середина не вытерпела жары и покрылась льдом толщиной в четверть и еще четыре пальца.

Походил вокруг лужи да подумал: «Что делать? Как бы напиться? Чем пробить лед?»

И сделал я так: снял голову, ударил ею об лед, пробил дыру и спустил в нее голову — напиться.

Надо продолжать путь. Сел я на верблюда, который не родился, и поехал. По дороге достал свою трубку величиною с добрую верблюжью голову, набил в нее несколько пучков табаку, хотел взять в рот сурул (чубук), а рта не оказалось. Ах, да, голова-то моя подо льдом! Пришлось вернуться.

* Нойоны, зайсанги — богатые и знатные люди.

** Шурган — буран.

Подъезжаю к луже. А голова уже вылезла из проруби, смеется и говорит:

— Хо-хо-хо! Хозяин-то сам за мной приехал.

Когда я к ней подошел, то с ужасом увидел, что снизу она замерзла, середина гниет, а сверху уже черви завелись, и множество мух вьется вокруг. Скорее отогнал я мух, стряхнул червей, вырвал из льда бедную голову и поставил на плечи.

Взял в рот трубку. Чем ее разжечь? Сделал огниво из кусочков льда, а вместо трута взял воду. Высек из льда искру, вода и загорелась. Прикурил я и поехал.

Ехал-ехал, приехал в какую-то долину. А в этой долине тьма мух. Вижу, чем-то они встревожены. Подъезжаю. Оказывается, у них идет семейный дележ имущества, и никак они не могут сговориться: ругаются, а толку нет.

Увидев меня, они обратились с просьбой:

— Милый человек, сделай одолжение, раздели нас.

Я, конечно, разделил. Кто прав — дал пощечину, кто неправ — тому две. Навел порядок и поехал дальше.

Тем временем мухи, проникнутые благодарностью к благодетелю, обсуждали, чем мне отплатить за услугу. И решили подарить самую жирную черную трехгодовалую муху, которая от рода была яловой. Они догнали меня и передали подарок. Муха оказалась очень жирной: на задке жир толщиной в четыре пальца, а под мышками — в три пальца.

Подарок я принял и продолжал путь. К вечеру остановился на отдых. Не убив муху — снял ее шкуру, не снявши шкуру — сварил, не сварив — вынул из котла, не вынув — съел. Муха была такая жирная, что сало с рук текло. По обыкновению, вытер руки о сапог.

Разделся и лег спать, а сапоги положил рядом с собою. Крепко уснул.

Среди ночи проснулся от страшного шума. Что бы вы думали, — это дрались мои сапоги. Один кричал:

— Хозяин тебя любит, а меня нет. За что он тебя намазал жиром? Мы одинаково тащили в себе этих двух великанов — хозяйские ноги. Почему тебе преимущество, почему он тебя ближе к сердцу держит?

Пришлось вмешаться в это дело, чтобы прекратить раздор. Кто прав — тому дал пощечину, кто неправ — тому две.

— Перестаньте, — сказал я им, — шуметь и спорить.

И опять лег спать.

Немного погодя опять проснулся от страшного шума. На этот раз разругались и дрались нож и ножны. Я лежу и прислушиваюсь к их спору. Ножны говорят:

— Ты думаешь, приятно мне тебя таскать? Твое лезвие тоньше волоска и острее сабли, из-за него я вечно изранен. Вдобавок, левая рука хозяина меня постоянно колотит. А гляди-ка, с тобой хозяин мясо ел, а

мне так ничего и не дал. Что же это такое? Я же ему пользы приношу не меньше, чем ты. Почему он меня обошел?

— Да перестаньте же спорить,— закричал я и прекратил раздор. Кто прав — тому дал пощечину, кто не прав — тому две. Успокоил. Лег снова спать.

Наутро, проснувшись, обнаружил, что нет одного сапога и ножа. Куда они могли запропасть? Вспомнил, что в эту пору у хана была свадьба. Наверное эти черти отправились бражничать. Старый череп и тот катится на свадьбу*.

Надел я один сапог на обе ноги и отправился прыжками искать их. Попробовал вперед идти, не удается, попробовал назад идти — удается. Я и пошел задним ходом.

Иду и вдруг слышу, — где-то сбоку раздается молитвенный мотив. Прихожу туда, а там собрались на свою молитву все крылатые. Председателем — дудак, руководителем — журавль, барабанщиком — цапля, тенором — ворона, трубачом — беркут, а остальные мелкие птицы вопят, как манджики**.

Только я подошел к ним, они и улетели.

Пришел я к хану и, представьте себе, вижу там нож и сапог. Нож делит между гостями угощения, а сапог подносит араку. Я уж хотел их взгреть и забрать с собою. В это время сапог мне подмигнул.

«Заходи, мол, присаживайся. Водка — рекой, махану — гора. Угощу».

Вот пройдоха! Я, конечно, воспользовался случаем. Тихонечко присел у входа кибитки.

Уж сапог мой постарался! Как только кто-нибудь приподнимается, сапог под его рукой сует мне махану, а как садится — между его ног протягивает мне чашку с аракой.

Наелся, напился до отвала. Потихоньку отозвал своих в сторону, взял их и пошел к стоянке.

Иду по степи, вижу — быстро мчится тройка-тачанка, запряженная одной бурой лошадейю. Пыль от них над дорогой высоко-высоко поднимается. Я думал, что едет великий нойон на великую свадьбу. Встречаю. А это оказалось тарантул бежит и на своей спине личинки тащит.

Ехал по долине. Видел молебствие сусликов, они ставили богу свечи из сухой степной травы. Видел, как зайцы осеннюю стрижку делали. Зашел к зайцам, попросил у них клочок шерсти на пару чулок и отправился дальше.

Встречаю муравья, который два связанных зерна перевалил через плечи и тащит.

— Муравей, а муравей, куда ты бредешь?

— На ярмарку.

— Ах, ярмарка! Надо заехать, поглядеть!

* Старая калмыцкая поговорка.

** М а н д ж и к — ученик в калмыцком монастыре.

Поехал на ярмарку. Все осмотрел, везде побывал.

Собрался в путь. И вот вижу: муравей, положив зерно под голову, прикорнул на землю. Может быть, его обидели, обокрали?

— Муравей, а муравей, что с тобой?

— Гуляю, братец. Не от отца-матери добро мне досталось, своим трудом нажито. Продал зерно по хорошей цене да покутил с приятелями. Вот и благодужествую.

Посмеялся я над парнем и поехал.

Ехал-ехал, подходит ночь. Привязал я своего верблюда, который не родился, за сухой куст и лег спать.

А куст-то за ночь и увел моего верблюда.

Пришлось с утра пойти на поиски. Долго искал, а жара несносная. Встретилось мне множество дудаков, и у всех крылья облетели. Лежат они и не движутся.

Неплохо полакомиться жирными дудаками. Я пяток дудаков взял и заткнул за пояс.

Не успел я сделать и десятка шагов, как почувствовал, что поднимаюсь в воздух. Дудаки, оказывается, ожили, полетели и понесли меня под облака. На грех, пояс лопнул, и я стремглав полетел вниз.

Сейчас конец!.. По счастливой случайности я упал на скачущего сайгака и так удачно, что оказался на нем верхом. Стиснул я ему покрепче бока коленями, чтобы он не выскочил из-под меня, и помчался. Сайгак несется, как стрела.

Когда я опомнился, то увидел, что на рогу у сайгака болтается что-то. Присмотрелся,—оказалось, это те самые удила, которые я потерял три года тому назад и уж искать перестал. Я их не глядя снял и, не касаясь руками, положил за пазуху.

В бешеной скачке я почувствовал, как что-то задело за мизинец ноги. Глянул, а это плетка, которую я потерял в прошлом году. Наклонился, чтобы ее поднять, да и свалился с сайгака. Сайгак ускакал, а я остался.

Стою один в степи и сам не знаю, где я и куда мне идти. Кругом — ни травинки, ни деревца, а живой души и в помине нет. Только вокруг спит и похрапывает земля. Постоял я немного, послушал этот храп земли, сравнил его с человеческим храпом и узнал, что они ничем не отличаются один от другого.

Послушал я и пошел, куда меня ноги ведут. Через некоторое время ноги привели меня к бурьяну, который еще не рос. Подошел я к бурьяну и хотел присесть в его тени отдохнуть, как вдруг слышу, кто-то грозно зарычал из-под бурьяна. С испугу одним прыжком я отпрянул на десять верст назад и стал искать врага, притаившегося под бурьяном.

Искать долго не пришлось: в бурьяне оказался зайчонок, который еще не родился. Он сидел в тени бурьяна, который вовсе не рос и шил себе шубку на зиму. Увидел я зайчонка и мне стало стыдно и смешно, думаю: «Чего же я так испугался?»

— Эх ты! Ужин тебе сам в рот шел, а ты еды боишься и бежишь

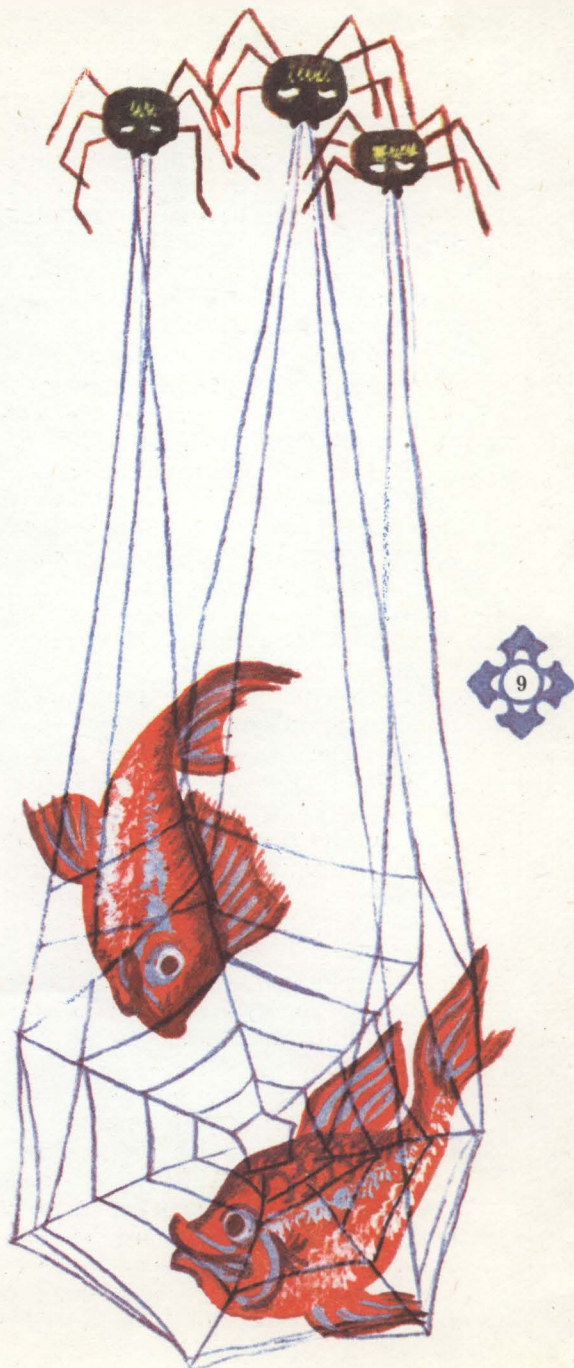

от нее, — пошутил я сам над собою и решил поймать зайчонка. Думаю: поймаю зайчонка, немного поласкаю, понежу, а потом устрою себе славный ужин. Только бы скорее поймать его, а то как бы он не убежал, зайцы ведь не понимают ласкового отношения. Я подозвал свою собаку, которая еще в прошлом году издохла, и пустил ее на зайчонка. Собака моя на брюхе, ползком, как змея подползла к бурьяну и бросилась на зайчонка, готовая вцепиться в него зубами. Но, что за чудо: собака моя, словно камень, полетела в небо. Я стою, смотрю на нее и не пойму: в чем дело? Думаю: неужели зайчонок сделал такой бешеный прыжок вверх и моей собаке пришлось сделать то же самое, чтобы поймать его?

Я все небо обыскал, чтобы увидеть, где бежит зайчонок, но, несмотря на все свои усилия, все же не мог разглядеть его, только вижу, как моя собака все стремительнее летит вверх. Через минуту она совсем скрылась за облаками.

Убедившись, что мне теперь не увидеть больше своей собаки, я решил отдохнуть в тени бурьяна, где лежал зайчонок. Подошел к бурьяну и к своему удивлению увидел, что зайчонок, совершенно невредимый, заснул крепким сладким сном, а его задние ножки хвалятся перед передними:

— Вы настоящие трусы! Чуть что — вы сейчас же бежать. И в бегстве вы всегда хотите быть впереди, в безопасности. А мы не такие, как вы, мы всегда готовы вступить в бой с любым врагом. Вы же видели,

как мы эту собаку отправили на тот свет, к богу. Мы всегда такие.

Теперь мне стало ясно, почему моя собака летела вверх. Оказалось, что зайчонок так сильно лягнул собаку по морде, что она, бедная, как камень полетела вверх и отдала свою душу богу.

Правда, мне очень жаль моей собаки, но зато я впервые в своей жизни узнал, что зайцы могут лягаться так сильно и смертельно.

Я все-таки решил поужинать зайчонок. Надо было его поймать, пока он спит. С этой целью я потихоньку подкрался к нему и, не ударив, убил его. С этой ношей в кармане я пошел дальше. Кругом все так же пусто: никого и ничего. Надоела мне однообразная картина степи, и я повернул к реке.

Подхожу к реке. Смотрю — пауки своей паутиной рыбу ловят. Постоял, посмотрел я немного на это любопытное зрелище, выпросил у паука несколько рыбешек себе на ужин и продолжил свой путь по берегу реки.

Иду себе и смотрю на реку. Река, закованная льдом, извиваясь серебристой лентой, стремилась куда-то вдаль. Кругом шумели зеленые камыши и слышны были всплески рыб; в воздухе стаями пролетали дикие гуси, утки и много других птиц. Солнце палило нестерпимо, был самый разгар лета...

Ах! Как хороша была в эту минуту река, она была величава и спокойна. Но стоило только даже самому легкому ветерку прогуляться по поверхности реки, как водная гладь сейчас же покрывалась рябью мелких волн, и тогда река превращалась в огромную рыбу с бесчисленным множеством серебристых чешуек.

Не успел я насладиться этой прелестью природы, как вдруг недалеко от меня с сильным гулом взорвался на реке лед и большой, величиной с гору, кусок льда взвился вверх, к облакам, к небу. Стою, смотрю на этот взлетевший лед и думаю: дойдет он до неба или растает, когда приблизится к солнцу? Ан нет, лед долетел до неба, ударился об него, но не сумел пробить его толщу и, отскочив назад, стал падать вниз, на землю.

Подбежал я к тому месту, где упал и раскрошился лед, и стал рассматривать его, чтобы узнать причины его взлета вверх. Когда я тщательно осмотрел разлетевшиеся кусочки льда, то к своему удивлению обнаружил живого, но маленького-маленького, ну так всего с вершок длины, сазанчика. Но для меня и этого было достаточно, чтобы догадаться, почему с гулом взорвался лед и взлетел вверх. Увидев сазанчика, я сразу вспомнил, что сазаны в минуту родовых схваток бывают страшно беспокойны и от боли не находят себе места. То они бросаются в глубь воды, то кидаются вверх. И вот в этом случае, видимо, сазанчик был готов метать икру и потому с такой силой бросился вверх, что пробил лед толщиной в аршин и сам вместе с куском льда взлетел на воздух.

Я оказался прав: сазанчик был с икрой. Икры в нем оказалось так много, что когда я хотел поднять его за хвост, то едва мог

сдвинуть с места. Желая узнать, много ли в нем икры, я стал сдавливать руками бока сазана. Особенно больших усилий не потребовалось для этого: созревшая икра от малейшего нажима пальцев сама легко сыпалась из сазана.

Три дня подряд выдавливаю я икру, а она все вылезает и вылезает. Уже пятый день выдавливаю икру, а икра все сыплется и сыплется без конца. А между тем выдавленная икра уже образовала целую гору. Если бы я захотел увезти эту икру домой, то мне самое меньшее потребовалось бы сто, а может быть и больше верблюжьих подвод.

Убедившись, что в сазанчике икры очень много и мне ее не выдать за всю свою жизнь, я взял в карман несколько горстей свежей икры для своего ужина и направился через степь домой.

Только прошел долину и взобрался на ергень, смотрю — дерутся между собой два кургана-соседи, не сумев доказать друг другу, кто из них старше. От их сильных ударов зашаталась земля, и отлетавшие куски земли образовали десятки новых курганов.

Полюбовался я на это чудовищное зрелище и, боясь страшного колебания земли, скорей отошел обратно к реке.

Подхожу к реке... Что за новое чудо! Река вся охвачена пламенем. Она горит. Все живые существа в ней мечутся в предсмертной муке.

Борьба между огнем и рекой продолжалась недолго. Пали оба. Потух огонь, но истребил всю жизнь в реке и всю ее воду испарил. Посмотрев на эту жуткую картину, я было собрался идти домой, как

вдруг заметил на берегу реки сидящего на камне старика с человеческой головой и рыбьим хвостом. Он сидел понурив голову, и плакал. Подошел я к нему и спросил:

— Кто ты и зачем плачешь?

— Как же мне не плакать, когда я потерял все свое царство; пожар уничтожил все мое богатство, всю мою реку и всех моих рабов рыб... Какой я теперь жилец без них! Ведь они мне давали жизнь. Я ведь был у них Усн-хада*, а теперь я ничто и скоро, наверно, совсем погибну,— ответил мне старик, заливаясь горькими слезами.

Жалко мне стало старика. Думаю, как бы мне помочь ему? Я знал: что облака или тучи иногда превращаются в воду и падают дождем на землю. Поэтому я стал осматривать небо, нет ли где облаков или туч. Смотрю, у самого горизонта плывут белые облака и понемногу закрывают собою небо, а затем почернел горизонт и стало ясно, что идет большая грозовая туча.

Ну, думаю, теперь я помогу старику. Только бы не пропустить ни одного облачка. Я встал во весь свой гигантский рост (сами вы, хан, видите, каков я) и стал ожидать момента, когда облака будут проходить как раз над самой рекой. Ждать пришлось недолго. Ветер быстро пригнал их к реке. И началась у меня жаркая работа: я стал руками хватать облака и выжимать их над рекой. Ну, ясно, река постепенно стала наполняться водой и, наконец, разбушевалась весенним половодьем, когда я схватил и выжал над ней большую грозовую тучу.

Восстановив реку, я подсел к старику и спросил:

— Ну как, старик, доволен ли ты новой рекой?

— Река-то получилась славная, слов нет. Но что же я там буду делать один, без своих подданных, которые работали и кормили меня? Ведь я же без них пропаду с голоду,— ответил мне старик. Я тут же вспомнил о тех икринках, которые выдал из сазана, и сказал старику:

— Ничего, старик, не беспокойся, и рыбы будут у тебя в реке.— С этими словами я повел старика к тому месту, где оставил целую гору свежей икры.

Только стали подходить к этой гряде, как я заметил, что из нее выпрыгивают и падают в реку какие-то маленькие существа. Когда я присмотрелся хорошенько к ним, то оказалось, что это были настоящие рыбки, которые уже успели, под влиянием пожара и солнца, выйти из икринок.

Постоял, посмотрел я на эту занятную картину, как на моих глазах икринки превращаются в рыбешек и, отдав всех их старику, пошел домой.

Придя домой, захотел я приготовить себе ужин и стал шарить в кармане зайчонка да рыб, которых я выпросил у паучков. Но в кармане, кроме икринок, ничего больше не оказалось. Заяц и рыбы

* Усн-хада — Хан реки.

исчезли. Высыпал я из кармана икру, вывернул карман,— нигде их нет. Огорченный пропажей, я с пустым желудком лег спать.

Только стал я засыпать, как вдруг из кучки высыпанной икры стали доноситься до меня звуки, будто кто давится. Я заинтересовался этим, скорее поднялся, взял на ладонь икру и стал ее рассматривать одно зернышко за другим. И что же вы думаете я увидел? К своему удивлению, я обнаружил, что одна из икринок пожадничала и хотела целиком проглотить моего зайца, но не могла и давилась. Из ее пасти торчали только кончики ушей зайчонка.

Вытащив за уши своего зайца, я положил его около себя и стал искать, какая из икринок проглотила моих рыбешек.

Найти мне не удалось, так как икринки тут же стали превращаться в рыбешек, а рыбешки стали метать икру, и я совсем запутался, где начало и где конец, и где мои, а где новые рыбы.

Ну, думаю, пусть себе размножаются: мне же будет больше, а пока, думаю, надо поужинать зайчонком. С этими мыслями я повернулся, чтобы взять убитого зайчонка, а его уже нет. По следам ясно было видно, что он убежал в степь. Что же делать? Не гнаться же мне за ним! Да и где искать? Думаю, хватит с меня и жареной рыбы. Повернулся с таким намерением к корыту, где размножились мои рыбы, хотел достать себе на ужин несколько рыб, но там не оказалось ни рыб, ни икринок: пока я искал зайца, они успели пожрать друг друга. Что же делать, пришлось спать не поужинавши.

Утром встал я с постели очень рано. Желудок бурчит, требует пищи. Чем бы, думаю, напичкать его неугомонного? Тут я вспомнил, что от мухи, которую я получил в подарок от стаи мух в долине, осталась голова. Скорей достал я эту голову, проткнул ее толстой железной палкой и стал жарить на огне. Пожарил, поел, а засаленную железную палку бросил в угол к дверям кибитки.

После сытного завтрака лежу себе на кровати и курю табак. Вдруг вбежала в кибитку здоровая собака и схватила зубами засаленную железную палку. Не успел я крикнуть на нее, как она в три приема проглотила мою железную палку и убежала.

Жаль палки, но что же делать, сам виноват. Не бросай к открытым дверям.

Потужив немного о своей палке, я, по обыкновению, пошел охотиться, побродить по всем местам, куда только ноги поведут.

Решил сперва сходить на реку, посмотреть, какая она стала. Река, как река. Даже лучше, чем раньше. Больше стало воды, гуще стали камыши. А птиц — тьма. Ну, думаю, теперь я поохочусь здесь. Осмотрелся вокруг и заметил на берегу реки большое количество уток. Подкрался к ним, снял ружье и прицелился. Уже хотел выстрелить, как вспомнил, что у меня только один заряд. Если выстрелю, то убью только одну утку, а надо убить больше. Ну что ж, сразу нашел выход: я повел ружье слева направо и выстрелил. Когда дым рассеялся, то я увидел на земле несколько десятков убитых уток. Забрав убитых уток, я пошел дальше.

Придя домой, я сварил своих уток в котле без воды, на тагане без огня, поел и лег отдохнуть. Лежу и слышу, где-то что-то тикает: тик-тик-тик. Что бы это значило?

Встал с кровати, вышел из кибитки и прислушиваюсь. Тиканье продолжается. Отошел от кибитки на несколько шагов, тиканье стало доноситься до меня со всех сторон и даже из-под ног; нагнулся, приложил ухо к земле, тиканье стало еще яснее слышно. Ну, теперь я понял в чем дело: оказалось, что это шум роста травы. Постояв я, послушал еще немного эти звуки и направился к табуну своего прадеда.

Подъехав к табуну, увидел ожеребившегося пегого жеребца. Только что родившийся жеребенок, еще мокрый, едва стоял на своих растопыренных слабых ножках. Я подумал: оставлять их в степи нельзя, волки съедят жеребенка. Надо взять ближе к своей кибитке. Подошел к ним, взял жеребенка, взвалил на жеребца-мать, чтобы увезти, но жеребец никак не может поднять своего жеребенка.

Что же делать?

Тогда я взял жеребца и взвалил на жеребенка. Жеребенок очень легко поднял свою мать и я пригнал его к своей кибитке. Подложив им немного сенца, я зашел в кибитку и взял посуду, чтобы доить жеребца. Но только вошел я в кибитку, как вдруг услышал храп и фырканье жеребца. Мигом выбежал я из кибитки, смотрю, дерутся жеребец и волк. Волк, видимо, хотел полакомиться жеребенком.

Я сейчас же отвязал верблюжонка, который еще не родился, сел на него верхом и ринулся на волка. Волк от меня. Я очень быстро, не гнавшись за ним, догнал его, не не ударив, убил его, не дотрагиваясь руками, взвалил его через горб верблюжонка и поехал домой.

Еду и чувствую, что-то волочится по земле с двух сторон. Оглянулся, посмотрел,—оказалось, что это тащатся по земле голова и хвост волка. Что же это такое? Неужели, думаю, это волк такой здоровый? Не может быть, волк как волк, такой же, как и все остальные. Может быть мой верблюжонок ростом маленький? Но нет, он оказался очень большим, потому что, когда я подъехал к самому высокому дереву, он стал щипать листья с самой верхушки. А может быть дерево низкое? Но нет. Когда я поднял голову, чтобы посмотреть на его верхушку, то шапка не удержалась на моей голове и упала. Что за оказия! Может быть, я сам стал маленький? А ведь был я не из маленьких, слава богу, пятнадцать саженей ростом был. Каждое утро из колодца рукой воду доставал и умывался. А наши колодцы, как известно, очень глубокие!

Я подошел к колодцу и по-прежнему очень легко достал рукой воды. А может быть колодец стал мелким? Чтобы проверить это, я взял камень и бросил в колодец. Солнце только что всходило, когда я бросил, а когда этот камень долетел до воды, солнце уже садилось. Значит, колодец не мелкий. А может быть, думаю, день короткий стал? Чтобы проверить это, я стал наблюдать все, что творилось вокруг

меня, и заметил, что телка, с которой бугай встретился рано утром, к вечеру уже принесла теленка. Значит, день не короткий.

Так и не поняв, в чем тут дело, я привез волка домой.

По приезду домой, для устрашения других волков, я взял и повесил своего волка за хвост на столбе, вниз головой. В этот момент прискакал ко мне тушканчик и сообщил:

— Просо, посеянное твоим прадедом, теперь уже созрело. Иди скорей убирать, а то суслики все растащут.

Я скорее поймал тушканчика, сел на него верхом и помчался на просяное поле. Приехал на поле. Действительно, просо уже созрело, пора убирать.

Помчался я обратно домой, собрал всех телят-бычков, которых у меня не было, запряг их в телеги без оглоблей и ярем и отправился на поле. Еще не доехав до поля, я уже скосил просо, не скошив, убрал его, не убрав, нагррузил на подводы, не двигаясь с места, привез домой.

Приехав домой, пошел к столбу, посмотреть на волка. Что за чудо! На столбе висит волчья шкура, а самого-то волка нет. По кровавому следу видно, что он вылез из шкуры и убежал в степь. Ну, думаю, теперь волк будет вредить моему стаду.

Пошел проверить своих коров. Подхожу к стаду и вижу — отелился наш бугай. Обрадовался я, скорее снял с себя свое платье, сапоги, шапку, чтобы не вымараться об мокрое, слизистое тело теленка, и подошел к нему, чтобы взять его и на руках унести домой.

Только я подошел и протянул руки к теленку, как он внезапно боднул меня и насквозь пронзил мою грудь своими острыми рогами. Я скорее снялся с его рогов да бежать, а он за мной. Добежал я до своего платья, наспех вдел обе ноги в один сапог, а штаны, рубашку да сапоги взял под мышку и во весь дух пустился бежать. Оставив теленка далеко позади себя, прибежал домой.

На другой день, взяв свое ружье, я пошел, по обыкновению, бродить в окрестности. День выдался очень жаркий. (Разгар лета). Подхожу к реке. Смотрю, по снегу, только что выпавшему, проходит свежий след лисицы. Я — по следам. Через несколько шагов следы лисицы повернули прямо в воду. Присмотрелся я хорошенько к поверхности воды и увидел на ней едва заметные отпечатки следов лисицы. Это от меня, как от опытного охотника и следопыта, никак не могло ускользнуть. Ну, что ж, раз след виден, так я по следам иду дальше. Следы привели меня к другому берегу, а там затерялись в густой траве. Я стал руками раздвигать траву и ползком продолжаю преследование лисицы. Ползая так в густой траве в поисках следов лисицы, я случайно наткнулся в тени бурьяна, который не рос, на лисицу. Она сидела в компании ежа и змеи. Все трое азартно играли в карты. Я, не показав виду, что преследую лисицу, подсел к ним и попросил себе карту. Играю и наблюдаю за ними. Мошенничают ребята один чище

другого. Ну, меня, конечно, провести трудно, я в два счета очистил их.

Еж и змея, проигравшись, пошли искать взаймы деньги, а лисица предложила мне:

— Сейчас лето, тепло, могу и без шубы жить, закладываю свою шубу, давай сыграем.— Предложение я принял и, конечно, выиграл шубу. Сняв шубу с плеч лисицы, я пошел дальше.

Забрел в глухую степь. Жара нестерпимая, жажда замучила. Пошел искать воду. Скоро набрел на худук. Худук оказался слишком глубоким. Пришлось снять свою голову и при помощи журавля опустить в худук, воды напиться.

Сижу у худука, жду, пока моя голова воды напьется. Покуриваю себе и смотрю по сторонам. Вдруг я заметил, что недалеко от худука находится хотон. Около кибиток много народу и коней. Подумал: не иначе, как свадьба. Дай пойду, жажду ведь лучше утолять аракой, нежели водой.

Встал и пошел. Прихожу. Вхожу в кибитку, где шел пир, и сел у дверей. Стали разносить водку и махан. В это время хозяин кибитки говорит:

— Кто без головы, тому ничего не давать.

— Я подумал: «Кто же тут без головы?» Озираюсь вокруг, у всех головы целы и на плечах... На кого же это, думаю, хозяин намекает?

Тут я вспомнил, что я свою голову оставил в худуке, и понял, что хозяин про меня говорит. Скорей вышел из кибитки и побежал к худуку. А голова-то моя вылезла из худука и, посмеиваясь, говорит:

— Ты что же, брат, меня оставил здесь?

Взял я свою голову, надел ее и пошел обратно в хотон, где была свадьба. Вошел в кибитку и сел у дверей. Хозяин увидел меня и приказал своим:

— Новому гостю подать водку и махан.— Мне подали. Наелся, напился до отвала и вышел на двор просвежиться в тени кибитки.

Сижу и смотрю по сторонам. Гляжу, с юга подъезжает тройка хорьков, впряженных в тарантас. Думаю: «Должно быть, какой-нибудь знатный гость приехал на свадьбу». Когда приехавшие вылезли из тарантаса, то оказалось, что это явился тарантул со своей женой и детьми погулять на свадьбе.

Посидел, посмотрел я на этих необычайных и забавных гостей и пошел дальше. Иду и слышу, кто-то разговаривает и кажется совсем возле меня. Огляделся по сторонам, посмотрел и вверх, и вниз, под собой — никого и ничего, а разговор все продолжается. Думаю, что же это такое, где они спрятались? Стал искать. Везде искал, но нигде никого не обнаружил, а разговор все идет и все около меня.

Я хорошенько прислушался к разговору и понял, что голоса раздаются из-под моей рубашки. Скорее снял я рубашку и начал искать беседующих. И что же вы думаете, оказалось, что разговаривали между собой вошь и блоха. Блоха приехала сватать за своего сына

дочь вши. Ну, а вoшь отказывалась от родства блохи и говорила: — За вашего сына я свою дочь не отдам, так как ваш сын, как и все ваше отродье, будет скакать то там, то здесь... И бог весть, куда он завезет мою дочь, а я хочу, чтобы моя дочь находилась недалеко от меня, чтобы можно было чаще видеться... Нет, не обижайтесь и не старайтесь, все равно ничего не выйдет... Идите с богом домой.

Удовлетворив свое любопытство, надев рубашку, пошел дальше. Иду и думаю обо всем, чтобы не скучно было. Но что-то ничего не думается, мысли мои куда-то задевались. Стал искать, а они, оказалось, устроили с ветром скачки на быстроту и далеко убежали вперед.

Намазав свои пятки жиром, чтобы они не скрипели, я побежал вдогонку. Бегу и спотыкаюсь о свою тень. Наконец, я догнал их, когда они сидели с ветром на краю земли и спорили, кто из них скорее пришел на край земли.

Быстренько собрав свои мысли, я пошел обратно домой.

По пути встретил много журавлей. Они лежали на дороге, точно мертвые. Заткнул я себе за пояс несколько журавлей и продолжал путь.

Не успел я сделать и пяти-десяти шагов, как вдруг журавли полетели и потащили меня с собой. Лечу и думаю: почему же это журавли лежали на дороге, если они не были мертвыми?.. Объяснить этого я не мог.

Тем временем журавли стали освобождаться от меня. Улетел последний журавль, и я полетел вниз. Лечу вниз и думаю: ну, теперь крышка. Скоро я почувствовал, что ударился об землю... Но что за чудо! Я на чем-то несусь с бешеной быстротой. Когда опомнился и осмотрелся, то оказалось, что я скачу на волке.

После я узнал, что дело с журавлями и с волком обстояло очень просто. Журавли в тот момент, когда я их брал, оказывается, были пьяные. Они напились свадебного вина, которое везли в бочках. Бочки от жары потрескались и рассыпались; вино вытекло и образовало большую лужу на дороге. Ну, а потом, когда хмель прошел, они полетели, но так как они были просто заткнуты за пояс, то стали легко освобождаться и улетать от меня. Ну, ясно, я полетел вниз и упал на спящего волка. Волк с испугу пустился бежать, пока я успел опомниться и слезть с него.

Несусь я на волке. Смотрю, скачем мимо какого-то большого хотона. Почувяв волка, выскочили собаки и погнались за нами. Волк прибавил ходу, пустился в степь, к оврагам. Думаю, как же мне теперь быть, как мне слезть с волка? Спрыгнуть — боюсь ушибиться. Не успел я прийти к определенному решению, как вдруг волк, добежав до своей норы, со всего разбегу ушел в нору, а я оказался около норы.

Так я спасся от волка.

Когда я пришел домой, то встретил у себя вашего посла, которого вы не посылали, и получил ваше приглашение, которое вы не делали. Вот я и явился к вам.

Все, что я рассказал,— истинная правда. Если тут есть хоть одно слово лжи, то пусть я утону на вершине горы в воде, которая утекла, пусть я сгорю в огне, который потух и пусть выключет мне глаза сдохшая ворона.

А теперь, хан, вы отдадите мне свою дочь... в жены.

Так закончил рассказчик и встал перед ханом на колени.

— Нет,— ответил хан,— я не отдам тебе свою дочь,— ты, ведь, сукин сын, лгун, рассказал не семьдесят одну небывицу, а семьдесят две. Семьдесят вторая та, что я за тебя отдам дочь, а дочери ханов никогда не бывают женами черной кости*.

Так и не отдал хан ему свою дочь.

О ХАНЕ ЦЕЦЕНЕ И О ЕГО МУДРОЙ НЕВЕСТКЕ

Д

авным-давно, когда калмыцкие ханы монгольского происхождения были еще самостоятельными, жил некий хан Цецен. Этот хан имел многочисленных подданных, много золота и скота, но имел только одного сына, да и тот был полоумный. В надежде, что может быть потомство будет получше его сына, хан Цецен женил своего сына.

После свадьбы хан Цецен, выезжая на охоту, приказал своему сыну последовать за ним.

Вот едут они вдвоем по диким местам, и вдруг хан Цецен заметил лежащего на земле оленя. Чтобы проверить смекалку своего сына, хан говорит ему:

— Скорей беги, поймай оленя за рога!— Сын послушал отца и изо всех сил побежал к лежащему оленю, чтобы схватить его за рога. Ну, конечно, олень не такой, чтобы его можно было взять за рога голыми руками: услышав человеческие шаги, олень поднялся и ускакал.

Хан Цецен, державший свой лук на изготове, спустил тетиву лука. Сраженный стрелой олень, сделав два-три бешеных прыжка, упал и растянулся на земле.

Сразив оленя, хан Цецен быстро подошел к своему сыну, стоявшему в стороне с разинутым ртом, поймал его и стал бить плетью за то, что он оказался таким глупым, не понял смысла его слов. Разгневанный и раздосадованный хан Цецен бросил строгий взгляд на сына, истекавшего на земле кровью, сел на своего коня и помчался домой.

* Богатые презрительно называли калмыцкую бедноту — «черной костью».

Сын не понял, за что бил его отец; он полежал, поплакал и поплелся за отцом домой.

Хан Цецен, прискакав домой, послал к кибитке своего сына дворovou девушку Чингняч Цаган узнать, о чем будет говорить его сын своей жене, когда придет домой и что скажет ему в ответ жена.

Недолго пришлось ждать Чингняч Цаган: явился домой ханский сын, весь окровавленный и со слезами.

— Что с тобой?— в испуге спросила его жена.— В ответ ханский сын рассказал все, что было на охоте. Жена, не поняв причины побоев, вся вспыхнула и сказала негодую:

— Что это значит, никак старик с ума сошел!

Чингняч Цаган пришла и весь этот разговор молодых изложила хану. Узнав об этом, хан Цецен с сожалением подумал:

«И невестка-то наша тоже умом не ушла далеко от моего сына».

На другой день хан опять отправился на охоту, также захватив с собой сына.

На этот раз не попался им ни один зверь, ни одна птица, несмотря на то, что бродили целый день. Оба усталые, остановились отдохнуть.

— Ну, сынок,— обратился хан к своему сыну,— как можно скорее свари в деревянном котле мясо...— Сын скорее встал, достал кусок толстого сухого дерева, выдолбил из него котел, налил воды, накрошил мяса и развел под ним огонь. Но когда пламя коснулось котла, то котел сейчас же воспламенился, сгорел, а все его содержимое вылилось на землю.

Хан Цецен, увидев, насколько сын его глуп, разгневался и опять стал бить его плетью. Оставив в степи плачущего сына, хан поехал домой. Сын снова не понял, за что его бил отец, и со слезами на глазах поплелся домой.

По приезде домой хан опять послал к кибитке своего сына девушку Чингняч Цаган узнать, о чем будут говорить молодые.

Как только вошел ханский сын в свою кибитку, его жена с ужасом возопила:

— Боже мой, что же это такое! Что это значит? Почему ты весь в крови?

Ханский сын рассказал своей жене подробно все, что произошло на охоте. Ханская невестка, по-прежнему не понимая смысла ссоры между отцом и сыном, заявила:

— Не иначе, как наш старик с ума сошел!

Девушка Чингняч Цаган пришла и доложила обо всем хану. Хана пуще прежнего сокрушило это сообщение, ему досадно было, что и невестка так же глупа, как и его сын. Следовательно, ему нечего ждать от них хорошего потомства; он был сильно огорчен, от большого переживания заболел и лег в постель.

Прошло некоторое время, хан позвал к себе сына и говорит:

— Ты ведь знаешь, я уже давно болею и давно не ездил верхом...

Иди, поймай в табуне лошадь, у которой головы обращены одна на юг, а другая на север, и приведи ее сюда.

Сын поехал, прискакал к своему табуно и смотрит, где же это та лошадь, у которой две головы; такой лошади в табуне не оказалось. Что же делать? С пустыми руками возвращаться нельзя, отец будет ругать... Думал, думал и надумал: поймал двух коней, связал их за хвосты и пригнал к хану.

Хан Цецен, увидя такую глупость своего сына, не вытерпел, выбежал навстречу сыну и стал бить его плетью на глазах всех своих слуг. Увидев, как хан избивает своего сына, ханская невестка подбежала к хану и стала защищать своего мужа.

— Хан, вам мало было, что вы дважды уже били его в степи на охоте, а теперь вы начинаете бить при всех... Ведь он же ваш единственный сын! С ума что ли вы сходите?

Хан, окончательно убедившись в том, что его сын и невестка глупы, сказал своей старухе:

— Наш сын глуп, в этом спору нет, но я надеялся на невестку: авось она хоть с маленьким умом!.. Думал, она сумеет прикинуть мозгом и понять, почему я бью ее мужа, но и она не понимает. Я ведь нарочно, с целью испытания их обоих, давал своему сыну разные поручения. А она оказалась не лучше нашего сына. Я думаю развести сына с его женой, пусть она едет к своим родителям, а для сына найдем невесту поумнее...— Старуха согласилась с этим, и невеста была отправлена к своим знатым родителям.

В следующую весну, когда снег растаял и земля покрылась зеленой травкой, хан Цецен объездил всю свою обширную страну, не оставив ни одной кибитки, чтобы не заглянуть туда, но нигде не увидел подходящую девушку в жены своему сыну. Однажды к вечеру, когда завиднелся недалеко большой хотон, небо покрылось грозовой тучей, и пошел ливень с градом.

Еще не доезжая до хотона, хан Цецен встретился с девушками, которые собирали кизяк и были застигнуты дождем: теперь они, разбросав собранные кизяки и накрыв себе головы пустыми кожаными мешками, торопливо бежали домой. Позади всех осталась одна девушка. Она, сняв с себя свой халат, накрыв им кожаный мешок, туго набитый кизяком и прикрепленный на ее спине, вела за собой теленка.

Хан Цецен подъехал к ней и спросил:

— Что ты одна делаешь под дождем?— Девушка ответила:

— Нас, подруг, которые вышли собирать кизяк, было двадцать человек; к вечеру, когда солнце уже собиралось садиться, здесь, в степи, сошлись наши коровы со своими телятами. И вот, чтобы теленок не высосал все молоко коровы, я поймала теленка и веду его за собой.

— А ведь те девушки убежали домой, что же ты одна под дождем?— хан Цецен повторил свой вопрос, указывая на девушек, которые уже вбегали в хотон. Тогда девушка ответила:

— Оттого, что эти девушки убежали, они, во-первых, остались без

кизяка: они, чтобы накрыть себе головы мешками, высыпали из мешков весь кизяк, который собирали с утра до вечера; во-вторых, их коровы тоже сошлись со своими телятами, но так как они убежали домой, то телята высосали все молоко; в-третьих, они намочили под дождем свои бешметы. Вот у них какие три ущерб, а я же имею только один ущерб — это то, что я намочила себе халат, но это всегда поправимо: покажется солнце — и халат высохнет. Зато я сохранила и кизяк и молоко.

Хан Цецен был очень доволен ее ответом и спросил девушку:

— Где ты живешь? Где твоя кибитка?

— А вот черная конурка, похожая на старого оленя и имеет шестьдесят окон, да шестьдесят воткнутых в землю и связанных сверху кольев.

Хан Цецен раньше девушки приехал в хотон и подъехал к кибитке с шестьюдесятью дырами.

— Кто есть в кибитке? — крикнул он, не слезая с лошади. На окрик вышел старик и сделал ему низкий поклон, узнав своего хана.

— Ну, старик, я спешу дальше, — сказал хан, — а на обратном пути я заеду к тебе, а ты мне приготовь хороший кумыс из бычьего молока.

Сказав это, хан ускакал дальше, а старик недоумевал и огорчался:

— Что же это за необычайный приказ, к добру это или к худу?.. —

Тем временем с поля пришла его дочь. Сложив кизяк, подоив корову, она вошла в кибитку. Старик чуть ли не со слезами сообщил дочери ханский приказ.

— Ничего, ава, тут страшного ничего нет, успокойся, все сделаем, только ты молчи!— сказала старику дочь, ласково глядя его седые волосы.

На другой день, к полудню прискакал хан Цецен и остановился у дверей кибитки. Девушка выставила в дымовое отверстие шест*, скорее уложила своего отца в постель, накрыла его шубой и попросила:

— Ты, ава, будешь непрерывно стонать, как будто ты страдаешь.— Испуганный старик делал все, что приказывала ему дочь.

Хан Цецен, не слезая с коня, крикнул:

— Есть кто в кибитке?

— Есть!— ответила девушка и вышла навстречу хану, а за ней слышались стоны отца.

— Я вчера был у вас и приказывал твоему отцу, чтобы он приготовил мне кумыс из бычьего молока! Ну как, исполнил он мой приказ?— спросил хан Цецен.

— К сожалению, ваша светлость, он не мог исполнить вашего приказа, так как он еще со вчерашнего вечера, как только вы ускакали от нас, и до сего времени все мучается в родовых схватках и не может встать с постели... Вот к вечеру он наверное разрешится, тогда, ваша светлость, будет исполнен ваш приказ,— совершенно спокойно ответила ему девушка.

Хан, не подумав, бухнул:

— Ты что! Разве мужчины рожают!

— А разве от быка молоко бывает?— тут же спросила девушка хана, поймав его на слове.

Хану было очень неловко, что он так быстро и просто поймался, но его осенила мысль, что эта девушка очень умная, и она именно та, которую он ищет в жены своему сыну. Хан подозвал к себе отца девушки и сказал ему:

— Чтобы женить своего сына, в поисках подходящей девушки я исколесил все свое царство, но нигде такой девушки не находил. Наконец, я встретился с твоей дочерью, она мне очень понравилась, и ты отдашь ее за моего сына. Завтра приходи ко мне.— Приказав так, радостный хан ускакал домой.

Старик не рад был этому, он все охал:

— Боже, боже! За что такое наказание?!.. Что это доводится увидеть мне в жизни!

На другое утро старик, боясь послушаться хана, собрался идти к нему.

— Возьмите на всякий случай этот кошелек,— сказала девушка, протягивая отцу крохотный кошелечек, в который и наперсток едва уместится.

Старик взял кошелек и пошел к хану. Придя ко дворцу хана, он

* По старому калмыцкому обычаю, во время рождения ребенка среди кибитки ставят длинный шест так, чтобы конец его выходил в дымовое отверстие кибитки.

почтительно трижды обошел его, остановился у входа, трижды поклонился и со сложенными на груди руками вошел во дворец хана.

Хан посадил его рядом с собой и начал потчевать его, как богатого гостя.

После того, как старику была преподнесена третья чаша с аракой*, хан начал излагать суть дела:

— Ну, старик, как говорится в пословице, от плохого рождается хорошее. Ты счастливый старик, что родил такую умную дочь. Конечно, ей не быть в семье простолюдинов, поэтому я беру ее в свою семью для сына.

Старик сидел, понутив голову, не зная, что ответить хану.

— Ну, старик, не церемонься, тебе ведь надо исправить свою кибитку, наладить хозяйство... Так иди домой и принеси с собой что-нибудь, чтобы насыпать тебе золота из моей казны.

Старик сидит молча, не шевелится. Ему непонятно — во сне это или наяву.

— Ну тогда,— обратился хан к старику,— давай хоть свой кошелек, наполним его, сколько он сумеет вместить в себя.

Старик вынул и подал ему свой маленький кошелек, который дала ему дочь. Хан, принимая у старика этот кошелек, сказал:

— Чудак ты, старик, ведь сюда больше одной монеты не войдет. Ну уж ладно, сколько войдет!— С этими словами хан открыл свою казну и стал класть золотые монеты в кошелек... Но сколько хан не кладет в кошелек золота, кошелек никак не наполняется и только растягивается без конца. Казна хана уменьшилась наполовину, а кошелек все вмещает и вмещает. В казне хана осталась только одна треть золота, а кошелек наполнен только наполовину...

«Так можно все свое золото отдать»,— подумал хан, но все продолжал сыпать золото, так как ему стыдно было, что его казна не в состоянии наполнить такой маленький кошелек бедняка. Хан опорожнил всю свою казну, но наполнить кошелек все же не сумел.

«Видимо этот кошелек сделан из такого материала, что хоть все мое ханство клади туда, все равно будет мало»,— подумал хан и предложил старику взять свой кошелек с золотом и ехать домой.

Старик едва дотащил свой кошелек до дому. Придя домой, рассказал все своей старухе и дочери.

Не успел старик обновить свою кибитку и купить себе нужной утвари, как вдруг прискакал к нему ханский гонец и говорит:

— Будь готов, старик, встретить хана. Он едет сватать твою дочь и будет у тебя сегодня вечером. При нем его сто верных слуг.— Сказав это, гонец ускакал обратно.

— Что же теперь делать? Куда я их всех размещу? Да и кибитка у меня очень ветхая!— беспокоился старик.

* А р а к а — водка.

— Ничего, ава, не беспокойся, по всем приметам неба и облаков и по дуновению ветра обязательно будет дождь. Дождь намочит гостей, и они рады будут и твоей лагуге.

Перед вечером, действительно, пошел сильный дождь. Все живое искало, где бы спрятать свою голову. Намокшие до ниточки и усталые приехали гости. Они жаждали только попасть под какой-нибудь кров. Не разбираясь в том, хороша или плоха кибитка старика, есть или нет у него на чем сесть, лишь бы укрыться от дождя, хан со слугами скорей вошли в кибитку и разместились кто как мог.

Старик, осведомившись о здоровье хана, сказал:

— Дождь, хоть и элексир, вытекающий из священных источников и дающий счастье и отдых людям, но, верно, вам он был некстати; я боюсь, не повредил ли он вашему здоровью и не испортил ли ваше дорогое и священное одеяние?

Хан ответил:

— Здоровье мое прекрасно, а одеяние портится, попадая под дождь, только то, которое сшито из сырой шкурки, а шелк, как только высохнет, опять прекрасен.

Пировали всю ночь, до утра. На утро хан увез невесту.

Через некоторое время после свадьбы, хан, выезжая на охоту, как и раньше, взял с собой сына. Вот едут они оба по лесистому месту. Вдруг хан увидел под деревом лежащего оленя. Хан, как и раньше, приказал своему сыну:

— Скорее лови оленя за рога!

Ханский сын, спотыкаясь о пни, шурша павшей листвою, изо всех сил побежал к оленю, чтобы схватить его за рога. Олень, услышав шум, поднялся и побежал. Хан прицелился и пустил стрелу. Олень не успел пробежать и десяти шагов, как упал, сраженный стрелой. Убив оленя, хан подошел к сыну и ударил по лицу. Сбив ударом своего сына с ног, хан ускакал к себе домой. За ним поплелся его сын.

Хан, приехав домой, подозвал к себе дворовую девушку Чингняч Цаган и приказал ей:

— Иди в кибитку моего сына и подслушай, о чем будут говорить молодые, как придет с поля мой сын.

Когда явился домой окровавленный и плачущий ханский сын, жена спросила его:

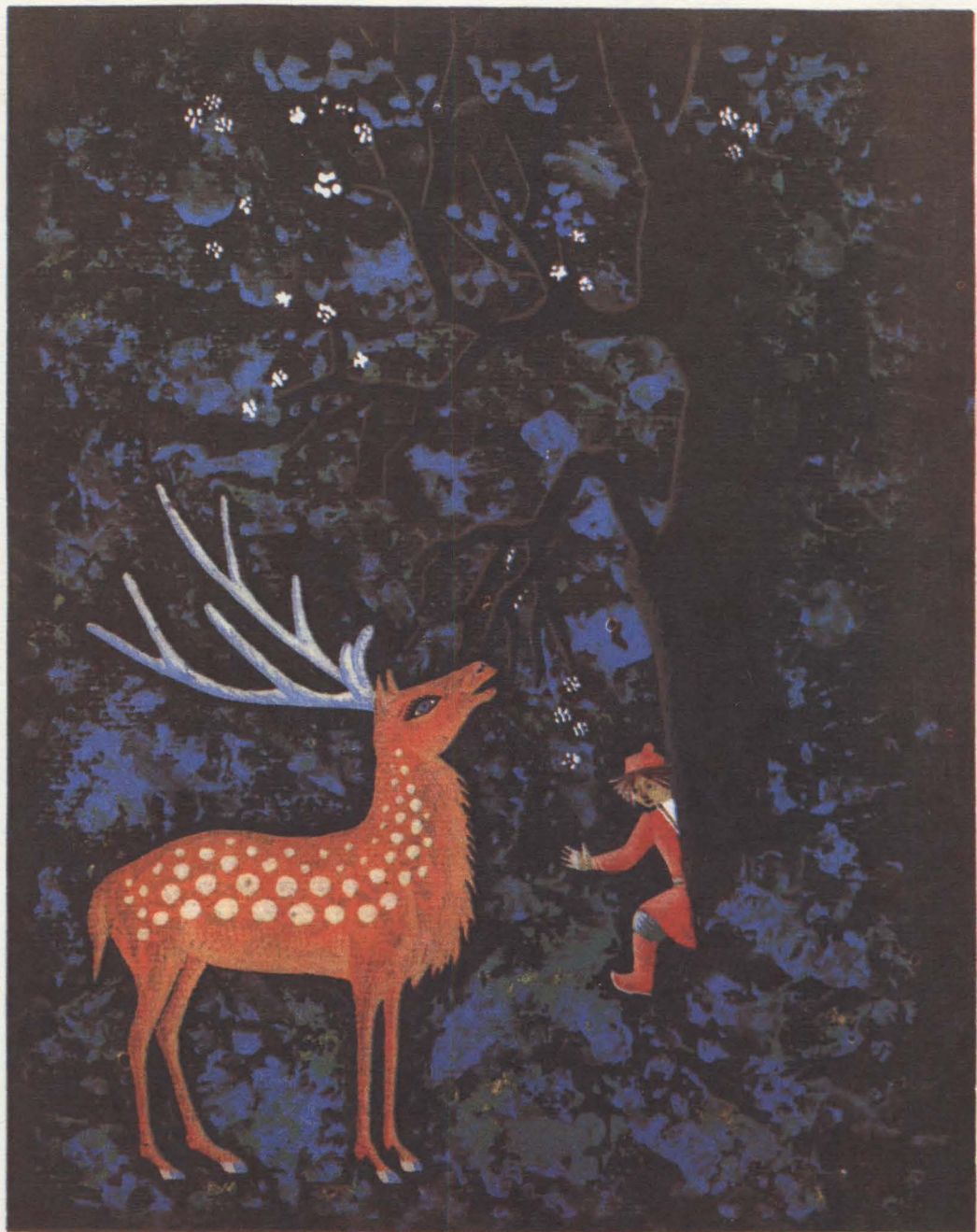
— Что с тобой?

Муж рассказал ей все, как было на охоте. Тогда жена его, вся вспыхнув, сказала:

— Что же вы за человек! Очень жаль, что от такого отца родились вы! Неужели трудно было понять, что приказ: «Скорей лови оленя за рога!» — это значит: «Скорей стреляй!» А убитого оленя можно поймать и притащить не только за рога, но и за ногу. Спасибо скажите хотя бы за то, что вас, такого чудака, хан берет с собой на охоту.

Чингняч Цаган пришла и доложила все это хану.

На другой день хан опять выехал на охоту и взял с собой сына. объездив много мест и не найдя дичи, хан остановился и сказал сыну:

— Быстренько свари мясо в деревянном котле.

Сын по-прежнему выдолбил из дерева котел, налил воды, накрошил мяса и развел под ним огонь. Котел по-прежнему сгорел и содержимое очутилось в золе.

Хан, ни слова ни говоря, схватил своего сына, побил как следует плетью и помчался домой.

Прискакав домой, хан подозвал Чингняч Цаган и приказал ей:

— Иди послушай, о чем будут говорить молодые, когда придет домой с поля мой сын.

Ханский сын явился домой плачущий и окровавленный.

— Ну, опять что-нибудь случилось?— спросила его жена.

Ханский сын рассказал все, что сегодня случилось на охоте.

Выслушав его, ханская невестка сказала:

— Вы очень глупый человек... Неужели вам трудно было понять, что на приказ «свари мясо в деревянном котле»,— надо было взять у него трубку, набить ее табаком, прикурить и подать ему... Он волею-неволею согласился бы с вами, зная, что пища не варится в деревянном сосуде, в нем курится только табак.

Чингняч Цаган пришла и сказала подслушанное хану.

К вечеру хан, подозвав к себе сына, приказал ему:

— Поезжай сейчас в степь, найди там наш табун, поймай и приведи сюда лошадь, у которой две головы: одна смотрит на север, а другая на юг. Мне она нужна для спокойной езды.

Сын поехал в степь. Прискакал к табуну и ищет лошадь о двух головах. Но такой лошади нет. Он по-прежнему поймал две лошади, связал их хвостами и пригнал к хану. Хан не вытерпел и опять стал бить сына. Отодрав его как следует, разгневанный хан ушел к себе и, подозвав к себе девушку Чингняч Цаган, приказал ей:

— Иди послушай, о чем будут говорить молодые.

Ханский сын, плача, вошел в свою кибитку. Увидев избитого мужа, ханская невестка стала ругать его:

— Опять должно быть какая-нибудь глупость! Из-за ваших глупых поступков мне так стыдно, что в конце-концов я из кибитки не буду выходить... В чем дело? Что случилось?

Ханский сын рассказал ей все, как было.

— Ну, ты, дурень, разве не знаешь, что значит лошадь о двух головах, причем одна голова смотрит на север, другая — на юг? Это значит — кобылица, которая должна вот-вот ожеребиться: голова жеребенка в утробе матери смотрит в одну сторону, а голова матери — в другую. Неужели тебе неизвестно, что кобылица, которая должна ожеребиться, имеет особенную, мягкую походку, и что на ней ездить очень спокойно? Что же ты за человек после этого?

Чингняч Цаган все подслушанное передала хану.

Хан очень обрадовался этому сообщению и говорит своей старухе: — Ну, старуха, хоть сын у нас глуп, но зато у нас невестка очень умная, теперь я спокоен за потомство нашего сына.

После этого хан перестал мучить сына своими испытаниями.

Так он жил счастливый и довольный. Но вот вдруг соседний хан, славящийся своей мудростью, чтобы испытать мудрость хана Цецена, прислал ему рукоятку плети из красного дерева с одинаковыми по толщине концами. Он просил хана Цецена определить, где у этого дерева были корни, а где верх.

Получив такое задание, хан Цецен целый месяц думал, как определить, но ни к чему не приходил. Он начал заметно худеть.

Однажды ханская невестка спросила у ханши:

— Почему хан день ото дня худеет и, кажется, о чем-то думает. Может быть он болеет?

— Да нет,— ответила старуха,— соседний хан прислал ему рукоятку плети из какого-то дерева, чтобы он определил, где корень и где верхушка, ну вот, он и думает, как узнать, но ничего у него не получается... Он очень хочет это узнать, так как неудобно перед соседним ханом.

— Что же он мне ничего об этом не сказал, я бы очень быстро определила... Ты скажи, мама, ему об этом,— сказала ханская невестка.

Старуха передала хану слова невестки. Хан обрадовался этому и, позвав невестку, сказал ей:

— Ну, вот тебе рукоятка плети, определяй, где корень и где верхушка.

На это невестка ответила:

— Если мы эту палку опустим в воду, то корень, так как он плотнее верхушки, должен углубиться в воду... Какой конец больше уйдет в воду, этот конец и будет корнем,— а другой — верхушкой.

Так и сделали. Принесли в корыте воду, опустили туда рукоятку плети. В самом деле, один конец опустился в воду глубже, чем другой конец. Отметили на рукоятке, где корень и где верх, и послали соседнему хану. Соседний хан, увидев, что определили правильно, пришел в ярость: как это, мол, могут быть люди, по уму равные мне. Он не успокоился на этом и велел своим слугам поймать в табуне серую кобылицу с жеребенком. А кобылица и жеребенок были мастью, ростом, всеми приметами совсем одинаковы, неразличимы; даже зубы у них были одинаковы. Вот этих лошадей и послал соседний хан хану Цецену определить, какая из них мать, а какая — жеребенок.

Услышав вторую задачу, Цецен-хан также ничего не мог придумать, и он обратился к своей невестке:

— Вот соседний хан прислал мне две кобылицы, совершенно одинаковые и ростом, и мастью, и другими приметами, даже зубы у них одинаковые; надо определить, где мать и где жеребенок.

— Ну, что ж, это очень просто определить,— ответила ханская невестка,— надо только три дня не давать им корма, а потом им обоим

насыпать овса, размером меньше, чем на одну лошадь и понаблюдать: кто из них во время еды своими губами будет сгребать и подвигать овес к другой, та — мать, а которая станет отнимать овес у другой, та будет жеребенком.

Так и сделали. В самом деле, во время еды одна лошадь подвигала овес другой, а та с жадностью ела. Определив мать и жеребенка, отметив, где мать и где жеребенок, послали их соседнему хану.

Соседний хан не успокоился на этом, а послал хану Цецену двух змей совершенно одинакового размера и цвета. Он просил определить, какая из них мужского пола, а какая — женского.

Цецен думал, думал, ничего не придумал, опять попросил невестку:

— Отгадай, какая из них мужского пола, а какая женского.

— Это можно, только надо их продержать в темноте, а потом на пути у входа постелить какой-нибудь широкий бархат, чтобы они ползали по нему. Как только змеи будут на бархате, то та, которая женского пола, сейчас же свернется и будет спокойно лежать, а та, которая мужского пола, будет ползать вокруг спящей, подняв высоко голову, как бы охраняя ее сон.

Так и сделали. Получилось так, как говорила невестка. Определив змей, отослали с отметками соседнему хану.

Соседний хан пришел окончательно в ярость. Ему все же хотелось узнать, кто из них: он или Цецен мудрее. Он решил воочию убедиться в мудрости Цецена и пригласил его к себе в гости.

Хан Цецен, отказав в двух приглашениях, на третье приглашение поехал к нему.

Во время угощений и разговоров соседний хан убедился, что хан Цецен намного глупее его, а потому сам не мог решить те задачи, какие он посылал ему, значит у него есть какой-то мудрец. Убедившись в этом, соседний хан задал вопрос хану Цецену:

— Покажите мне того человека, который отгадывал мои загадки.

— Я сам отгадывал, — ответил хан Цецен, считая неудобным указывать на свою невестку.

Соседний хан, не веря словам Цецена, сказал:

— Если ты не хочешь показать мне этого мудрого человека, то я возьму тебя в плен и велю кормить сухарями.

Хан Цецен стоял на своем. Тогда соседний хан велел своим слугам привязать Цецена цепями за телегу и кормить его сухарями и водой.

Но и это не помогло. Цецен стоял на своем. Тогда соседний хан приказал Цецену:

— Пиши письмо своим, чтобы все твое царство до единой души прикочевало сюда, а там я сам разыщу того мудреца.

Под угрозой соседнего хана Цецен написал старухе:

«Царство нашего соседа-хана оказалось настоящим раем. Нет здесь ни страданий, ни смертей, ни болезней; также нет зимы, а все благоухает весна; лета также нет, а все осенняя прохлада. Народ здесь во все четыре времени года живет в довольствии и не знает, что такое

работа... Сплю я на мягкой перине. Кушаю жирную баранину и пью крепкий ароматный чай, одеваюсь в голубой бархат. Удовольствию, развлечениям и весельям моим нет предела... Все это бывает круглые сутки. Из этой страны нет возможности отлучиться хоть на одну минуту. Получив это письмо, до единой души кочуйте все сюда. Помните: ты, моя старушка,— доверчива; в табуне моем несчастный пегий жеребенок, но что отрадно, в сундуке моем имеется кусочек ароматного масла... Кочуйте все. О вас соскучился сильно».

Это письмо он отдал соседнему хану. Соседний хан, ничего не заподозрив в иносказаниях Цецена, это письмо послал с гонцом в ханство Цецена.

Гонец доставил письмо старухе Цецена. Старуха, поверив этому письму, с радостью начала собираться со всем народом кочевать в ханство соседнего хана. Она кричала:

— Все подданные хана Цецена, до единой души, кочуйте в ханство соседнего хана.

Услышав это, ханская невестка прибежала к ханше и узнала, что все это делается по приказу хана Цецена... Она усомнилась во всем и потребовала подтверждения. Ей показали письмо Цецена.

Прочитав письмо, она побледнела и сжала губы. Она шепотом сказала ханше:

— Мама вели взять в плен и заковать в кандалы этого гонца из соседнего ханства, тогда я скажу, в чем дело.

Старуха послушалась своей мудрой невестки и велела заковать в кандалы гонца. После этого ханская невестка стала разгадывать каждую строчку письма хана Цецена.

— Мама,— сказала ханская невестка,— отец наш взят в плен и находится в опасности. Все, что он пишет, надо понимать в обратном смысле. Чай и баранина — это вода и сухари; перина — это земля, голубой бархат — это небо. Веселье круглые сутки — страданье круглые сутки. А то, что нет возможности отлучиться хоть на одну минуту, это значит, что он закован в кандалы... «Ты, старушка моя,— доверчива» — это предостережение, чтобы не верить письму; «в табуне несчастный пегий жеребенок» — это хан говорит о сыне, который все равно ничего не поймет, «кусочек масла в сундуке» — это я. Он надеется только на меня. Призыв «все кочуйте сюда» — это значит «идите войной на соседнего хана и освободите меня». Поэтому нам надо идти туда не как мирным кочевникам, а как грозным воинам, вооружившись с ног до головы.

Выпытав гонца и все узнав от него, умертвили его тут же.

Сделали так, как предложила ханская невестка, и двинулись до единой души в соседнее ханство.

Остановившись недалеко от дворца соседнего хана, ханская невестка послала вперед ханшу и ханского сына передать соседнему хану:

— Мы все с радостью кочуем в твое ханство; все мы бодрь, не

чувствуем усталости... Богатство наше все в сохранности, не пало ни одно животное... Будем завтра утром на рассвете.

Первое, что бросилось им в глаза, это связанный по рукам и ногам хан Цецен. Он лежал посреди хотона, и его избивали плетьюми... Ханша и ханский сын, делая вид, что не заметили это, прямо пошли к соседнему хану и передали то, что велела передать их невестка.

Соседний хан, поверив этому, сейчас же велел освободить Цецена и задал пир. Пировали всю ночь. Только перед рассветом соседний хан и его войско, совершенно пьяные, улеглись спать.

Тем временем невестка Цецена-хана сама вела свое войско ко дворцу соседнего хана. На рассвете она достигла двора соседнего хана и застала всех спящими. Воспользовавшись этим, без единой потери в своем войске, ханская невестка взяла в плен все войско соседнего хана и заковала в кандалы его самого.

Разгромив так все войско соседнего хана, она объявила всем подданным этого ханства, что они теперь принадлежат хану Цецену.

Так покорила соседнее ханство мудрая ханская невестка.

СМЕНА ВРЕМЕНИ

Один хан, желая знать мудрость своего народа, сделал объявление:

— Все, кто считает себя келмерчами*, в семидневный срок должны явиться ко мне.

Объявление хана с молниеносной быстротой дошло до самых отдаленных хотонов и кибиток.

На объявление хана откликнулись три старика.

Три старика церемонно сели в приемной хана.

Хан, узнав, что к нему пришли три старика, вошел в приемную.

Увидев стариков, он заметил, что у первого старика на голове совсем нет волос, у второго волосы седые, а усы черные, а у третьего нет усов.

— Сколько вам лет?— обратился он к первому старику.

— Пятьдесят,— последовал ответ.

— Сколько вам лет?— обратился он ко второму.

— Пятьдесят,— ответил старик.

— Сколько вам лет?— обратился он к третьему старику.

* Кел мер чи — мудрец, сказитель.

— Пятьдесят, — ответил старик.

— Значит, все ровесники?

— Да, — подтвердили старики.

— Вот вы все ровесники, — обратился хан к первому, — почему же у вас на голове нет волос?

— Я на своем веку видел много плохого и хорошего. Я так много думал, как лучше жить людям, что на голове ни одного волоска не осталось.

— Вы с ними ровесник, почему у вас волосы седые, а усы черные? — спросил хан у второго старика.

— Мои волосы — мои ровесники. Они у меня были еще тогда, когда я только что родился, а усы выросли, когда мне было двадцать пять лет. Волосы на двадцать пять лет старше, чем усы. Поэтому волосы седые, старые, а усы молодые, черные.

— Вы ровесник с ними, почему у вас совсем нет усов? — спросил хан у третьего старика.

— Я единственный потомок моих родителей. Поэтому, для того чтобы не обидеть отца, я родился мужчиной, а для того, чтобы не обидеть мать, я родился, чтобы быть безусым.

Хан за находчивость стариков подарил им мешок золота. Старики, поблагодарив хана, поспешно вышли.

Один приближенный хана, увидев их с мешком золота, подумал: «Эх, глупый же наш хан. С какой стати он отдал мешок золота этим корягам? Неужели они мудрее меня? Нет! Равного мне не найти на свете! Так держитесь у меня! Задам я вам три вопроса и загоню в тупик! Не ответите, так вам конец. Давай сюда золото». — С этой мыслью он во всю быстроту своей лошади пустился догонять стариков.

Первый старик увидел вихрем летевшего всадника и сказал:

— Слушайте, он — за нами. Вы с золотом продолжайте путь, а я подожду, что скажет молодец, — сказал первый старик.

Те согласились и ушли.

Приближенный хана, бешено прискакав, прямо с лошади спросил...

— Вы мудрец?

— Да, мудрец.

— Тогда дайте ответ на мои вопросы:

— Что такое мир?

— Это день и ночь. Днем работаем, а ночью отдыхаем.

— Что такое земля, что такое вода?

— Земля — это мать человека и животных, а вода — мать рыб.

— Что такое смена времени?

При этом вопросе старик, делая вид, что он смутился, говорит:

— Ах, какое несчастье! Ответ на этот вопрос я забыл у тех стариков. Позвольте на минутку мне вашу лошадь. Сейчас же доставлю ответ.

«Попался, гадюка! Вот когда я тебя возьму за жабры!»— подумал приближенный хана и сказал:

— Бери!

Старик, сев на лошадь, сказал:

— У вас была лошадь, у меня не было. Вы сидели на лошади, я стоял на земле. Вы сейчас на земле, а я на лошади. Это и есть смена времени. Спасибо вам!— С этими словами старик ускакал.

Приближенный хана остался не только без золота, но и без своей лошади.

НЕПРИСУЖДЕННАЯ НАГРАДА

М

ного лет тому назад жила вдова-старуха. Было у нее четверо детей: три сына и дочь. Сыновья хороши собой, дочь еще лучше. Красавицы такой за тысячу верст кругом не сыскать. Кто хоть раз девушку эту увидел — всю жизнь красоту ее помнил.

Крепко любили ее и мать и братья, дорожили ею больше жизни своей, берегли ее, как зеницу ока.

Братья-охотники, сильные и смелые, зоркие и быстрые, никогда не возвращались домой без обильной добычи.

Собрались однажды братья-молодцы в дальнюю охоту. Решили мяса запас сделать, разного зверья набить, матери и сестре мех на зиму раздобыть. Поели айрик*, взяли с собой баранью ляжку, попрощались с матерью и сестрой, пошли.

Осталась мать с дочерью.

К вечеру вышла мать из кибитки. Пока старуха занималась хозяйством, влетел в орке** страшный мангус*** и унес красавицу.

Вошла мать, а кибитка пуста. Нет дочери. Искала-искала — не нашла. Догадалась мать, что случилось. Пала на землю, плачет. Долго тянулась ночь. Глаз не сомкнула старуха, слезами горькими изошла.

Утром вернулись братья с охоты. Довольные, веселые. Встретила мать сыновей у входа в кибитку. Как сказать о несчастье? Старуха поздоровалась с ними, говорит:

— Сыновья мои любимые! Как и отец ваш, вы храбры, сильны и ловки, в доброте и в честности ему не уступите! Только и хороших людей несчастье постигнуть может. Хочется знать вашей матери, на что из вас каждый способен, если придется родному человеку помочь!

Сказал старший сын:

— На всем свете нет такой вещи, какую я отыскать бы не смог. Иголку в степи и ту увижу, головку булавочную на дне моря сыщу, за каменной стеной в сундуке, на семью семь замков запертом, булавочный кончик острый найду.

— А я одним выстрелом на любой высоте любую птицу убить могу, в дождевую каплю под облаком попаду, одной стрелой на ходу десять зайцев прикончу,— сказал матери средний сын.

Не отстал от братьев и младший сын.

* Айрик — простокваша.

** Орке — дымовое отверстие в кибитке; семья, живущая в кибитке.

*** Мангус — сказочное чудовище, пожирающее людей.

— Я,— говорит,— своими руками все поймать, удержать могу. Камень с горы поймаю, скалу на лету схвачу. Если бы с неба огромная и тяжелая гора свалилась, и ту бы целой поймал — комочка земли не отпало бы.

Обняла мать сыновей по очереди и призналась им в несчастье:

— Нет больше дочери у меня, сестры — у вас. Горе нам, сыновья мой! Ищите скорее сестру вашу любимую, простите меня старую, что недоглядела за дочерью своей единственной.

Попадало у братьев из рук наземь оружие и добыча охотничья. Нет сестры...

Первым сказал старший брат:

— Ну, нечего делать! Времени попусту терять незачем. Попрошаемся с матерью и пойдем по белу свету — сестру разыскивать. Пока не найдем, не бывать нам дома. Только бы найти нам мангуса, пока не съел он нашей сестры.

Ушли.

Дня не прошло, как разыскал старший брат облако, в котором спрятался мангус.

Нацелился средний брат, натянул тетиву, так что концы лука вместе сошлись, пустил ввысь стрелу поющую.

Прямо в сердце мангуса вонзилась, насмерть поразила злое чудовище. Выпустил мангус девушку. Камнем белым сестра вниз рухнула. До земли три четверти шага осталось — подхватил сестру младший брат, невредимой наземь поставил.

Слух о том, как братья свою сестру из ужасной беды выручили, от самого мангуса спасли, по всей земле прошел.

Собрались старики — келмерчи из хотонов разных, — решили присудить награду тому брату, кто ее больше всех заслужил.

— Среднего наградить — он дракона убил, — говорит один.

— Что же, что убил! Если бы старший брат дракона не нашел, так и стрелять среднему брату было б не в кого, — твердят иные.

— Младший брат больше заслужил, — настаивают другие, — если бы не он, разбилась бы девушка, не помогли бы ни старший, ни средний братья.

— Младшему-то и ловить не пришлось бы, если бы не старший и средний братья: девушку мангус давно бы уже сожрал, а он всю жизнь искал бы сестру, пока не умер, — возражают некоторые.

Так и спорят келмерчи до сегодняшнего дня — все никак решить не могут, кому из братьев награду дать следует.

А ты как думаешь? Сказки слушать всякий умеет. Ты вот помоги решить, кому же из братьев награду нужно дать.

Всем трем? Нельзя. Не по правилу. Келмерчи будут против. Одному из трех? Так кому же?

КЕДЯ

Ж

ил старик. Он был очень беден. Всё его богатство было в одном кочкаре*, с которым он не расставался. В хотоне так и звали старика: Кедя с рыже-лысым кочкаром.

Однажды старик сел на своего кочкара и поехал путешествовать. Дорогой он нашел уже пожелтевшую лопаточную кость.

Кедя ударил своего кочкара в нос, намочил в его крови кость и положил ее за пазуху.

Приехал Кедя в большой хотон. Жители его готовились к какому-то торжеству. Они зарезали много скота и варили мясо. Увидели они, что у старика имеется лопатка и предложили ее опустить в котел, чтобы сварить вместе с мясом. Кедя стал отказываться.

— Мясо съест мою лопатку, — говорил он.

Калмыки посмеялись над ним и стали уверять, что таких случаев не бывает. Чтобы убедить старика, дали слово, что если мясо съест лопатку, то все мясо отдадут ему.

* Кочкар — баран.

Кедя опустил свою лопатку в котел. Когда мясо сварилось, стали вынимать его. Лопатки в котле не оказалось. На дне его были только мелкие косточки.

Кедя придрался и получил мясо.

Наевшись как следует, он отправился дальше. Приехал к вечеру Кедя в богатый хотон и не знает, что делать со своим кочкаром.

Жители хотона предложили ему пустить его на ночь в отару. Старик стал отказываться: ведь овцы могут напасть на его кочкара и растерзать его. Люди посмеялись над стариком: ведь овцы никогда не едят друг друга, поэтому ему нечего бояться. Но если что-нибудь случится, то всю отару отдадут Кеде.

Старику этого и надо было. Пустил он своего кочкара в отару.

Ночью, когда все заснули, старик тихонько встал, зарезал своего кочкара и его кровью намазал рты всех овец.

На другое утро калмыки увидели, что случилось то, чего боялся Кедя. Хотон вынужден был отдать Кеде всю отару овец. Старик зарезал всех овец и сложил в одну кучу мясо, в другую — шкуры, а в третью — все внутренности.

В это время недалеко от Кеды паслись семь белых верблюдов. Старик измазал их кровью так, что семь белых верблюдов превратились в семь красных. Сделав это, Кедя пошел дальше.

Встретился с ним незнакомый человек и спросил, не попадались ли Кеде по дороге семь белых верблюдов?

— Нет, я не видел белых верблюдов, я видел семь красных верблюдов.

Они поспорили. Прохожий уверял, что верблюды белые, а Кедя,— что они красные. Спорили, спорили, наконец решили, что если прав Кедя, то он получает верблюдов, а если не прав,— расплачивается своей головой.

Вернулись туда, где паслись верблюды. Кедя оказался прав. Получив верблюдов, старик погнал их дальше. По дороге он встретил молодого человека на вороной лошади и в дохе из жеребьячьей шкуры. Поздоровались. Молодой человек спросил Кедю, откуда он идет. Старик ответил:

— То место, откуда я иду, называется «Куча шкур, куча мяса и куча внутренностей».

Молодой человек возмутился и сказал:

— Ты, старик, не дурачь меня!

Кедя стал уверять его, и они поспорили. Решили: если Кедя прав, то молодой человек отдаст свою лошадь и доху, а если Кедя не прав, старик отдаст своих семь верблюдов.

Вернулись туда, где Кедя зарезал своих овец, и увидели кучу шкур, кучу мяса и кучу внутренностей. Кедя сел на лошадь, надел доху и погнал в свой хотон верблюдов.

ХРАБРЫЙ ОВШЕ

Бьют-кипят ключи, кричат олени-маралухи, цветы распускаются. Зелень лугов разливается, кукуют тонкоголосые кукушки, колышет ветер деревья сандаловые, что ветвей своих поднять не в силах. Кричат ястребы и беркуты, кустарники меж собой переплетаются, зеленая мурава стоит грядой.

Тянется синий дымок, голубь воркует, дерево-лиственница красую становится. Природа и люди рады.

В славный час родился на земле добрый батар Овше. Отцом его был Енкэ-Мэнкэ (Спокойствие-Вечность), а матерью Ердени Джиргал (Драгоценность-Радость).

Погладили спину ребенка — и не нашли позвонка, который мог бы согнуться, между ребер пощупали, — не нашли такого места — промежутка, в которое злой человек нож всадить мог бы. Зубы, как раковины, бело-розовые были, глаза прекрасные — за сто верст муравья видели.

Так родился славный батар, так родился лучший из мужей Овше.

Воздвигли Овше на прекрасной белой равнине Тюлькюр (Ключ) красную ставку чудесную. Из чистого золота терме* сделали.

На семидесяти пяти подпорках ставка стояла. Набросили на них двадцать четыре стальных покрывала, завязали двадцатью четырьмя поясами. Переднее покрывало крыши было подбито шкурами оленей, а сверху обшито белым шелком. Широкое покрывало орке сделали из прекрасного радужного шелка, а все завязки — из цветистых красных нитей.

На дверцах ставки была изображена гордо парящая в воздухе Гаруда, на косяках — собаки Басар и Хасар, на верхнем косяке — попугай. На решетке и жердях крыши были вырезаны бодающиеся козлы, на подпорках — львы и тигры.

Быстро рос Овше. Давно такого батара славного народ не видел.

В одно время с Овше родился Аранзал — конь чудесный. На спине того коня не было позвонка гнущегося, между ребер промежутка для ножа тонкого злодею нельзя найти было. По земле и воздуху Аранзал, как шурган (снежная буря), мчался, нес своего любимого хозяина Овше.

Скоро пришло Овше время своему народу помочь, батарскую силу и смелость. Им и бесстрашие показать.

Нападали на бедных людей жестокие и страшные мангадхай**. Был у мангадхаев предводитель. В бою никто ему страшен не был. Силу имел несравненную. Против силы такой и батар Овше слабым мальчиком казался.

Угоняли мангадхай скот у бедных людей, селения их разоряли, сопротивляющихся убивали, детей в плен брали, рабами своими делали.

Пришел народ к Овше защиты просить, помочь мангадхаев разбить, злого предводителя их уничтожить.

Долго не думал Овше. В дорогу собрался мигом. Вскочил на Аранзала, попрощался с народом.

Напутствовали Овше люди кочевьев разных:

На пути своем
Счастлив будь!
В деях своих
Удачлив будь!

Уехал Овше. День едет, сто дней едет. Нет следа мангадхаева. Решил отдохнуть Овше. Сам устал, и конь утомился. Лег Овше под деревом, а коня подле себя пастись пустил.

Проснулся утром Овше — нет коня.

Сразу догадался Овше, кто увел такого коня сильного.

Оделся Овше пастухом, пошел по следам коней. Крупные следы —

* Терме — решетки, составляющие остов кибитки.

** Мангадхай — сказочные многоголовые человекоподобные чудовища, беспощадные и мстительные.

коня предводителя мангадхаев, помельче — следы Аранзала.

Немного погодя догнал Овше мангадхая. Знал Овше, что мангадхай сильнее его, — решил осторожным быть, хитростью действовать.

— Я — пастух, — говорит Овше, — сирота бедный. Взял ты коня хозяина моего. Если вернусь я домой один, без коня, убьет меня хозяин. Отдай коня.

Отвечает громовым голосом мангадхай:

— Ну, если убьет, так садись на своего коня и езжай, да только не к хозяину своему, а ко мне. У меня жить станешь, работать на меня будешь!

И от слов тех гудит-жужжит,
Старая земля дрожит.

Уцепился мангадхай за узду Аранзала, стегнул свою лошадь, тронулся в путь. Делать нечего. Поехал Овше с мангадхаем вместе.

Когда приехали, мангадхай первым делом за еду принялся. В один присест тысячу шага-чимгинов (бараньих ляжек) съел, два колодца айрика (простокваши) выпил, три колодца арзы* осушил, четыре колодца хорзы вылакал, пять колодцев хорона** высосал.

Насытился мангадхай и пришел в хорошее настроение.

— Ну, — говорит мангадхай Овше, — расскажи, как твоего народа богатыри живут, что замечательного сморчки эти делать могут.

Отвечает Овше.

* Арза — дважды перегнанная водка из кумыса (кобылье молоко) или айрика.

** Хорон — несколько раз перегнанная водка: яд.

— Наши богатыри одним духом целый казан (котел) расплавленного чугуна выпивают и глазом не моргнут!

Усмехнулся мангадхай. Велел принести десять казанов расплавленного чугуна. Один за одним выпил их, невредим остался, только посмеивается.

Видит Овше — не прошла его хитрость.

— Еще что твои богатыри несчастные делать могут? — спрашивает мангадхай.

— Умеют наши богатыри еще зимой в воде стоять по грудь, пока вода не замерзнет. А как лед реку покрое, они лед, как соломинку, ломают, из воды невредимыми выходят.

— Идем за мной, — говорит мангадхай. Сели они на коней и поскакали в страну, где зима была лютая.

Залез мангадхай в воду по грудь, подождал, пока река льдом покрылась, двинул рукой — лед на мелкие кусочки рассыпался. Стал вылезать мангадхай из воды.

— Стой! — кричит ему Овше. — Это еще не штука. Я ведь ошибся, когда сказал, что вода по грудь должна быть. Стать надо в таком месте, чтобы вода до самого рта доходила, а кончики пальцев на ногах чуть-чуть только дна речного касались.

Залез мангадхай в глубокое место. Вода до рта доходит, льдом покрылась.

— Теперь вылезай! — кричит Овше,

Сколько ни пытался мангадхай, а вылезти не в силах. От злобы пыхтит, жила на лбу, что канат, надулась, а лед проломить не может.

Обрадовался Овше. Выхватил свой острый меч алмазный и бросился к мангадхаю.

Да не тут-то было!

Дунул на Овше мангадхай. От дыхания того Овше на сто верст отлетел, в воздухе тысячу раз перевернулся, еле жив остался.

Тогда перешел Овше реку с другой стороны, подошел сзади к примерзшей голове мангадхая, говорит ему:

— Ну что, злой батар! Вот и тебе конец пришел. Не будешь больше народ мучить. Теперь видишь, на что и наши богатыри способны.

Вздыхнул мангадхай и говорит:

— Об одном жалею, что дунул я на тебя. Мне бы вдохнуть в себя воздух следовало,— так ты у меня давно в животе бы сидел.— Овше мечом острым и разрубил ему голову. На голове той еще несколько меньших голов торчало. Отрубил их Овше, прикрепил к седлу Аранзала и помчался домой.

Когда узнали мангадхай о смерти своего предводителя, сами разбежались. Жена мангадхая за Овше в погоню пустилась. Колеса ее повозки были так велики, что, когда вдавливались в землю,— появлялись глубокие ущелья. Быки взрывали рогами землю с такой силой, что от этого горы вырастали. Да не догнать было Овше на его Аранзале быстром.

И расстояние в три года
Он в трое суток проскакал:
Подобно ветру пролетая,
К себе домой он добежал.

Так победил добрый батар Овше злого мангадхая-предводителя.

СТАРИК САМ В ЧЕТВЕРТЬ, А БОРОДА В ТРИ ЧЕТВЕРТИ

или некогда бабка и дед. Дед был сам в четверть, а борода в три четверти. Было у них семь коз. Дед вздумал побиться об заклад с семью мусами. Убил он одну козу, взял ее мозг, закопал и пошел в землю.

Пришел к семи мусам.

— Ну, мусы, давайте биться об заклад, кто скорее достанет мозг земли. Тот, кто достанет, получит два мешка золота.

Побились об заклад. Пришли в пустынное место. Копали, копали

мусы, бросали землю железными палками — не докопаются никак до мозга.

Старик же, покопав немного, вынул заранее запрятанный в землю мозг.

— Ну, мусы, я выиграл.

Решили мусы избавиться от старика.

— Старик победитель, пойдете за золотом к нам в гости, — приглашают мусы. Пошел старик. Мусы дали ему железную бечевку и послали его за топливом. Старик взял бечевку и пришел в лес. Забрался дед на дерево и начал связывать деревья. Мусы, не дождавшись деда, послали к нему одного из семерых.

— Старик, что вы так долго возитесь? — спросил посланный мус.

— А вот свяжу эти деревья и доставлю вам домой.

— Всех деревьев нам не надо. Одного достаточно.

И, вырвав одно дерево, пошел мус с дедом обратно. Когда пришли домой, дали старику два огромных железных ведра и послали его за водой. Старик, придя к воде, стал окапывать кругом колодец. Долго окапывал. Мусы, не дождавшись, послали за дедом одного из семи.

— Старик, что вы делаете? — спрашивает мус.

— Думаю доставить к вам этот колодец с водой.

— Не нужно нам всего колодца. — Зачерпнул бочкой воду мус и пошел с дедом домой.

Сварив мясо, угощали мусы старика. Суют ему куски пудовые. Старик и говорит:

— Я буду обедать на воздухе, на берегу реки.

Три муса доставили старику мясо в огромном корыте. За год не съест. Старик попробовал мясо и говорит:

— Нет соли!

Пошли мусы за солью. Дед тем временем мясо выбросил в воду. Когда мусы принесли соль, старик стал ругаться:

— Долго же вы ходили! Я уже все мясо успел съесть.

Удивились мусы аппетиту стариковскому и принесли деду бульон в корыте. Старик попробовал и говорит:

— Опять нет соли. Не бульон, а вода, — и послал мусов за солью.

Пока мусы ходили, дед и бульон вылил в воду.

Пришли мусы.

— Долго, долго ходили вы, ждал, ждал я вас — и выпил бульон ваш без соли, — сказал дед.

Наступила ночь. Старик говорит:

— Я буду спать в степи, на берегу реки, расстелите мне чистый белый ковер, белую-пребелую шубу дайте. — Побрел к реке.

Мусы, устроив старику постель, ушли. Старик лежит и думает: «Что-то делают сейчас эти подлые мусы. Надо посмотреть».

Отправился. Посмотрел в дырку кибитки и видит: мусы кинжалы точат.

— Никак от старика не избавишься, не дает он нам покоя, убить его надо,— совещаются мусы.

Пришел старик на свое место у реки, на свою постель положил белый крепкий камень, покрыл его шубой, а сам отошел немного дальше и лег.

Старший из семи мусов подкрался и ударил по постели кинжалом так, что кинжал сломался и искры посыпались. Огонь сверкнул. Пришел мус домой и говорит братьям:

— Мой кинжал сломался, что теперь делать?

Пошел второй мус, за ним — третий. Так все мусы, поломав кинжалы, возвратились ни с чем домой.

Утром старик прибред в дом к мусам и сказал им:

— Дали вы мне вшивую, поганую шубу, всю ночь меня вши кусали. Теперь доставьте меня домой. Погостил я, будет.

Нечего делать. Один мус взял два мешка золота и вышел проводить старика. Когда уже подходили к кибитке, старик пошел вперед, зашел в кибитку и говорит бабке:

— Старуха! Придет сейчас мус к нам. Буду я говорить: «Вари обед», а ты говори: — «Нет еды». Когда три раза так скажешь, я крикну: «Перед кибиткой у ближнего муса внутренность возьми, принеси и свари».

Пошел дед встречать муса. Мус, нагнувшись, вошел в кибитку и сел, вытянув ноги.

— Ну, старуха, вари обед.

— Нет припасов,— отвечает деду бабка.

Как сказали они так три раза друг другу, старик и говорит:

— Перед кибиткой у ближнего муса возьми внутренности, принеси и свари.

Только сказал так, мус от страха подпрыгнул. Травяная кибитка наделась ему на шею, и побежал он с ней. Старик и старуха внутри кибитки катаются. Старик выпал из кибитки и кричит:

— Старуха! Лови, держи этого подлого муса!

Мус разломал кибитку, бросил ее и пустился бегом.

На бегу встретился с лисицей.

— Мус, твоя пола не порвана, плечо не потерялось, откуда ты бежишь?

— Один старик хотел убить меня,— жалуется мус.

— Это негодный старик,— говорит лиса,— берись за мой хвост, пойдем с ним расправимся.

Взялся мус за хвост лисы, и пошли они к деду. Старик увидел муса с лисой и говорит ласково:

— А, желтый сынишка мой любимый ведет ко мне на расправу муса.

Мус перепугался, взял лисицу за хвост, ударил ее об землю и убежал. Когда бежал, встретился с волком.

— Ты, мус, откуда бежишь?

— Один старик хочет меня убить.

— Ну, это ничего не значит. Я по одной козе каждую ночь ем у того старика безобразного, моя шея толстая, берись, пойдем вдвоем к нему.

Идут: старик, увидев муса с волком, сделал вид, будто обрадовался. Выбежал из кибитки и говорит:

— Серый сынишка родной мой муса ведет ко мне.

Мус, потеряв рассудок, оторвал волку шею и убежал навсегда.

Старик из лисьей шкуры сделал шубу старухе, а из волчьей шкуры — себе шубу. На два мешка с золотом до конца дней своих жил, наслаждался.

Сказка про старика сам в четверть, а борода в три четверти кончилась.

БОГАТЫРЬ ШАРАДА

Некогда был батыр (богатырь) по имени Шарада. Жить он не мог без геройских подвигов. Был у него конь. Уши у того коня — в пять, тело же — в пятьдесят саженей.

Жил богатырь Шарада в безлюдной степи, в хоромах белоснежных, без щели и скважины. Стерегут те хоромы снаружи слон и лев, а в хоромах тех тигр и медведь живут. Стекла в окнах огненные, двери сделаны из дерева чудесного. Если толкнуть дверь — раздается шум, будто десять тысяч человек кричат. Вверху — нет конца хоромам.

Внутри хором, за семизанавесным шелковым балдахинном, богатырь Шарада живет. В конюшне у коня богатырского вата постлана, чтобы не притупились ноги коня, а чтобы не потерялись ноги — шелковой ниткой они опутаны. Для того чтобы конь долгое время голод мог переносить, поднимают коня рано утром и заставляют его лизать белый камень; для того чтобы конь блестящий был, заставляют его на песке валяться.

Однажды конь — с ушами в пять саженей, с телом в пятьдесят саженей — в своей конюшне огромной бился так сильно, что разломал ее всю.

— Что это там такое с моим конем? — спрашивает Шарада.

Отправил посмотреть своего конюха, по имени Мандрик — белая овчина. Тот привел коня на поводу, а конь и говорит Шараде:

— Идет на тебя войной злой богатырь Будя-Мерген, желает он отнять твой дом и земли, а народ наш увести в неволю хочет.

Приказал Шарада конюху седлать коня. Готовя богатырского коня, положил Мандрик серебряный потник, пригладил, положил сверху серебряное седло с подушкой серебряной. Серебряную узду лошадь сама схватила, а конюх ту узду сильно подтянул. Приготовил коня, закинул ему повод на переднюю луку и так привязал, чтобы конь не мог с места сдвинуться. Качает конь гривой по сторонам, забавляется, ушами с солнцем и луной заигрывает.

Крепкую водку изготовили, выкипятили яд-траву, налили яд с водкой в корыто, едва подняли корыто семьдесят человек вместе. Таких семьдесят два корыта водки этой выпил одно за другим Шарада. Ничего! Только чуть показался пот на лбу у него.

Затем надел Шарада одежду белую с сорока двумя пуговицами между лопатками и восемьдесятю двумя пуговками в талии. Ловко пристала она к туловищу богатыря. Надел он шапку, эквинг, с пришитой к ней кистью под названием дайвинг. Как нагнется Шарада,—

бьет его та кисть по коленям, как назад перегнется,— бьет его она в поджилки.

Надел Шарада сапоги на ноги свои белые, взял меч черный, с лезвием тонким, как бумага. Потряс им Шарада и прикрепил к правому бедру. Взял он бронзовое копье с рукояткой из кипариса, потряс им, прикрепил к левому бедру. Взял черную плеть бедовую со стержнем из кожи трехлетнего верблюда-жеребца, старым человеком сплетенную, а молодым сдавленную. Когда взял и сжал плеть в правой руке Шарада,— закапал из плети сок, так что можно было им утолить жажду молодца доброго.

Сказал тогда богатырь:

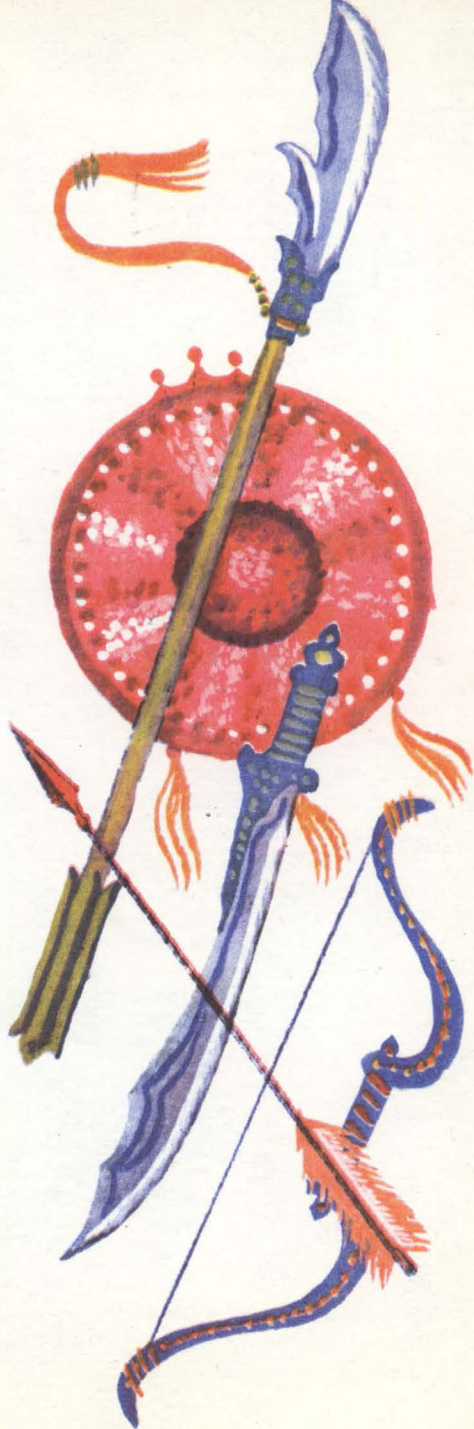
— Есть ли на всей земле человек, который мог бы со мной потягаться?— Ощетинились усы богатыря, лицо покраснело, глаза засверкали.

Вышел Шарада, вскочил на коня, не коснувшись до кончика стремени серебряного. Поскакал конь.

Мчался-мчался, пока на верх Богзатинской серой горы не взлетел. Никого не видно. Взял Шарада растущий у подножия горы терн черный, растер его о глаза свои. Мерещится что-то вдали, величиной с муху. Говорит Шарада коню своему:

— Если не доскачешь завтра в полдень туда, где черное виднеется, не я буду, если не сделаю чашек из четырех стальных копыт твоих, не я буду, если из восьми твоих ребер палок для барабана не сделаю, а из кожи твоей баранью крышку не приготовлю.

Так поклялся Шарада своему коню. И конь клятвой ему ответил:

— Плавным скоком доскачу я завтра в полдень. Если же ты соскользнешь с меня во время скачки и я вернусь и возьму тебя, да оторвется мой хвост, да сломаются кости мои.

Такой клятвой поклялся конь своему господину. Поскакал.

На следующий день ровно в полдень плавным скоком доскакал конь. Оглянулся — видит, что хозяин его, соскользнув, остался позади. Конь с ушами в пять саженей, с телом в пятьдесят саженей сделал из накидок седла крылья, полетел назад.

— Нечего делать, хозяин любимый! Для тебя можно и клятву нарушить. — Потянул он богатыря, помог ему на седло сесть, доскакал опять до нужного места.

Будя-Мерген же пустил своего рыжего коня пастись, а сам крест-накрест оленя и дикую козу сложил, на костре жарит да чай варит. Трубку, величиною с верблюжьей голову, набил он табаком крепким, дым пускает. Спит-не спит, лежит-полеживает.

— Вставай, пока солнце высоко на небе. Поиграем, — говорит ему Шарада. Встал Будя-Мерген. Выпили богатыри чай, съели оленя и козу; большие кости ртом выбрасывали, а малые — носом. Напились, наелись, сели на лошадей, положив руки на плечи, пропели песню.

— Хаб-хаб! — застучали у них зубы. — Говорят, мужчине в широкой степи смерть, — сказали они.

И начали битву.

Бились богатыри копьями бронзовыми с рукоятками из кипариса, поднимали друг друга на воздух. Ничего не берет! Рассекали они друг друга мечами острыми, но раны тотчас срастались. Бились они по десяти раз своими бедовыми плетью черными, стержень которых из кожи трехлетнего верблюда сделан. Ничего опять не выходит.

— Не так, — говорят богатыри. — Не следует коней мучить.

А от пара из ноздрей лошадей сгустился туман кромешный, сквозь который ничего не видно. От огня, из глаз лошадей выходящего, по обе стороны пожар возник.

— А ну, давай попробуем побороться плечом да лопаткой, — говорят богатыри.

Сошли с коней. Искося друг на друга поглядели, шаровары свои из бычьей кожи до колен подвернули. Друг на друга посмотрели — опять бросились драться.

— Таш-таш! — схватились богатыри. — Ташир-башир! — перебрасывались.

Боролись до того, что горы впадинами сделались, а впадины горами стали. Лужи в моря превратились, моря же лужами стали. Боролись до того, что деревья щепками стали, а щепки — деревьями.

Сорок девять дней боролись богатыри. Взял Шарада Будя-Мергена, на одном бедре потряс его семь тысяч раз, на другом бедре потряс восемь тысяч раз. Ударил его так, что Будя-Мерген упал поперек семи рек; ударил его так, что сошли кости Будя-Мергена со своих мест; ударил его так, что вогнал его на семь локтей в землю; ударил его так, что

потерял Будя-Мерген рассудок, ударил его так, что зажмурил тот свои черные глаза, и еще раз напоследок так, что и совсем Будя-Мерген в землю вошел.

Разломал Шарада кости Будя-Мергена на куски мелкие, провел воду семи рек в одну реку, бросил в нее остатки богатыря злого.

Возвратился Шарада домой, пир большой задал.

СЫН АРАЛТАНА

В некотором ханстве, в некотором государстве жил-был богач по имени Аралтан. Дожил он до бороды, а детей не было. — Поеду, — сказал он своей старухе, — разыщу определителя моей судьбы и убью его.

Ехал день, второй — никого не встретил, а на третий утром повстречался с человеком. Аралтан схватил его за шиворот и начал трясти.

— Говори, байгуш несчастный, ты определитель моей судьбы? — спрашивал он.

— Нет, тот, кто тебе нужен, вслед за мной едет.

— А каков он с виду?

— Он точь-в-точь, как ты: ходит в соболях, ездит на сытом во-роном коне.

Отпустил Аралтан путника и поехал дальше. Два восхода и два заката солнца проехал, встретился он с другим путником.

— Слушай! — крикнул Аралтан, — говорят, что ты вершитель моей судьбы?

— А если и я, так что тебе от меня надо?

— Если ты вершитель моей судьбы, то я убью тебя.

— За что же ты меня убьешь?

— За то, что ты не дал мне наследников.

— От них тебе не будет проку. Дети твои умрут и умрут по твоей же вине. Первый твой сын погибнет от огня, второй — под копытом коня, а третий — на бранном поле. Подумай, Аралтан, может быть, лучше тебе их не иметь вовсе.

— Кибитка без сына — очаг без огня. Не так ли?

— Так-то так. Ладно, езжай домой.

Аралтан повернул свою лошадь и поехал обратно. А вскоре жена родила ему сына.

— Ах ты, кубышка крика и радости! — обычно восклицал Аралтан, беря сына на руки.

Новорожденному поставил кибитку и приказал никогда в ней не зажигать огня.

Шли месяцы. Мальчику уже было около года. Слуга-хранитель ночь сидел, не спал, сон сына богача караулил, а под утро решил закурить трубку. Искра из кремня высклась и малышу упала на щеку. Стал сын Аралтана не по дням, а по часам хиреть и чахнуть. Исполнился мальчику год — он умер.

Еще горюшко горькое не забылось, а жена родила ему второго сына. Аралтан тотчас назначил слугу-хранителя и приказал на лошадях близко не подъезжать к его кибиткам. Да быть беде-напасти и на этот раз. Мальчику шел второй год. Слуга-хранитель позволил сыну Аралтана поиграть с аймачными ребятишками. Откуда ни возьмись, к кибитке, где они играли, прибежали две лошади и ну друг дружку бить и кусать. Отбежали ребятишки в сторону и стали глазеть, как они дерутся. Во время драки гнедой задним копытом ушиб сына Аралтана в голову. Мальчик заболел и вскоре умер.

Седина тронула головы отца и матери.

Печаль-заботушка еще не прошла, — третий сын на свет родился. Ему дали имя Наран. Шли годы. Наран стал рослым, красивым юношей: брови — соболиные, лицо — бело-матовое с румянцем во всю щеку. Мать глядит на сына — не нарадуется, кто ни посмотрит — всяк им любит.

— Отец, отпусти меня в ночное, — попросил однажды Наран.

— Поезжай. А как запоет зорянка, так ты дома будь.

Сел сын Аралтана на коня, привязал второго к седлу и поехал в табун. По дороге встречается прохожий человек.

— Эй, послушай! — крикнул незнакомец, — там бьются-дерутся, а ты и не знаешь.

— В какой они стороне? — спросил Наран.

— Вон в той, — указал прохожий. Выехал Наран на бугор и увидел дерущихся: у одного бешмет расшит серебром, у другого — золотом. Наран подъехал ближе к ним, спросил:

— Что с вами? Почему деретесь?

Человек в бешмете, грудь и полы которого расшиты серебром, и говорит:

— Эй, парень, ты с двумя лошадьми, а у нас нет ни одной. Дай нам одного коня.

— Возьмите, — ответил сын Аралтана и оставил им ту лошадь, которую вел на поводу. Как только Наран отъехал, они заспорили:

— Эту лошадь мне дали! — кричит человек в бешмете, грудь и полы которого расшиты серебром.

— Нет мне, — возразил ему человек в бешмете, грудь и полы которого расшиты золотом. Спорили они, спорили и начали звать Нарана.

— Эй, парень, вернись!

Наран вновь подъехал к ним.

— Скажи нам,— обратился к нему человек в бешмете, грудь и полы которого расшиты золотом,— кому из нас ты дал лошадь?

— Вы просили ее на двоих, а теперь хотите, чтоб она досталась одному. Конь должен принадлежать не тому, кто нуждается в нем, а тому, кто его просил,— ответил сын Аралтана и поехал своей дорогой.

Но вскоре его догнал человек в бешмете, грудь и полы которого расшиты серебром.

— Как тебя звать-величать?

— Я сын Аралтана, зовут меня Наран. А тебя как величать?

— Меня зовут Чибчин Хурчи. Послушай, Наран, за тобой Эрлик Номин-хан вышлет гонцов, которые лишат тебя жизни. Езжай со мной. За то, что ты дал мне коня, я попробую спасти тебя от верной гибели.— Подъехали они к лесу, спутали своих лошадей и пустили пастись. Чибчин Хурчи превратил сына Аралтана в золотое зернышко, положил его в карман и отправился к Эрлик Номин-хану. Прибыл во дворец, сел на ширдык и принялся играть на домбре, развлекать хана. Эрлик Номин-хан собрал младших эрликов и говорит им:

— Сын богача Аралтана шесть тысяч сто двадцать закатов прожил. Я не позволю ему жить больше! Кто доставит Нарана?

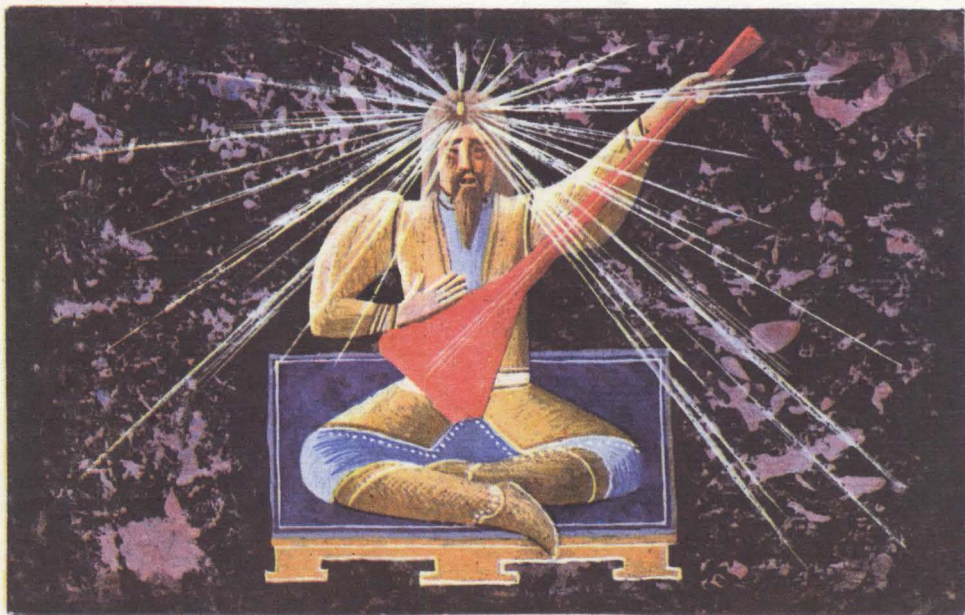
— Мы,— изъявили желание два эрлика.

— А вы сумеете его привести? — спросил Эрлик Номин-хан.

— Сумеем.

— Каким же образом вы думаете это сделать?

Младший Эрлик ответил:

— Мы превратимся в лук и стрелу. Наран будет ехать по дороге, увидит нас, поднимет и возьмет с собою. Он поранит стрелой себе руку, мы возьмем и принесем его жизнь.

— Хитро придумано, как приманить сына богача Аралтана, — сказал Эрлик Номин-хан и отпустил их.

Чибчин Хурчи вернулся в лес, превратил Нарана из золотого зернышка в человека.

— Слышал, о чем говорили Эрлик Номин-хан и младшие эрлики? — спросил он.

— Слышал, — ответил сын Аралтана.

— Поезжай домой, увидишь на дороге лук и стрелу, сделай вид, что очень рад находке. Бери и стреляй в скалу до тех пор, пока стрела пополам не переломится. Когда стрела переломится, перережь тетиву, садись на коня и быстрее ветра скачи ко мне.

Едет сын Аралтана домой, видит, как об этом и говорил Чибчин Хурчи, на дороге лежит лук и стрела.

— Вот это да! Вот это находка! — воскликнул он.

Взял Наран лук, стрелу вложил, мигом тетиву натянул, так что концы лука сошлись и пустил стрелу в скалу каменную. Стрела свистнула, впилась в трещину, переломилась надвое. Сын Аралтана перерезал тетиву и во весь опор помчался к лесу.

Чибчин Хурчи снова превратил его в золотое зернышко, положил в карман и пошел к Эрлик Номин-хану. Прибыл во дворец, сел на ширдык и принялся играть на домбре, развлекать хана.

Еще не умолкла домбра, а Гаруда* перед Эрлик Номин-ханом поставила сосуды с жизнью двух гонцов, двух эрликов.

— Кто же теперь вырвет жизнь у Нарана, сына богача Аралтана? — спросил Эрлик Номин-хан.

— Мы вырвем жизнь, — сказали два других эрлика.

— Как же вы надумали ее взять?

— Ему отец должен передать нагайку против волков и врагов, ему мать приготовила ишкисин-махан (мелко нарубленное мясо). Наран возьмет в руки заветную нагайку — я ему и вопьюсь в тело, — сказал первый эрлик. — Станет Наран кушать ишкисин-махан — я войду ему внутрь, — сказал второй эрлик. — Вырвем жизнь Нарана и доставим ее.

— Делайте так, как задумали, — сказал Эрлик Номин-хан, — если доставите жизнь Нарана, отдам ее вам на потеху.

Эрлики ушли, ушел в лес и Чибчин Хурчи. Превратил Нарана из золотого зернышка в человека.

— Слышал, о чем говорили эрлики?

— Слышал, — ответил Наран.

— Поезжай домой. Отец станет передавать нагайку заветную, сделай вид, что ты очень рад, но к ней не прикасайся, попроси Аралтана

* Гаруда — волшебное, похожее на птицу существо.

заткнуть ее с левой стороны кибитки на самом видном месте. А когда мать подаст ишкисин-махан — отдай собакам. Садись на коня и быстрее ветра скачи ко мне.

Оседлал Наран коня и поехал домой. С радостью сына встретили отец с матерью.

— Наконец-то дождались тебя, сынок, наша радость и утеха, — приговаривала мать.

— Мы думали, что не в табун ты попал, а на Бумбан-улан*, — говорил отец.

— Ничего не случилось. Мне, отец, надо будет еще съездить ненадолго, — отвечал сын.

Отец достал нагайку против врагов и волков.

— Наран, теперь ты стал адучи, возьми ее, — сказал Аралтан, — она у нас в роду от деда к отцу, от отца к сыну переходит.

Наран сделал вид, что очень рад.

— Отец, — сказал он, — не пришло то время, чтобы держать мне гордость отцов, заткни ее с левой стороны кибитки на самом видном месте. — Подошел к матери и говорит:

— Матушка, есть ли у нас что попить, поесть?

— Есть, есть, соколик мой, я, старая, и совсем запамятовала, что дитя, поди, голодное. Вот тебе ишкисин-махан, а вот борцоки. Наран борцок откусил, а ишкисин-махан собакам отдал. Сел на коня и помчал в лес быстрее ветра. Чибчин Хурчи превратил Нарана в золотое зернышко, положил его в карман и пошел к Эрлику Номин-хану. Как и прежде, уселся на ширдык и принялся на домбре играть и частры** петь.

Вскоре явились во дворец два гонца — два эрлика. Один из них цел-целехонек, другой так искусан собаками, что живого места на нем нет. — Эрлик Номинхан, — сказали они, — мы не только не смогли взять жизнь Нарана, но и сами едва ноги унесли.

— Кто же теперь вырвет жизнь у сына Аралтана. Ему отец уже заветную нагайку отдал! — в ярости-отчаянии крикнул Эрлик Номинхан.

— Пусть вырвет жизнь у Нарана Лун-хан, — предложил Чибчин Хурчи. Эрлик Номин-хан тут же отправил гонцов за Лун-ханом.

В хотонах еще играть дойными овцами не начали, а Лун-хан выслушал повелителя и ответил:

— Я вырву жизнь у Нарана, сына Аралтана.

— Как думаешь дело сделать?

— Я соберу тучи громовые, заставлю дуть ветры-бураны, вызову громы и молнии. Наран мне сам жизнь отдаст.

— Ловко задумано, — сказал Эрлик Номин-хан, — буду ждать тебя с нетерпением.

Ушел из дворца Лун-хан, ушел из дворца и Чибчин Хурчи. Пришел

* Бумбан-улан — могильные пески.

** Частры — песни хвалебного содержания.

в лес, превратил Нарана из золотого зернышка в человека и спросил:

— Слышал, о чем говорил Лун-хан?

— Слышал.

— Поезжай, Наран, шагом к Эрклю-горе. Когда тебя достигнет Лун-хан, он ударит в тебя три раза молнией. Если промахнется, обернется белым верблюжонком. Соскочи с коня, возьми его за уши и бей плетью, пока не начнут падать клочьями его шерсть и мясо. Верблюжонок начнет умолять, упрашивать, а ты скажи ему, что согласен с ним жизнь на жизнь обменять. Даст Лун-хан свое согласие — оставь жизнь ему, откажется — забей в его четыре ноги по колышку, а в голову — кол, навали на него сухого бурьяна и сожги.

Наран выслушал совет Чибчин Хурчи, сел на коня и поехал шагом к Эрклю-горе.

Только с бугра на бугор переехал, с Гашун-озера поднялась туча черная, завывли ветры-бураны, загремели, засверкали громы, молнии. Лун-хан натянул тетиву небесную и ударил стрелой семицветной. Задрожала земля-матушка, осинушка черным деревом на землю грохнулась. Торопит сын Аралтана своего коня, а сам на небо все поглядывает. Лун-хан натянул тетиву небесную, ударил стрелой семицветной, закачалась, заколебалась земля-матушка. Эрклю-гора с себя шапку сбросила. Торопит Наран своего коня, а сам глаз с неба не спускает.

Лун-хан натянул тетиву небесную, ударил стрелой семицветной, Гашун-озеро высохло сухо-насухо. Торопит Наран своего коня, а сам с

опаскою по сторонам озирается. Заметил на земле белого дрожащего верблюжонка, соскочил с коня, схватил за уши и ну плетью бить. Начали лететь в стороны клочья мяса и шерсти. Верблюжонок не выдержал, закричал:

— Сын Аралтана, перестань стегать меня плетью, согласен с тобой жизнь на жизнь обменять!

— Не попадайся мне, Лун-хан, второй раз,— сказал ему Наран.— А если не сдержишь слово, сожгу тебя.

Тогда Лун-хан поклонился три раза ему в ноги и взлетел белым облачком.

Приехал Наран в лес, Чибчин Хурчи превратил его в золотое зернышко, положил в карман и пошел во дворец к Эрлику Номин-хану. Как и прежде, усевшись на ширдык, принялся играть на домбре и частры петь. Чибчин Хурчи запев пропел — на пороге дворца Лун-хан появился.

— Где жизнь Нарана, сына Аралтана?— спросил Эрлик Номин-хан.

— Беда, худо, плохи дела мои,— простонал Лун-хан.— Ничего не смог с ним сделать. Три раза стрелял: осина черным деревом на землю грохнула, Эрклю-гора с себя шапку сбросила, Гашун-озеро высохло сухо-насухо. Промахнулся — обернулся белым верблюжонком, но Наран перехитрил меня: жизнь на жизнь обменял. Что хочешь, Эрлик Номин-хан, то и делай, но вырвать жизнь ни я, ни ты не сможем.

Чибчин Хурчи пропел эрликам песню о поражении свирепого хана шулмусов Шара Гюргю. Домбра умолкла. Чибчин Хурчи в лес возвратился, превратил Нарана из золотого зернышка в человека.

— Слышал, о чем говорили Лун-хан и Эрлик Номин-хан?

— Слышал-то я слышал, но как тебе услужить.

— Наран, есть у меня к тебе просьбушка.

— Говори, Чибчин Хурчи, я готов сослужить службу верную.

— Навести мой дом и скажи отцу, матушке, что их сын, Чибчин Хурчи, джангарчи*, живет и поет у Эрлика Номин-хана. Эх, Наран ты мой, Наранушка, живет, растет в моем доме Лотос-девушка, дочь-невестушка. Она, Наран, тебе предназначена,— сказал Чибчин Хурчи и скатилась у него из глаз слеза горькая.

— Что же дальше, дальше что?— спросите вы.

Пока Наран гонит табун к кибитке дочери Чибчин Хурчи, сами подумайте. Кто придумает лучше, такой и будет конец у этой сказки.

* Джангарчи — певец, исполнитель «Джангара».

ДВА БРАТА

У берегов Бумбы* жил когда-то на свете Хара-батыр. У него был единственный сын по имени Джурук. Каждое утро Хара-батыр на своем коне въезжал на Богзатинскую серую гору, обозревал свои владения. Все, что он видел своими глазами и слышал своими ушами, не пропускал мимо. Знатен и богат был Хара-батыр. Его табуны буланных коней паслись на западе, вороных — на востоке, гнедых — на севере, пегих — на юге. Золота, серебра и самоцветных камней было столько, что ими хоть пруды пруди. Его знали все, даже Лягушка-Бык, на которой, как об этом говорят, земля держится. Бывало, начнет она мычать и квакать, начнет и земля ходить ходуном под ногами. Тогда Хара-батыр пошлет к ней Великана-Ветродея с восточной или с западной башни. Он пригонит Лягушке-Быку косяк кобылиц. Лягушка-Бык насытится, успокоится, и земля перестанет трястись.

В год Усун-мечин (воды и обезьяны), в день Зулы** сын и говорит отцу:

— Батюшка, ночью сегодня не поднимайся на Богзатинскую серую гору.

— А научился ли ты, Джурук, нагайкой бить поперек волчьего носа, что берешься отца родного учить уму-разуму?

— Учить уму-разуму отца родного мне не положено. Но поедешь на Богзатинскую серую гору — быть беде.

— Ладно. Джурук, посмотрю. подумаю.

Стало темнеть-вечереть. Хара-батыр взял укрюк***, аркан и пику серебряную с золотым наконечником, сел на коня и поехал к Богзатинской серой горе.

Едет, а сам думает:

«И почему бы мне не ехать. Мои волосы еще черны, мои руки крепки, мои глаза по пыли видят, когда идет табун, а когда стадо. Нет, зелен ты еще, сынок, не наступило еще то время, чтобы жить отцу по советам сына».

Идет конь по степи, словно журавль пританцовывает, челкой с ветром заигрывает. Едет Хара-батыр, конем своим любителю, степь со всех сторон оглядывает. Когда же солнце над ковылём вспыхнуло, он заметил, как пики вражеские на солнце блеснули.

* Бумба — название страны, океана и горы. В данном случае имеется в виду океан.

** Зула — день нового года.

*** Укрюк — шест для аркана.

Хара-батыр к бою изготовился, у Богзатинской серой горы стал ждать силу вражескую. Ждет-пождет — никак ее не дожидется. И неожиданно-негаданно, откуда ни возьмись, кивир — стрела впиалась в грудь Хара-батыра. Припал он к гриве коня. И — едва живым возвратился.

— Матушка, побудь с отцом, — сказал Джурук. — Я съезжу в хурул, приглашу бакшу. — Сын Хара-батыра тороками* завязал два мешка золота, вскочил на подушку седла и помчался в степь. Прибыл он в хурул, стреножил коня, обошел кибитки кругом от левой стороны к правой и, подойдя к дверям главной кибитки с правой стороны, снял шапку. У входа в главную кибитку его встретил гебке** и спрашивает:

— Что, парень, привез? С какой нуждой к нам в хурул прибыл?

— Привез два мешка золота. Болен мой отец. Он хочет бакше передать часть своих богатств.

Гебке взял у Джурука золото, вошел в кибитку и передал бакше просьбу. Собрался бакша в дорогу и поехали к Хара-батыру.

День и ночь они ехали. Около сумерек к месту прибыли. Бакша порог переступил, а Хара-батыр и говорит ему:

— Бакша, все, что мне принадлежало, раздели поровну: первую часть возьми себе, вторую — отошли Далай-ламе.

Сказал, зевнул и умер. Джурук услышал предсмертные слова отца, подошел к матери и говорит:

— Матушка, он все отдал бакше, ничего нам не оставил.

— Не оставил и коня своего? — всхлипывая, говорила мать. — Что же пожертвуешь ты, когда я умру?

— Лучше я умру, встретившись с каким-либо чудовищем, чем сиднем сидеть в нужде и бедности, — сказал сын Хара-батыра и ушел из дому.

Долго он шел. На перекрестке дорог, что за Байрин-толго (курганом радости) находится, ему повстречался дед — белая борода, сам — в четверть, а борода — в три четверти.

— Парень, откуда и куда идешь? — спросил он.

— Иду от матери к матери, ищу, с кем бы гнев на радость сменить, — ответил ему Джурук.

— В гневе человек слеп, как бык в ярости, — поучал дед — белая борода, сам — в четверть, а борода — в три четверти.

— Как бы ни был свиреп лебедь, но и он не бьет своих яиц. По воле своего отца иду от матери к матери. Скажи, дедушка, если пойду вправо, что меня ждет?

— Идущий вправо станет или задычи (волхвом), или Далай-ламой.

— А если идти прямо?

* Торока — ремешки у задней седельной луки для привязывания чего-нибудь.

** Гебке — лицо духовного звания, наблюдающее за порядком в буддийском монастыре.

— Идущий прямо может стать знатным нойоном или остаться байгушем (бедняком).

— А если идти влево?

— Идущий влево встретится с мангусами и останется самим собой.

— Пойду влево,— сказал Джурук и пошел по дороге влево, а дед— белая борода, сам — в четверть, а борода — в три четверти пошел по дороге вправо...

День шел Джурук, ночь шел Джурук. На зорьке увидел белую кибитку без застежек и петель. Сын Хара-батыра хотел было войти в нее — навстречу вышла девушка с двумя чашами: в правой руке — золотая, в левой — серебряная.

— Поешь, попей, добрый молодец,— просила она,— отведай моего кушанья.

Взял Джурук чашу золотую из ее рук и мигом опорожнил, стал было пить из чаши серебряной, а девушка ка ему и говорит:

— Не пей больше, добрый молодец, а то силушка в твоих жилочках поубавится.

Взяла она чаши золотую и серебряную, хлопнула в ладоши — и как будто ее перед ним не было.

«Что за наваждение?» — подумал он.

От удивления Джурук даже глаза вытарасил.

— Вот чудо-диво! — говорил он, идя по девичьему следу.

Вышел к черной кибитке.

— А где же дверь? — спросил он сам себя.

Обошел вокруг черной кибитки, нигде двери не заметил. Тогда сын Хара-батыра отыскал щель в стене и стал в нее глядеть-разглядывать, что там внутри черной кибитки делается. Поглядел — и увидел: посреди кибитки стоит на сорока серебряных ножках трон из золота и резного черного дерева. На троне сидит Черный мус и бабка с мордой дикой козы. Сидят, на золоте едят да хорзой желудки свои разогревают...

— Бабка! — рявкнул Черный мус. — Хочется мне поиграть, потешиться. Есть ли кто у тебя на примете?

— А как же, а как же, — затараторила бабка с мордой дикой козы. К нашей кибитке Джурук идет, сын Хара-батыра.

— Где же, старая, он?

— Вон с наветренной стороны стоит, в щель заглядывает.

— Эй, человечиска! Откуда ты и как сюда попал? — спросил Черный мус.

— Ловил табун — устал и зашел к тебе: пить хочется, да никак дверь не найду, — ответил ему Джурук.

— Отгадай мои три загадки, и попить попьешь, и дверь сама по себе откроется. Только чур: не отгадаешь — сам в пасть ко мне влезешь.

— Согласен. Но после того, как и ты мои три загадки отгадаешь. Отгадаешь мои три загадки — мы квиты, не отгадаешь — через орке из кибитки вылетишь.

— Чур, чур, пусть будет и по-моему; чур, чур, пусть будет и как ты сказал. Слушай, Джурук, мою первую загадку:

— Почему ветер дует то с запада, то с востока? Ну, как загадка и какова к ней отгадка?

— Это что, это — не загадка. Отгадку к ней знают даже ребяташки, у которых на висках волосы не отрезаны*. Слушай, Черный мус, отгадку на свою загадку:

— На земле стоят две башни: одна — на востоке, другая — на западе. В башнях живет Великан-Ветроуд. Когда он спит в западной башне, ветер — с запада, перейдет Великан-Ветроуд в восточную башню — и ветер будет дуть с востока.

— Первую загадку ты отгадал, слушай вторую. Моя жена родила двойню: кто из братьев старший? Ну как, Джурук, какова отгадка к ней?

— Это что, это — не загадка. Отгадку к ней каждый адучи (табунщик) знает. Слушай, Черный мус, отгадку на свою загадку:

— В кибитке сидят двое: или два брата, или отец с сыном, или старик с мальчишкой. Тому и другому нужно выйти из кибитки и ехать в табун. Кто первый по обычаю выходит? Младший: он должен первый раскрыть дверцы кибитки, перейти порог, взять коня под уздцы и под-

* Обряд отсечения — обряд признания юношеских прав. После этого он мог стать табунщиком.

вести его к дому. Так и при двойне: кто вышел на свет первым, тот и младший.

— Отгадал, Джурук, и вторую загадку, послушай третью: какому животному собака скажет: «Не лай: мы — одной кости».

— Это что, это — не загадка. Слушай, Черный мус, отгадку на свою загадку: так собака скажет только лисице.

Сказал — и в кибитку дверь сама собою открылась. Сын Хара-батыра забросил петлю аркана туда, где орке, а другой конец — в щель просунул. Вошел в кибитку и сел возле серебряного столика. Бабка с мордой дикой козы хлопнула три раза в ладоши — на столике серебряном появилось и питье и кушанье.

— Черный мус, — обратился Джурук к чудовищу, — пока я буду есть и пить, попробуй отгадать мои две загадки:

— Какое трусливое животное, защищая детенышей, лает, как дряхлый пес? И вторая: кто ест, пьет, с живого и мертвого дерет?

Долго думал Черный мус. Видит, что пустое дело их отгадывать, и говорит:

— Джурук, уж больно хитромудрые твои загадки. А ну загадай-ка третью.

— Ее тебе я загадаю тогда, когда ты из кибитки через орке вылетишь.

Черный мус повздыхал, поохал и полез в орке за третьей загадкой. Голову в орке просунул — аркан вокруг его шеи затянулся.

— Вот тебе, Черный мус, третья загадка, не отгадав которую, ты жизнью своей заплатишься, — сказал Джурук и, вынув меч, отсек ему голову.

Стал сын Хара-батыра искать бабку с мордой дикой козы. Глядь — дверь закрыта, а ее нет. Застрекотала она цикадой, тут он и изловил ее. Посадил бабку с мордой дикой козы к себе на ладонь и так хлопнул по ней другой ладонью, что от бабки и следа не осталось.

Джурук сел на коня и помчался к дому. Много ли, мало ли ехал, а к вечеру у кибитки был. Стреножил коня, подошел к двери, стал слушать:

— Эта лепешка на сегодня, эта — на завтра, — послышался голос матери.

Джурук взял да и кинул через орке овечий пузырь с маслом.

— Ох, кормилицы вы мои, спасибо, что обо мне не забыли. Кто же мне дал овечий пузырь с маслом? Ушедший мой сын или придавленный землей Хара-батыр? — вопрошала старуха.

Джурук вошел в кибитку. Мать, увидев сына, от радости чуть не померла.

— Сын мой, где ты так долго был?

— В далеких землях, — отвечал он. — Я убил Черного муса. Матушка, поедем со мною. Будем жить в кибитке, которую я умом и мечом добыл.

Старуха мать собрала кибитку. Смеркаться стало — к новому месту прибыли.

Жили они спокойно и счастливо. Однажды, уезжая на охоту, Джурук сказал матери:

— Матушка, не ходи на Богзатинскую серую гору. Будь дома.

— Ладно, сын мой. Я не забыла смерть твоего отца.

Долго не возвращался с охоты Джурук.

— Уж не случилось ли беды какой с ним?— не раз спрашивала она себя.

Невмоготу стало ждать. Подоткнув обе полы соболиной шубы, она побежала к Богзатинской серой горе. Взошла — и заметила на косогоре Черного муса, туловище которого лежало по левую сторону дороги, а голова — по правую.

— Горе, беда моя!— кричал он.— Возьми меня! Если у тебя нет детей, я буду твоим сыном, если у тебя нет братьев, я буду твоим братом.

— Прочь, убирайся от меня, чудовище!— кричала она в отчаянии.

— Послушай, если ты без мужа, я с радостью буду им.

— Что ты сказал?— спросила мать Джурука и подбежала к Черному мусу.

— Если ты без мужа,— повторила голова,— я с радостью буду им. Подтяни меня к туловищу. Сходи домой. Возьми высушенную заячью желчь и высушенного ужа и принеси все это сюда. Заячью желчь положи в рот, ужа — на то место, где у меня шея перерублена.

Мать Джурука принесла все, что просил Черный мус, положила заячью желчь ему в рот, ужа — на то место, где шея перерублена.

— Взойди вон на ту вершину горы,— попросил Черный мус,— и громко крикни: «Земля — чиш, небо — луш».

Взошла она на вершину горы и крикнула:

— Земля — чиш, небо — луш!

Земля заходила ходуном, с неба красный дождь пошел. Камень, величиной с быка, которым туловище Черного муса было придавлено, расколосся надвое и полетел к небу.

— Ух, как хорошо быть живым!— воскликнул Черный мус.

Взял мать Джурука, как былинку, посадил на правое колено — поцеловал в левую щеку, потом посадил на левое колено — поцеловал в правую щеку, к своей груди прижал — поцеловал в губы.

Проходили день за днем. Наступил месяц Бар-Сар (декабрь). В день Зулы мать Джурука родила мальчика.

— Куда денем детеныша?— спросила она Черного муса.

— Заверни его в шкуру черного быка, брось на той дороге, по которой Джурук с охоты будет возвращаться.

Она так и сделала: завернула малыша в шкуру черного быка и положила на дороге.

Едет Джурук с охоты, слышит: никак дитя плачет. Подъехал ближе и увидел новорожденного.

«Разве я не был, как и ты, без крыльев?— думал Джурук.— Разве

я не был без посоха? Разве я не был один у очага? Быть тебе, малыш, моим младшим братом»,— и взял его с собою.

— Матушка, теперь у меня есть крылья и посох, чтобы летать выше и идти дальше, и для тебя утеха,— с радостью говорил ей Джурук.

Мать взяла дрожащими руками новорожденного и говорит:

— С той поры, как я услышала голос твоего младшего брата, в мою грудь вступило молоко. Должно быть, оно послано Далай-ламой.

Отлучился Джурук из дому, а Черный мус говорит матери:

— Чтобы тебе и мне дрожмя не дрожать, давай изведем Джурука.

— А как это сделать?

— Скажись больной. Джурук спросит... Вели достать почки и сердце Черного верблюда. Черный верблюд около Лягушки-Быка пасется, к нему девяносто девять лет пути. Рыгнет он — кругом горит земля, горы свои вершины вниз сбрасывают, вода из берегов выходит, по ковыль-степи волны разбегаются. Джурук поедет — живым не вернется.

Сын Хара-батыра вернулся с охоты.

— Матушка,— сказал он,— забери добычу... голоден я, как волк.

— Ох, сын мой, оставь все так, как есть. Пока ты ездил, ко мне смерть пришла.

— Что с тобой, матушка? Прикажи — все достану!

— Достань, сынок, почки и сердце Черного верблюда.

— Укажи путь-дорогу, мой конь под седлом стоит.

— Черный верблюд пасется возле Лягушки-Быка, которая землю держит, дорога туда Великаном-Ветродуем давно протоптана. Пешком идти — девяносто девять лет пути.

Вскочил Джурук в седло, мать глазом не моргнула — старшего сына след простыл. Скачет конь, мелькают царства под копытами, скачок — четырнадцать лет как не бывало. Проскакал семь суток, на восьмые — Черному верблуду на спину сел.

Рыгнул Черный верблюд — земля вокруг загорелась, горы вершины вниз сбрасывают, вода из берегов вышла, по ковыль-степи волны разбегаются. Черный верблюд, почуяв на спине седока, начал воздух в пасть втягивать и заглатывать. Джурук держит коня за повод, к голове Черного верблюда не подпускает. Разъяренное чудовище обессилело.

Ударил Джурук мечом — Черный верблюд и дышать перестал. Вырвал Джурук почки и сердце, завязал добычу в тороки и пустился в обратный путь.

Коня стреножил, мать — к нему навстречу.

— Сокол мой,— говорила она,— ты еще в пути был — недуг мой как рукой сняло. Выбрось их Хасару и Басару*

— Ладно, матушка, лишь бы ты была жива и здорова,— сказал он и отдал почки и сердце Черного верблюда собакам.

Снова Джурук поехал на охоту, снова из зарослей камыша Черный мус вылез.

* Хасар и Басар — клички сторожевых и охотничьих собак.

— Надо придумать что-то другое, — сказал он.

— Куда теперь пошлем Джурука?

— На берегу океан-моря, там, где небо сходится с землей, на вершине треснувшей сосны живет птичка-невеличка, она как песенку пропоеет, так и в гнездышко золотое яичко положит. Кто попадет туда — не вернется... Скажись больной. Пусть Джурук привезет тебе золотое яичко птички-невелички.

Ушел Черный мус к реке, в камыши. Джурук — на пороге дома.

— Матушка, — попросил он, — возьми из торок мою добычу.

— Нет у меня, мой сокол, силушки подняться, все косточки болят и сохнут, сердце мое вот-вот захолонет.

— Матушка, говори, приказывай — все достану!

— Слушай меня, сынок. Там, где небо сходится с землей, на берегу океан-моря есть треснувшая сосна. На ее вершине сидит птичка-невеличка, песенки поет, золотые яички в гнездышко кладет. Съем я золотое яичко птички-невелички — выздоравлию.

Джурук вскочил в седло. Мать глазом не моргнула — его и след простыл. Скачет конь, мелькают царства под копытами. Скачок — четырнадцать лет как не бывало. На седьмые сутки стал конь у берега океан-моря.

Сын Хара-батыра нашел треснувшую сосну, на вершине которой птичка-невеличка песенки поет. Конь сделал скачок — Джурук протянул руку, чтобы схватить золотое яичко, но ухватил не золотое яичко, а золотое перышко. Птичка-невеличка как закричит, дети мангуса повска-

кивали и ну бросать в него красными камнями. Птичка-невеличка схватила яичко золотое, только крылышками взмахнула, чтобы прочь из гнезда лететь, Джурук подскочил к ней на коне и схватил ее за крылышко. Птичка-невеличка крикнула — золотое яичко в море упало.

Тут же сына Хара-батыра красным камнем стукнуло: передняя пола его бешмета присохла к колену, задняя — к подколенью, стал конь клячей, он — заморышем.

Тогда Джурук сделал лук и стрелу. Целился с утра, а стрелу пускал в полдень. Подплыла щука к берегу и говорит ему:

— Что ты, парень, на берегу сидишь, воду стрелами мутишь, что тебе от меня надобно?

— Чтобы я у воды не сидел, воду стрелами не мутил, достань со дна океан-моря золотое яичко птички-невелички.

Долго по морю щука рыскала, на зорьке третьего дня волны золотое яичко на берег выкатили. Щука хвостом вильнула и ушла в океан-море. Схватил он золотое яичко и — вихрем к матери.

Джурук на коне мчит — мать с Богзатинской серой горы на дорогу смотрит.

— Кажется, едет твой сын, — сказал Черный мус.

Посмотрела она и говорит:

— Потускнели глаза у сына Хара-батыра, помутился его разум, стал конь Джурука клячей, а сам он — заморышем. Не бойся его, у тебя силы теперь больше.

— Нет, я лучше в камышах посижу, — сказал Черный мус и заспешил к реке.

Джурук подъехал, мать и говорит:

— Золотое яичко чудодейственное. Ты, сынок, к нему только дотронулся — недуг мой как рукой сняло.

— Рад тебя видеть живой и здоровой! Что-то притомился, хочу с дороги прилечь, соснуть.

— Вот, возьми, съешь борцоки да запей кумысом. Джурук поел, попил, закутался в шубу из черного соболя, прилег на кровать и заснул. Услышала мать, что сын спит, побежала к реке, нашла Черного муса и говорит:

— Конь Джурука — не конь, а захудалая кляча; он — не батыр, а заморыш несчастный. Вырви становую жилу у шенка Хара-Батыра.

Черный мус нахохлился, налетел на Джурука красным коршуном, обмотал его трижды красным волосом и сел на него верхом.

— Матушка, матушка, посмотри, что за пакость на мне сидит?!

— Оттолкни ногой да и спи себе, — отвечала она.

Джурук приподнялся и толкнул ногой Черного муса.

— Матушка, матушка, дай мне золотое яичко птички-невелички.

— Была нужда козе вмешиваться в драку быков. Пора знать: орлы дерутся, перья ворону достаются, — сказала она и вышла из кибитки.

Черный мус схватил сына Хара-батыра, перебросил его через себя и нажал коленом ему на становой хребет.

— Алдарья, братик мой!— закричал Джурук,— дай мне золотое яичко птички-невелички.

Джурук проглотил золотое яичко и снова стал батыром. Схватил меч-кладенец, взмахнул им из стороны в сторону — Черному мусу и карачун пришел.

Братья вырыли яму в девяносто девять локтей, бросили в нее тело Черного муса.

— А как поступить с злодейкой матерью?— спросил Джурук.

— Отдать на съедение Хасару и Басару,— ответил Алдарья.

— Нет, давай ее накажем, как наказывают неверных жен...

— Давай,— согласился Алдарья.

Посадили мать на кобылу-клячу затылком к морде, лицом к хвосту, стянули ей ноги, дали в руки голову Черного муса, лошади хвост отрубили и пустили в степь.

Стали братья жить-поживать. Рос, мужал Алдарья не по дням, по часам. Однажды он сказал:

— Джурук, не пора ли невест поискать?

— Есть у Алачи-хана дочь по имени Анзан,— ответил Джурук.— Коса у нее отросла, по четыре кольца на самых маленьких пальцах обеих рук, шапка у нее набекрень с раздвоенным околышем.

Сын Хара-батыра взял стрелу Алдарьи, свою — ему оставил.

— Смотри в оба. Если стрела начнет чернеть — ищи мои кости.

Сел старший брат на коня, взял трубку в рот, возле кибитки дымком затянулся, в улусе* Алачи-хана первую затяжку выдохнул.

Стреножил коня. Ходит конь, траву щиплет, челкой с ветром заигрывает, серебряными подковками по земле постукивает.

Сдвинул Джурук на правый висок серебряный шлем, подогнул под себя правое колено и, слегка изогнув левое, присел в тени под деревом.

Откуда ни возьмись — Алачи-хан.

— Откуда ты и как сюда попал?— спросил он.

— Я Джурук, сын Хара-батыра. Отец мой не упустил ничего, что видел глазами и что слышал ухом. А попал сюда, отыскивая табун кобылиц. Хотел переночевать, да не знаю, пустит ли Алачи-хан.

— Сыграем в шатыр (шахматы). Выиграешь — Анзан-красавица — твоя. — Сели играть. Семь дней и семь ночей играли они.

— Чит-ша! (шах!), — воскликнул утром на восьмой день игры Алачи-хан. Джурук ход сделал. Алачи-хан мат объявил, ткнул кулаком его в грудь и приказал слугам:

— Бросьте его в подземелье.

Слуги бросили сына Хара-батыра в подземелье — Алдарья увидел: стрела брата почернела. Вскочил в седло и помчался к Алачи-хану. Ехал без сна и отдыха, а когда был у дворца — конь так отошал, что остались у него одни кости да кожа: на бедра можно было пове-

* У л у с — удел князя.

силь лук, а впадины глаз стали такими, что в них сороки могли вить гнезда.

Алдарья сошел с коня, подогнул правую ногу, и, согнув левую, сел в тени под деревом. Откуда ни возьмись — Алачи-хан.

— Откуда и куда идешь, парень?

— Я брат Джурука. Он сын Хара-батыра. Приехал, чтобы за мясо взять мясо, за кровь взять кровь.

— Идем во дворец, сыграем в шатыр, а потом и дело сделаем.

— Идем,— согласился Алдарья.

Начали играть. Играли, играли и — дисит (ничья). Расставили на доске фигуры и начали вторую партию. По семи ходов сделали — на восьмом Алдарья мат Алачи-хану поставил.

Алачи-хан и говорит:

— Постой, у нас с тобой никакого уговору не было.

— Брось, Алачи-хан, шутки шутить. Всякий знает, что в шатыр и альчики на так не играют.

Взял Алачи-хана левой рукой за воротник бешмета.

— Говори, где мой старший брат? А то из твоей спины на плеть три ремня вырежу.

— Алдарья! — умолял его Алачи-хан. — Не губи мою жизнь, твой брат здесь, в подземелье.

— Открывай подземелье, полезай за моим братом.

— Открыть-то я открою, но до дна достанет только коса дочери.

— Зови свою дочь! — приказал Алдарья.

— Анзан, дочь моя, войди ко мне! — крикнул Алачи-хан.

Вошла Анзан к отцу, опустила косу в подземелье... — и братья встретились.

Семью семь — сорок девять дней пировали они в ханском дворце. Джурук взял себе в жены Анзан-красавицу. Когда все вино выпили, брачные игры переиграли — домой поехали. Анзан и братья и жить жили и тужить не тужили.

Тут-то и сказке конец, да не тут-то было. Однажды Джурук к соседям в хотон поехал, Алдарья прилег на постель отдохнуть и видит: луч по кибитке ходит. Невестка вышла — и луч исчез. В первый день Алдарья этому не придавал значения, на второй — призадумался, на третий — о чудо-луче брату рассказал.

— Что бы это могло значить? — удивился Джурук.

— Тут что-то не так. Надо Анзан спросить, — посоветовал Алдарья.

Вошла она в кибитку, Джурук ей и говорит:

— Что это за чудо-луч?

— Я не знаю, — ответила Анзан.

— Говори, ты знаешь. Я не привык повторять свои слова.

— Пусть выйдет Алдарья, я скажу.

Захлопнулась за младшим братом дверь, она и говорит:

— В левом углу, у подножия восходящего солнца, есть царство Сен-зун, в котором живет старый хан Цаган-борода. У него есть дочь

Куджи-Брал. Мы с ней стали сестрами и поклялись друг дружке: прийти, обернувшись лучом, к той, которая первой выйдет замуж. Вот она и приходила.

— Анзан, почему же ты сразу об этом не сказала?

— Потому, что она будет приходиться каждый вечер. Она не может и дня прожить, чтобы не взглянуть в лицо Алдарья.

— Ее надо взять ему в жены,— сказал Джурук...

Оседлали братья коней и поскакали в сторону восходящего солнца. Когда дунгчи (глашатаи) объявили по всему царству, что хан Цаган-борода отдаст дочь тому, кто в трех состязаниях выйдет победителем, они к месту прибыли.

Братья стали и так и сяк расспрашивать простой люд о скачках. Им говорили, что на берегу моря, куда еще не доходил человек, на яблоне растут три яблока. Кто вернется с яблоками — тот и победитель.

Начались скачки. Алдарья поскакал последним, прискакал раньше всех на семь суток езды.

— Выиграл, выиграл! — кричал народ.

На второй день на одноколке, запряженной девятью парами волов, приехал двадцатипятиголовый мус. Он кричал: «Шир!», «шир!» — шел дождь; кричал: «Бур!», «бур!» — кружил снег.

— А ну-ка, где тот человек, который хочет силенку свою на мне испытать? Выходи, кто смел, — похвалялся мус.

— Я, — сказал Алдарья и вышел вперед.

— Заморыш, ты подумал... Я ж тебя в бараний рог скручу.

— Похваляться — не наземь класть, — ответил Алдарья.

Мус замахнулся, Алдарья отскочил в сторону и ударил чудовище по десяти головам. Зашатался мус, но не упал. Отдышался — и с утроенной яростью на Алдарью накинулся. Долго они бились-боролись: гора превратилась в курган, от дремучего леса — голые пни торчат.

Алдарья схватил муса, переброшил через себя, навалился и прижал его так, что лопатки чудовища на земле след оставили.

— Вот они, головы двадцатипятиголового, — сказал Алдарья и бросил их к ногам хана Цаган-бороды.

На третий день с разных земель съехались сыновья пятисот ханов и нойонов.

— Кто попадет в сочленение ковыль-травы, пробьет облако стоячее и пустит из лука стрелу так, что она сама собою возвратится, тот и победитель! — объявили дунгчи.

Стреляли из лука сыновья ханов и нойонов. Попадали они в сочленение ковыль-травы, пробивали облако стоячее, но ни у кого стрела не возвратилась к стрелку.

Дошел черед до Алдарьи. Первая стрела попала в сочленение ковыль-травы, вторая — пробила облако стоячее; третью пустил — она сама собою к нему вернулась.

— Во всех трех состязаниях, — сказал хан Цаган-борода, — ты вышел победителем. Алдарья, твое право везти Куджи-Брал к себе в кибитку. Что тебе надо, чтобы моя дочь не сожалела по кибитке отца?

— Дай мне приплод этого года и новорожденных детей.

— Хорошо, — согласился хан Цаган-борода, — бери, что просишь.

Караван братьев тронулся в путь-дорогу: тревожно заржали кобылицы, замычали коровы, заблеяли овцы, подняли рев верблюды, запричитали матери по своим детям... Все и всё ушло за караваном.

Опустело царство, опустел дворец. Одинок на троне сидел старый хан Цаган-борода. Он смотрел вслед каравану до тех пор, пока взгляд его не померк.

СКАЗКА ПРО ТРИ ЧУДА

Тто случилось в давние времена. Жил на свете стрелок Хеече-Мерген. Однажды он на охоту пошел туда, куда еще никогда не ходил. И вот прекрасное озеро он увидал. Белые лотосы росли по его берегам, и ветер не решался коснуться его воды. И вдруг три лебеда над озером сделали круг. Лебеди были как снег белы и чисты, только головы у них, как бронза, желты. Удивился храбрый стрелок и в траве залег и начал ждать — за птицами наблюдать.

А лебеди взмахом крыльев сбросили белые лебединые одеянья свои, и на берегу оказались прекрасные, как заря, тонкие, стройные девушки, излучавшие нежный свет. Дыхание перехватило у молодого стрелка. А девушки побежали купаться, звонко смеясь. Не отрываясь, за ними следил Хеече-Мерген. А там, где плыли они, светилась вода.

Очнулся на миг очарованный дивом стрелок и спрятал лебединое одеянье одной из них.

Искупавшись, вышли красавицы из воды. Капли на их телах сверкали, как жемчуга. Едва коснувшись одежд лебединых своих, две солнечных красавицы превратились опять в лебедей.

А третья, не увидев одежды своей, стала бегать по берегу и всюду ее искать. С тревожным криком подруги летали над ней. Они не хотели вдаль без нее улетать. Но одеянье лебеда они не смогли найти. И тогда мелодично сказали подруги:

— Прощай, прости!

И ветер донес растаявшие слова:

— Сестра, быть может, судьба твоя такова...

Девушка медленно шла по густой траве. И вырвался из ее груди жалобный тихий крик:

— Того, кто найдет и отдаст лебединое одеянье мое, если беден он, — сделаю его богачом, если он некрасив и слаб, сделаю его силачом, любую редкую вещь достану ему, помощницей в трудной битве стану ему.

Быстро поднялся с земли молодой стрелок и нежно сказал:

— Девушка, подойди ко мне. Вот твое одеянье, твой белоснежный убор.

Вздрогнула девушка, юношу увидав, но тихо сказала, не пряча прекрасных глаз:

— Брат мой, сделай доброе дело, одежду мою верни. Все, что ты пожелаешь, получишь, поверь!

— Что с тебя взять? — ответил веселый стрелок. — Мне ничего не нужно. Ты сама мне теперь нужна. Идем со мною, будешь моей женой.

И вот красавица стала женой стрелка. Стали они вдвоем в согласии жить. Молва о жене Мергена пошла по степи. О солнцеликой красавице скоро и хан услышал. Был Царкин-хан завистлив, труслив и хитер. Он поскорей побежал посмотреть на жену стрелка. А увидав убедился, что краше ее на свете нет. Из тела ее струится ласковый лучистый свет. Глаза ее глубоки, ясны и чисты. Прекрасна она, как дочь самого Хормусты*.

Рысцей прибежал домой толстобрюхий хан. Быстро созвал советников-мудрецов. Всех мудрецов напоил крепкой арзой. Всех храбрецов угостил злою хорзой. Жирного мяса всем гостям преподнес. И рассказал им всем о жене стрелка.

— Так прекрасна она, что нельзя уснуть. Как я увидел ее — запылала грудь. Тело ее излучает ласковый свет. Как бы ею завладеть, дайте совет?

— Надо ее похитить,— сказал мудрец.

— Надо стрелка убить,— подсказал храбрец.

— Надо стрелка прогнать, а ее забрать,— веско сказал желтолицый угрюмый зять.

Старший советник справа от хана сидел. Старший советник сказал, сощуриив глаза:

— Течет далеко-далеко река-море великий Ганг, на Ганге живет тигрица, у которой трое тигрят. Зверя свирепее этой тигрицы на свете нет. Надо послать к этой тигрице стрелка и приказать принести кувшин ее молока! И станет твоей добычей его жена раньше, чем в наши земли придет весна.

— Мудро придумано!— хором сказали все.

— Мудро придумано,— согласился трусливый хан.

Он притворился больным и призвал стрелка.

— Слушай, Мерген, тяжелой болезнью я одержим. Лишь молоко тигрицы может меня исцелить. Эта тигрица кормит своих тигрят на великом Ганге, на могучей далекой реке. Никто, кроме тебя, не сможет молока принести. Вот мудрецы и решили: надо тебе идти. Ступай, скорей принеси целебного молока!

И начал корчиться в муках притворщик-хан.

Пришел домой отважный стрелок Хеече-Мерген. И стал собираться в далекий опасный путь. Оседлал своего гнедого длиннокорпусного коня. Надел кольчугу, сверху надел бешмет. Слева пристегнул из черной стали длинный тяжелый меч, справа пристегнул из белой стали острый короткий нож.

— Скажите, куда вы?— спросила его жена, увидев, что муж собирается в дальний путь.

— Наш многомудрый хан тяжело заболел. Лишь молоко тигрицы может его исцелить. Эта тигрица кормит своих тигрят на великом

* Х о р м у с т а — предводитель тридцати трех тенгриев, небожителей (по буддийскому учению).

Ганге, на могучей далекой реке. Мне поручили ее молока привезти. Вот я и собрался на Ганг далекий идти.

— Тогда возьмите с собой мой желто-пестрый хадак*. Как только тигрица близко к вам подбежит, выньте хадак и покажите тигрице его. Когда-то домашней скотиной она у меня была. Мигом узнает тигрица этот хадак, а как узнает — позволит вам без труда надоить кувшин целебного ее молока. Прощайте, да будет дорога ваша легка!

Сел Хеече-Мерген на своего длиннокорпусного коня и поскакал к великому Гангу-реке. Днем не ел, ночью совсем не спал. Счет дням и ночам давно потерял. И вот впереди река-море, великий Ганг. Тигрица заметила издалека летящего на коне стрелка и с яростным ревом бросилась навстречу ему. Но увидев желто-пестрый хадак у него в руках, остановилась в недоумении и робко спросила его:

— Где ты взял эту вещь, скажи мне, славный батыр?

— Это — хадак моей солнцеликой жены, — ответил стрелок.

— А зачем ты приехал ко мне, отважный батыр?

— Наш многомудрый хан тяжело заболел. Только твое молоко может его исцелить.

— Если так — скорей слезай с коня и возьми моего молока полный кувшин.

Стрелок надоил тигриного молока.

— Будь здорова, тигрица! — на прощанье сказал. И обратно в родные края с молоком ее поскакал.

* Х а д а к — приветственный шелковый платок.

— Да будет счастливым твой путь, стрелок,— прокричала тигрица вслед.— Да будут успешны твои дела, да будет твой конь здоров! Удивился злобный трусливый хан, что стрелок привез молоко. Но сделал вид, что лекарству рад. Сказал, что выпьет его.

А храбрый стрелок Хеече-Мерген вернулся к себе домой и стал как прежде спокойно жить со своей прекрасной женой.

А хан опять собрал на совет сановников-мудрецов. И снова думали мудрецы, куда бы Мергена услать.

И снова старший советник сказал мудрецам:

— Мы посылали его на верную смерть. Но он невредимым вернуться с Ганга сумел. Нам не придумать, как расправиться с ним. Надо собрать пьяниц, мошенников и воров, дать им арзы и мяса, вволю всех угостить и расспросить у плутов, может быть, знают они, куда бы послать, чтоб не вернулся он?

— Правильно ты говоришь,— закричали в ответ мудрецы.

И вот собрали пьяниц, мошенников и воров. Вволю их напоили злой пьянящей арзой. И старший советник кликнул меж ними клич:

— Эй, удалые гуляки, кто среди вас хитер? Кто подскажет способ погубить молодого стрелка? Куда бы его услать, чтоб не вернулся он?

И встал один пропойца кривой и хромой. Выпил еще одну пиалу арзы и, заплетаясь, медленно проговорил:

— Знаю, куда отправить Мергена-стрелка! Надо ему приказать, чтобы вещь принес, у которой ни вида, ни цвета, ни места нет. Надо ему подсказать, чтоб ее искал в дальней, пустынной, неведомой, темной стране. И тогда храбрый стрелок Хеече-Мерген никогда не появится больше в наших краях.

— Правильно ты говоришь!— закричали в ответ мудрецы.

— Правильно ты говоришь,— одобрил трусливый хан.

И снова он прикинулся тяжело больным. Снова призвал стрелка и сказал ему:

— Слушай, Мерген, страшной болезнью я одержим. Вылечить может меня странная вещь. У вещи этой ни вида, ни цвета, ни места нет. Искать ее надо в неведомой, дальней, пустынной стране. Верю, Мерген, что сумеешь ее привезти. Ну до свидания, будь осторожен в пути.

— Что же я должен, хан всемогущий, искать?

— Не возражать! Приказываю: молчать! Ты непременно найдешь! Ступай же скорей!

И за Мергеном захлопнулись все двенадцать дверей.

Понурий и мрачный вернулся стрелок домой. Днем не ест, ночью не спит, все сидит, раскидывает умом. Но ничего придумать стрелок не смог. И начал коня своего длиннокорпусного седлать.

— Куда вы едете?— спросила его жена.

— Наш многомудрый хан опять заболел. Только странная вещь может его исцелить. У этой вещи ни вида, ни цвета, ни места нет. Искать ее надо в неведомой, дальней, пустынной стране. Вот хан и отправил меня, чтоб ее найти. Не знаю, сколько теперь я пробуду в пути.

— Чем ехать туда на коне, уж лучше идти пешком. Смело идите вперед за этим клубком.— И жена Мергену вручила желтый клубок, тонких шелковых ниток клубок.

Бросил стрелок на землю этот клубок, и тот покатился в неведомую страну. Следом за ним побежал отважный Мерген. Днем не ел, ночью совсем не спал. Счет дням и ночам давно потерял. А клубок все катится, и нету ниткам конца. Но нет и конца терпенью у храбреца. В темный лес однажды Мерген вошел. И целый месяц по этому лесу шел. И кончилась эта нитка. И некуда дальше идти. И тут же маленький домик Мерген увидал. «Наверное, нужно мне в этот домик войти»,— подумал стрелок и смело в дверь постучал.

Прекрасная женщина дверь открыла ему.

— Входите, будете гостем, добрый батыр.

Она подала ему мяса. Стрелок поел. Она постелила войлок, и лег отдохнуть Мерген.

Утром женщина вдруг увидала в руках стрелка золотую гребенку, излучавшую яркий свет. Она спросила:

— Где вы взяли ее?

— Эта гребенка моей солнцеликой жены,— ответил Мерген.— Перед моим отъездом, прощаясь, она мне ее отдала.

— А я—сестра вашей прекрасной жены. Что ж вы раньше не показали гребенку мне? Куда вы едете? Куда вы держите путь? Чем смогу — обязательно помогу.

— Наш многомудрый хан тяжело заболел,— отвечал стрелок.— Только странная вещь может его исцелить. У этой вещи ни вида, ни цвета, ни места нет. Искать ее надо в неведомой, дальней, пустынной стране. Ваша сестра дала мне желтый клубок. Этот клубок к вашим дверям привел.

— Нет, я не знаю неведомую страну. Может быть, об этом знает старшая наша сестра.

И она вручила Мергену новый клубок.

— Нитка укажет дорогу к старшей сестре.

И снова Мерген побежал за желтым клубком. Из лесу вышел. Долго шел по степи. И снова вошел в огромный дремучий лес. Кончилась нитка у дома, у самых дверей.

Прекрасная женщина дверь открыла стрелку. И все повторилось, как раньше, и все Мерген рассказал.

— Нет, я не знаю неведомую страну,— услышал стрелок в ответ.— Но я сейчас у крылатых спрошу, быть может, знают они.

И она затрубила в свой золотой рожок. Ровно сто восемь грустных звуков она извлекла и семьдесят два веселых звука она извлекла. И все крылатые вплоть до мух слетелись к дому ее.

— Слушайте, вездесущие верные слуги мои,— закричала она.— Кто из вас знает такую вещь, у которой ни вида, ни цвета, ни места нет? Кто из вас знает, как пройти к неведомой темной стране?

Но все промолчали. Никто не знал. И все улетели прочь.

Опять затрубила она в рожок — водяных и ползучих звать. Черепахи, змеи, рыбы, лягушки — все прибежали к ней. Но и из них никто не слышал про неведомую страну. И все убежали прочь. Остался только тяжелый рак с толстой железной клешней. Был этот рак над всеми раками хан.

— Что ты знаешь, рак, расскажи скорей!

— Может быть то, что знаю, — не знаю, а может быть то, что неведомо, — знаю, — ответил он.

— Скорей рассказывай то, что неведомо, мудрый рак!

Вот что рак рассказал:

— Если идти в сторону полдня, то через месяц пути прямо к Внешнему морю можно прийти. Потом на запад по берегу до переправы месяц пути. А на той стороне Внешнего моря — дремучий лес. В лесу змейтся дорога, на ней — следы от колес. В самую чашу леса эти следы ведут. Надо идти прямо по этим следам. А дальше — не знаю.

И в озеро прыгнул рак.

И вот пошел Хееч-Мерген туда, куда рак сказал. На той стороне Внешнего моря увидел дремучий лес. А в лесу на дороге увидел следы от колес. Идет и идет, идет и идет по этим следам. А лес все темней и темней, и неба не видно совсем. Остановился стрелок и думает: «Как же быть, что же мне делать, куда мне еще идти?» И вдруг куда-то пропали следы от колес. И тут же домик увидел храбрый стрелок.

В этом домике не было никого, но было ясно, что здесь живет человек. Спрятался в ямку Мерген и стал терпеливо ждать. И вдруг услышал: повозка где-то стучит.

К дому подъехал красивый статный батыр. Самые лучшие одежды были на нем. Самое лучшее оружие было на нем. Вошел он в дом, оружие снял и сел. И громко крикнул, так что Мерген услышал:

— Эй, Мурза, подавай-ка еду-питье!

Желто-пестрая скатерть развернулась вмиг перед ним, а на скатерти было столько еды и питья, что могли бы поесть двенадцать богатырей. Вволю поел-попил красивый батыр. И крикнул:

— Эй, Мурза, быстро все убери!

И скатерть тут же свернулась и исчезла-пропала вмиг. А статный батыр оружие пристегнул и снова умчался в темный дремучий лес.

«Что за чудо? Что он за человек? Кто тот Мурза, который еду подает?» — сидел и думал стрелок Хеече-Мерген. — Попробую я познакомиться с этим Мурзой». И в домик смело вошел, оружие снял и сел.

— Эй, Мурза, подай-ка еду-питье!

Желто-пестрая скатерть развернулась вмиг перед ним, а на скатерти было столько еды и питья, что могли бы поесть двенадцать богатырей. Начал есть и пить искусный стрелок и крикнул:

— Эй, Мурза, садись-ка, поешь со мной!

Жирное мясо стало вдруг пропадать — это Мурза стал его поедать. Наелся Мурза и говорит стрелку:

— Много лет хозяина я кормлю, но он мне ни разу не предложил поесть. А ты в первый же день меня угостил. Может быть, будешь моим хозяином, добрый стрелок.

— Да ведь я тебя по всему свету ищу. Ты ведь и есть та странная вещь, у которой ни вида, ни цвета, ни места нет! Буду твоим хозяином, добрый Мурза!

— Буду твоим слугою, — тот отвечал.

И вместе они из лесу к морю пошли. Скоро навстречу им в повозке, запряженной восьмеркой черно-лысых коней, повстречался красивый батыр. Видно, ехал опять поесть. Он не знал, что Мурза уже не его.

А храбрый стрелок через Внешнее море переправился вместе с Мурзой и пошел по степи, направляясь прямо домой. Однажды они увидели старый джолум*. В нем оказался седой старик-даянчи**. Он бормотал молитву и устало поклоны бил.

— Здравствуйте, старик-даянчи! — громко сказал Мерген. — Можно я останусь у вас ночевать?

— Кто ты такой? Откуда идешь? Здесь еще никогда не бывало людей, — проговорил старик. — Ночевать оставайся, но нет для тебя еды.

— А мне еды не нужно, — ответил стрелок. — Еда у меня с собой.

— Тогда оставайся, — ответил старик и снова молиться стал.

* Джолум — полукибитка, жилище бедняков.

** Даянчи — отшельник.

Вечером ужинать начал старик-даянчи. Щавель, коренья да горсть малины — это и вся еда.

— Я не могу тебя угостить, стрелок,— тихо сказал старик.— Я собираю по крохам мою еду, и если я тебе хоть горстку отдам, на то время, которое нужно, чтобы ее собрать, уменьшатся молитвы мои и поклоны мои.

Мерген тогда говорит:

— Эй, Мурза, подавай-ка еду-питье!

И желто-пестрая скатерть развернулась вмиг перед ним, а на скатерти было столько еды и питья, что могли бы поестъ двенадцать богатырей.

— Садитесь старик, поешьте вместе со мной. Садись и Мурза, ужинать будем вдвоем.

Старик удивился, но все-таки начал есть. Когда наелись и встали, стрелок сказал:

— Эй, Мурза, быстро все убери!

И скатерть тут же свернулась и исчезла-пропала вмиг. Тогда старик говорит:

— Променяй-ка эту вещицу, храбрый стрелок!

— Нет, старик, такую вещь променять нельзя.

Целую ночь старик Мергена просил. Ценную вещь дать в обмен обещал. Наутро вывел его из джолума и говорит:

— Ты посмотри-ка, что я тебе даю!

Вынул старик цветной трехаршинный хадак, трижды потрянул и крикнул:

— Дворец, появись!

И появился огромный, сверкающий солнцем дворец, крыша его почти достигала небес. Жемчуга и кораллы украшали стены его. Такого дворца не видывал белый свет.

Старик говорит:

— Вот что нужно тебе. А твою вещицу мне скорее отдай.

— Нет, старик, Мурзу променять не могу.

А Мурза Мергену на ухо тихо сказал:

— Не бойся, смело меняй. Будет дворец у тебя, и я к тебе прибегу.

— Ладно, согласен,— сказал старику стрелок. Взял хадак и оставил ему Мурзу. Тряхнул хадаком и крикнул:

— Дворец, уберись!

И мигом дворец пропал, будто не было ничего. И ушел Хеече-Мерген.

Долго шел по горам и долинам, степям и лесам. В кармане его лежит волшебный хадак.

«Где же теперь мой друг, волшебник-Мурза»,— подумал Мерген.

— Не беспокойтесь, хозяин, я рядом с вами иду,— ответил Мурза.

Шли они, шли, и вот Поперечное море на их дороге легло. Очень долго его обходить. И тут у берега они увидели корабль. На корабль идут солдаты, наверное, целый полк.

— Солдаты-ребята, возьмите меня с собой. Поперечное море нужно мне пересечь.

— Садись, не жалко,— солдаты ему говорят.

Корабль поплыл, а солдаты начали есть.

— Угостите меня, пожалуйста, вашей едой,— попросил стрелок.

— Ишь ты, ловкий какой,— отвечал солдат.— Сначала тебя на корабль возьми, а потом еще и корми! Нету лишнего хлеба у нас, никто для тебя не припас.

— Что ж, зато у меня запас такой, что хватит на всех на вас!

— Врать-то ты, я вижу, горазд,— сказал усатый солдат. И все засмеялись, и даже корабль от смеха их задрожал. Тут полковник их прибежал и говорит стрелку:

— Если можешь, то накорми, а если врешь — берегись: привяжем камень на шею тебе и пустим рыбку ловить.

— Ладно, садитесь, сейчас накормлю,— ответил храбрый стрелок.

Солдаты уселись. Сидят и ждут. И тихо Мерген сказал:

— Ну, Мурза, теперь выручай. Целый полк накорми!

И желто-пестрая скатерть легла через весь корабль. И было на ней столько разной еды, что хватило бы, наверное, на два таких полка. Поели солдаты, попили, как никогда. Сидят довольные, поглаживают животы.

— Эй, Мурза, быстро все убери,— крикнул стрелок.

И скатерть тут же свернулась и исчезла-пропала вмиг.

— Какая хорошая вещь у тебя!— сказал усатый солдат.— Ты бы продал ее, парень, нам. Нам она очень нужна.

— Эту вещь продавать нельзя,— ответил Мерген.

— Тогда давай меняться на трость. на золотую трость. Если ударить ею по земле — войско идет из земли. Если ударить толстым концом — конное войско идет, если ударить тонким концом — пешее войско идет.

— Меняйся,— тихо Мурза говорит.— И войско будет твое, и я потом к тебе прибегу. Не бойся, смело меняй.

— Ладно, согласен, давайте трость, Мурзу оставляю вам.

Солдаты рады, что взяли Мурзу, даже пустились в пляс.

Скоро к берегу подошли. Войско пошло на юг. А храбрый стрелок с тростью в руках прямо на запад пошел. Сутки идет, а Мурзы все нет, вторые — и снова нет. На третьи сутки опять кричит:

— Мурза, где ж ты, ответь!

— Не беспокойся, мой господин, я рядом с тобой иду.

— Дай же мне поскорей поесть!

И вместе поели они. И снова шли, не считая дней, не считая долгих ночей. Все шли и шли, все вперед и вперед. И вот уже близок дом.

Ровно в полночь в кибитку Мерген вошел. Радостно встретила мужа верная его жена. Спросила, здоров ли, не был ли ранен в пути.

— А что наш хан,— спросил у жены стрелок,— все так же болеет или уже здоров?

— Да он по-моему вовсе и не болел. Как вы ушли — сразу ко мне прибежал и стал уговаривать, чтоб я пошла за него. С той поры приходил уже двадцать раз. А я ему отвечала: «Мой храбрый муж пошел лекарство для вашей особы искать». «Умер твой муж в дороге,— хан говорил.— И кости его уже сгнили давным-давно». «Жив или умер,— хану ответила я,— вашей женою не стану я никогда». После этого хан отобрал мой скот. Я голодала. И вы, наконец, пришли.

— Вот он каков, наш многоумудрый хан,— проговорил Мерген.— Ладно, что ж, потягаемся, кто кого!

И прямо к дворцу отправился вместе с женой. Недалеко от главного входа дворца вытащил свой волшебный хадак, трижды тряхнул и крикнул:

— Дворец, появись!

И появился огромный, сверкающий солнцем дворец. Крыша его почти достигла небес. Жемчуга и кораллы украшали стены его. Потом ударил об землю тростью своей золотой. Ударил тонким концом — и пешее войско пошло. Ударил толстым концом — и конное войско пошло. Выпустил два полка и поставил дворец охранять. А сам вошел во дворец с женой и с Мурзой.

— Никого не впускать, пока я не проснусь!— страже он приказал.

Наутро ханские слуги видят: стоит дворец. На три локтя неба недостает крыша его.

— Что за чудо, откуда взялся дворец? Еще вчера здесь не было

ничего. Может быть, это к нам явился бурхан*. А может быть, это пришел волшебник-мус?

И к хану слуга побежал, чтоб скорей всем доложить. Вышел хан и протирает глаза. Не верит глазам и опять кулаками трет. Но все равно перед ним сверкает дворец.

— Что за чудо? — вскричал удивленный хан. — Никогда такого дворца я не видал. Эй, слуги, ступайте, узнайте, кто там живет, да приведите его скорее ко мне!

Двое усердных слуг побежали к золотому дворцу. Но у входа вооруженная стража встретила их.

— Чей дворец? — закричали ханские слуги, — кто в нем живет? С неба упали вы или выросли из земли? Скажите, откуда вы в земли наши пришли?

А стражники грозно им говорят в ответ:

— Вы кто такие, вы откуда взялись?

— Мы — ханские слуги. Вон в том красивом дворце живет наш повелитель, наш многомудрый хан.

— Вашего хана не знаем и знать не хотим. А наш повелитель спит в золотом дворце. Ступайте назад, пока головы на плечах!

Испугались слуги и побежали домой. Все рассказали хану, а хан как закричит:

— Труссы, бездельники, я ведь вас посылал не со стражей болтать, а хозяина привести. Получит каждый из вас по пятнадцать плетей!

И отправил к золотому дворцу двух лучших богатырей. Стражники их не пустили, спросили, откуда пришли.

— Мы — посланцы великого хана, — сказали богатыри. — Мы пришли не с вами болтать, а хозяина вашего взять.

И стали они расталкивать стражников, чтоб подойти к дверям. Тогда один из стражников схватил богатырей и лбами их стукнул, так, что брызнула кровь. Назад побежали богатыри, поддерживая носы. Прибежали к хану, упали ниц и стали громко кричать:

— Один злодей нас чуть не убил! Больше туда не пойдем!

И тогда промолвил великий хан:

— Надо послать войска!

Тридцать три полка хан ко дворцу привел. В тридцать три ряда хан дворец окружил. Прохаживается и кричит:

— Эй, хозяин дворца, выходи, коли сила есть, выходи, пока солнце стоит, я тебя научу, как невежливым быть!

Вышел храбрый стрелок Хеече-Мерген и сказал:

— Зачем ты, хан, войско такое привел. Я ведь тебе не враг. Я воевать не хочу. Я на тебя войной не пойду, поверь!

— А я пойду и сам тебя зарублю! — крикнул хвастливый хан.

— Ну, если так — берегись!

Взял золотую трость отважный стрелок. Толстым концом ударил —

* Бурхан — бог.

конное войско пошло. Тонким концом ударил — пешее войско пошло. Стоят, сверкая доспехами, вынимают свои мечи.

— Что прикажете, хан?— спрашивают стрелка.

— Сразитесь с вражеским войском,— ответил Мерген,— а хана приведите ко мне.

Только начали битву, как все тридцать три полка рассыпались и разбежались по всей степи. А хан в испуге кричит:

— Куда же, куда же вы? Я — ваш повелитель, ваш многомудрый хан...

Но тут железные воины к нему подошли.

— Спасите, спасите!— Мергену хан закричал.

— Не трогайте хана, ведите его сюда,— приказал стрелок.

Хан подбежал к Мергену, поклонился в ноги ему и сказал:

— Помилуйте! Оставьте меня в живых!

— А я совсем не хочу вас убивать. Это ведь вы захотели со мной воевать. А теперь давайте закусим и отдохнем.

— Эй, Мурза, подавай-ка еду-питье!

И желто-пестрая скатерть развернулась перед стрелком. И было на ней столько разной еды, что могло бы целое войско здесь пировать.

Хан удивился, но все-таки начал есть.

— Слышал я,— говорит хану стрелок,— что у вас проживал стрелок Хеече-Мерген. Где он теперь, этот храбрый стрелок?

— Хеече-Мерген умер давным-давно,— отвечает хан.— Он не пришел назад в назначенный срок, и мы решили, что он в дороге погиб.

— А куда же он уходил, этот стрелок?

— Да так, ушел на охоту и вот не пришел.

— Хан, я не хотел вас убивать. Но вы — негодяй и лжец, и надо вам голову снять. Я Хеече-Мерген. Теперь узнали меня?

— Да, я узнал тебя, мой лучший стрелок.

— Вы послали меня в неведомую страну, чтоб я привез для вас странную вещь, у которой ни вида, ни цвета, ни места нет. Тот, кто кормит нас, добрый Мурза, и есть та самая вещь. Видите, верой и правдой службу я вам сослужил. А вы в это время хотели моей женой завладеть. Да, вы достойны смерти, но я вам дарую жизнь. Идите в другую землю. Живите там.

Хан поклонился и побежал на юг. И больше в этой стране его никто не видел.

А храбрый стрелок Хеече-Мерген зажил, как прежде, с прекрасной своей женой.

СКАЗКА ПРО ВОСЬМИТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО СТАРИКА НАМДЖИЛА КРАСНОГО

Жил-был восьмитысячелетний Намджил Красный со своей супругой семитысячелетней Додын Лучом. Уже давно потеряли счет его стадам. Жилище Намджила Красного квартиру подымается высоко, в землю врыто глубоко. От неба до крыши всего три пальца. А построено оно из золотой сосны. На дверях тигр и барс оскалились, на притолоке — попугай, на потолке нарисован сам хан Гариди с открытым ртом, а в четырех углах — по сияющему солнцу и месяцу. У каждой двери посажено по шабдал-дереву. Деревья в небо упираются и опять вниз растут. От листьев, как от домбры, льются звуки. И под эту музыку на земле звери пляшут, а на небе — птицы.

Все хорошо у Намджила Красного, да вот горе — детей нет. Горевали супруги тысячелетиями.

Оседлал как-то раз Намджил Красный темно-гнедого коня большого и отправился к Зугин-отшельнику.

Приехал. Поставил коня справа у двери, вошел в дверь слева и стал на колени справа у дверного косяка.

Зугин-отшельник и спрашивает:

— Ты чего, сынок? Уж не голодаешь ли, одежда твоя не порвалась ли? Чего пришел?

— Пищи у меня в достатке, одежда крепкая. Горе мое — нет у нас с женой детей. Тоскуем мы. Хотим с женой ребенка иметь.

— Никак нельзя, — отвечает ему отшельник.

— Отчего же? — горестно спрашивает Намджил Красный.

А отшельник твердит свое:

— Никак нельзя.

До колена вошел от горя в землю восьмитысячелетний старик.

Жесток отшельник, повторяет одно и то же: нельзя да нельзя.

— Отчего же? — воскликнул в горе Намджил Красный и по пояс вошел в землю.

— Никак нельзя, — заладил отшельник.

— Почему же нельзя? — Выхватил в гневе Намджил Красный складной нож с ручкой из белой кости, сделанный манджиком Цаджи, и занес над горлом Зугина.

— Помилуй, сынок, — взмолился отшельник. — Все тебе расскажу, что нужно сделать.

— Ну говори!

— В одном дне езды, там, где небо сходится с землей, в той стороне, где солнце заходит, выломай у слепого черного верблюда первый клык.

Поклонился Намджил Красный десять миллионов раз и вышел. Сел он на коня и так поскакал, что год пути в месяц пролетел, месяц пути в день проскакал, день пути в час одолел. Глазом не моргнул, как доехал. Подъехал старец к огромному верблюду и в пасть ему плетью метит. Верблюд заметался и разинул пасть.

Вырвал старец правый клык, завязал в чистый белый платок, положил в карман и поскакал назад. Вскоре прибыл к Зугину.

Спрашивает Зугин:

— Достал верблюжий клык?

— Достал,— отвечает старик.

— Ну, вот у твоей жены уже сын родился, торопись к ней, а вернешься домой, не выходи трое суток и лежи дома, обнявшись с сыном. Твоего сына две змеи хотят украсть и убить.

Ничего не ответил старик, не почувял даже усталости, сел на коня, приехал домой. Родила его старуха дитя. Грудка у него золотая, спинка серебряная. Взял старик сына на руки, пролежал с ним двое суток. Три ночи переночевал, на третий день устал лежать, ноги отекли. Встал, вышел, взобрался на Богзатинскую серую гору и осмотрелся.

Тем временем схватили его сына две змеи и утащили. Старуха отбивала у них сына, упала у входа, так и лежит неподвижно. Старик вошел в кибитку, посмотрел на старуху, дал ей снадобье и вылечил. Потом сел на коня и без отдыха ехал по следу — думал, что на змеиный напад, а след тот проложил жук двадцать пять суток тому назад.

Так и не настиг старик змей. Едет но в гору. Далеко еще до вершины. Захотел он, чтобы конь перевалил ее. А ханганский темно-гнедой конь и говорит:

— Что же ты делаешь? Пожалей меня. Не могу я больше идти! Оседлал ты меня, когда ехал к отшельнику, от него поскакал к верблюду, от верблюда обратно к отшельнику, от отшельника домой, а теперь вот в гору. Чем на вершину меня гнать, снял бы ты с меня седло, дал бы отдохнуть моей спине. Неужели непустишь ты меня вдоволь попасться? Не могу я дальше бежать.

Заплакал старик горькими слезами. Пришлось вернуться домой.

Сын же его был на вершине горы.

«Хорошо бы сделаться стальноруким и стальногогим», — думал он. Думал, думал и уснул. А как проснулся, то увидел, что все, о чем он думал, исполнилось. Ползком спустился мальчик с горы, добрался до моря. На берегу лег отдохнуть. Отдохнул, встал, вошел в море и пересек его от одного берега до другого. По ту сторону моря, неподалеку от берега, между сухой землей и грязью упал он от усталости и долго лежал.

А обе змеи пустились в погоню за беглецом, распознали след, где он в море вошел, а где вышел — не нашли.

— Нет следа, где вышел, — сказали они. — Утонул, верно.

Ударили змей хвостами по морю. Три раза ударили, — осушили море. Нет беглеца. Отправились змеи обратно. Мальчик же встал и пошел к дому.

Пришел. Стоит низкая кибитка из камыша, грязная, жалкая. А в кибитке сидят седые старик со старухой.

— Эй, старина, пришел я издалека, обовшивел, оголодал. Можно у вас отдохнуть?— спрашивает.

— Заходи, заходи. Где-то и мой сын мается, как и ты, голодает,— сказал старик.

Снял с себя юноша рубаху, встряхнул перед огнем.

— Матушка, почешите мне спину,— просит.

Стала старуха чесать ему спину, заметила на правой лопатке родинку и как вскрикнет. Увидел родинку и старик и бросился к сыну.

Не нарадуются старики, положили сына спать между собой, заснули. Проснулись утром, а камышовая кибитка превратилась в прежний прекрасный дворец.

Счастье в дом пришло. Выстрадали отец и мать своего сына. До конца своего века наслаждались они жизнью.

ТРИ БРАТА

89

Много лет тому назад жили старик и старуха. У них были желтая собака и бурая кобылица. Кобылица жеребилась в день по три раза: утром, в полдень и вечером.

Однажды старуха сказала старику:

— Если бы я съела мясо жеребенка, прямо из утробы матери, то помолодела бы. Давай зарежем кобылицу.

— Если мы уьем кобылицу, нашу кормилицу, что же потом будем делать?

А старуха заладила свое:

— Хочу помолодеть.— И послала желтую собаку за кобылицей.

Прибежала собака к кобылице. Кобылица ее спрашивает:

— Ты зачем пришла?

— Мне приказано тебя привести, зарезать тебя хотят. Решила я тебе помочь. Я подпалю бечевку, которой тебя вязать будут.

Привела собака кобылицу. Недолго думая старик и старуха наточили ножи. Старуха и говорит:

— Собака, принеси бечевку!

Желтая собака подпалила бечевку и принесла ее. Связали бурую кобылицу и только хотели резать, а кобылица как рванется, опрокинула старика и старуху и убежала. Не вышло дело.

Немного спустя старуха опять говорит старику:

— Эх! Поела бы я жеребятинки, сразу бы помолодела.— И так надоела старику, что согласился он резать кобылицу. Опять послала старуха собаку. Прибежала собака к кобылице.

— Ты зачем пришла?

— Велят опять тебя привести, зарезать тебя хотят,— говорит собака.— Да только я и теперь подпалю бечевку.

Пошли собака с кобылицей. Старики повалили кобылицу.

— Собака! Принеси бечевку,— приказывают.

Подпалила собака бечевку и принесла. Связали старик со старухой кобылицу, резать хотят. Да не тут-то было. Опять сбила кобылица обоих: старика закинула за один бугор, старуху — за другой. Убежала.

Только через два дня добрались старики до дому.

Долго старуха помалкивала, а потом опять за свое:

— Поела бы я жеребятинки, помолодела бы. Давай зарежем кобылицу.— Сказала так и послала за кобылицей желтую собаку. Пришла собака к кобылице.

— Зачем пришла?

— Тебя хозяева требуют.

— А что мне там делать?

— Хотят тебя убить,— отвечает собака.

— Подпали же опять бечевку,— просит кобылица.

— Ладно, сделаю,— согласилась собака и привела кобылицу.

Старики вдвоем повалили кобылицу.

— Принеси бечевку,— говорят собаке.

Подала собака пережженную бечевку. Связали бечевкой кобылицу покрепче, а как стали резать, забросила кобылица старика и старуху за речку и убежала. Только на прежнее место не вернулась больше кобылица.

Бежала она, бежала и прибежала в стоянку одного грозного хана. Слышит, кто-то жалобно плачет. Побежала туда и видит: лежат трое маленьких новорожденных мальчиков, брошенных в ямке, где водку гонят. Отца хан угнал воевать, а мать померла от голода и холода. Кобылица положила мальчиков себе на спину и побежала подальше от злого хана.

Бежала она, бежала и прибежала в большой дремучий лес. Смастерила там себе жилье из травы и стала кормить детей своим молоком.

Жили у нее мальчики, пока не выросли большими. А кобылица жеребилась утром, в полдень и вечером. Всю землю кругом скоро заполнила она табуном. Однажды сказала кобылица трем мальчикам:

— Вы оставайтесь здесь, а я пойду подальше и там где-нибудь ожереблюсь.

Взбежала она на большую гору и осталась там. Жеребилась утром, в полдень и вечером и развела еще один огромный табун. Заполнил он опять всю землю кругом. Поскакала назад кобылица, домой к трем мальчикам и говорит им:

— Пойдите пригоните второй табун.

Оделись три мальчика, сели на лошадей и отправились за табуном. Через три года доскакали они до другого табуна. Пока собирали, прошло еще три года. Пока пригнали домой — еще три. А когда пригнали табун домой, хорошо зажили вместе со своей кормилицей-кобылицей.

Однажды кобылица и говорит им:

— Прощаться нам надо. Стара я стала.

Сказала и обернулась черным облаком. А когда улетело облако на небо, меньшей из трех заплакал. Вдруг облако опустилось на землю, вышла из него кобылица и спрашивает:

— Чего ты плачешь? Вон старший брат твой еду варит. Иди к нему! Ну!

Побежал меньшей к старшему брату. Опять обернулась кобылица черным облаком, закричала по-лебединому и взвилась в небо. Снова меньшей из трех братьев стал о ней плакать. Горько плакал, пока снова не спустилась к нему кобылица.

— О чем ты плачешь? — спрашивает.

— Не дала ты мне имени, так безымянным и оставляешь... — ответил меньшей.

— На голубом стеклянном бугре возросший Кокодэ Мудрый будет твое имя.

Дав имя меньшому, взвилась кобылица облаком, улетела в небо.

Остались три брата одни на земле. Выстроили себе дом, не доставал тот дом до неба всего на три пальца. Дом разукрасили: на дверях

тигр и медведь — того гляди схватятся. На притолоках ворон и сокол — вот-вот бросятся друг на друга. На верхней притолке попугай. Окна в доме из огненного стекла. Перед дверьми растет дерево шабдал, вершиной в небо упирается. Ветви его свисают вниз и издают чудесные звуки — будто раковины поют и трубы играют. Покоряются все этим звукам — в небе пляшут птицы, а на земле звери. Такое прекрасное дерево перед дверьми. По правую сторону дома — табун игривых лошадей. По левую — табун лоснящихся лошадей. Позади дома — табун ретивых лошадей. Впереди дома — табун прытких лошадей. А рядом с домом серая гора Богзатин, вершиной самые белые облака подпирает.

Так жили-поживали три брата.

Однажды меньшей и говорит братьям:

— Что же это мы так живем? Поищем-ка себе жен.

Приказал Кокодэ Мудрый оседлать серо-голубого коня. Взял конюх Кокодэ Мудрого узду и пошел за серо-голубым на зеленую траву, где били из земли прохладные ключи.

Чтобы мягко было валяться коню, рассыпан там бархатный песок. Чтобы не потер конь ноги, привязан он арканом из ваты.

Приготовился в путь конь Кокодэ Мудрого. Доброе тело свое подобрал к крестцу, упругое тело свое подобрал к ушам, быстрое тело свое подобрал к глазам, резвое тело свое подобрал к четырем чашам золотым. Вот и готов конь.

Пора одеваться Кокодэ Мудрому.

Надел он искусным мастером шитую, десятью цветами переливающуюся белую одежду. Она на нем, как влитая. Надвинул на лоб шапку с кистью, Нильвинг. Она на нем, как влитая. Опясал себя поясом Людынг из кожи пяти четырехлетних лошадей. Он на нем, как влитой. Надел красные сапоги со скрипом. Они на нем, как влитые. Взял оружие верное.

Когда вышел Кокодэ Мудрый из дому, чтобы сесть на коня, прыгнул конь чуть-чуть не до неба и вернулся на прежнее место, где ждал его хозяин. Потом обошел справа налево дом и отправился в путь вместе с хозяином. Полетел он, как пушенная из лука стрела, растаял, как мареву в раскаленном зное летнего дня.

Едет Кокодэ Мудрый и видит вдаль то ли ласточка, то ли еще что величиной с муху. Подъехал поближе, увидел перед собой кибитку с белой дверью без петель. Сошел с коня, серебряный чумбур в руке, вошел внутрь и сел у правой решетки. У левой решетки сидит старуха, пищу готовит. А перед старухой сидит, волосы расчесывает такая раскрасавица, что как обернешься назад, то при свете ее красоты можно перечесать всех до одной рыбешек в океане. При сиянии ее лица можно табун караулить, при блеске ее глаз писать и ночью можно. Закричала на него старуха:

— Эй ты, бугай приبلудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами, откуда взялся?!

Кокодэ Мудрый тихо ответил:

— Я не бугай приبلудный, и не горят мои глаза, и не пылает мое лицо, я простого человека сын.— Сказал так и замолчал. Помолчал и говорит:

— А где ваш хозяин?

— Отправился в табун,— отвечают ему.

Тогда вышел Кокодэ Мудрый из кибитки. Красавица — за ним. Вышла, дала ему три творожных лепешки, ни слова не промолвила и не взглянула ни разу. Кокодэ Мудрый сел на коня, не обернулся на девушку и поехал дальше. Полетел он опять по степи.

Пошел с запада дождь, пошел с востока снег.

Вдруг идет навстречу Кокодэ Мудрому пятнадцатиголовый черномазый Мус.

— Ха-ха-ха! Вон едет поганый!— приговаривает, а за ним бежит собака желтая, облезлая, с трехлетнюю корову ростом. Бежит, раскусывает камни с барана величиной и кидает их. Бросил ей Кокодэ Мудрый одну лепешку. Схватила ее собака, съела и бежит дальше, не лает. Снова бросил ей Кокодэ Мудрый лепешку. Опять она съела. Третью бросил. Третью съела. Подбежала к нему, прыгает на лошадь и ласкается.

А тем временем пятнадцатиголовый черномазый Мус думает: «На всей земле ни одного человека нет, который мог бы победить меня и двух моих братьев. Отчего же ласкается к нему моя собака?» Приблизился Мус к юноше и говорит ему:

— Эй ты, бугай приبلудный, что ты за человек, с горящими глазами, с пылающим лицом?

А юноша ему в ответ:

— Не бугай я приبلудный, и не горят у меня глаза, и не пылает лицо. Я сын простого человека. Хоть и многоголов ты, а безрассуден.

Ударил тут Кокодэ Мудрый по десяти головам Муса, откинул их назад и стал бороться с пятью головами. Боролись так, что разлетелся терн мелкими веточками. Боролись так, что обмелели океаны, стали лужами. Боролись так, что горы стали долинами, а долины горами.

Боролись они сорок девять суток.

Поборол Мус юношу, чуть-чуть было не убил.

— Рассказывай про свои горести, печали и беды,— говорит Мус, а сам сидит на юноше.— Дрожит мое сердце, сокрушить тебя хочет.

— О бедах я помолчу. Если хочешь на прощанье посмотреть чудеса, которые показывал мне мой отец, смотри,— сказал Кокодэ Мудрый.

Отпустил его Мус. Тогда он и говорит:

— Сядь покрепче, держись сильнее.

Взялся Мус покрепче, сел попрочнее. Толкнул его юноша раз, едва удержался Мус. Еще раз толкнул. Чуть не свалился Мус. Третий раз толкнул. Перекувыркнулся Мус и полетел прочь. Юноша тут же поймал Муса и бросил об землю. Вошел Мус в землю на девять локтей. Тогда Кокодэ Мудрый разжег трубку величиной с бычьей голову, уселся и курит. А дым в трубке клокочет.

Ковыляет к юноше Мус, глаз выбит, рука сломана, ноги одной нет, словно коршун подстреленный.

— Мус! Куда ходил?— спрашивает его юноша и улыбается.

— Вода в этой реке горькая, ходил я пить из дальней реки,— отвечает Мус урюмо.

Поглядели они друг на друга исподлобья, бок о бок, как бугаи, потерлись, головы подняли и друг на друга как верблюды пошли. Как бараны, схватились, перебрасывались и снова сорок девять суток боролись. На своем тонком бедре потряс юноша Муса восемь тысяч раз. На своем черном бедре потряс Мус юношу семь тысяч раз. Снова потряс юноша Муса восемь тысяч раз и бросил бездыханного на землю. Черная кровь становой жилы Муса, клокоча, землю на три пальца кругом покрыла. Убил он Муса, поломал его кости на мелкие куски, порвал его мясо в клочья, слил воду семи рек в одну и бросил в нее Муса. Потом сел Кокодэ на лошадь и умчался прочь.

Повстречал опять на пути кибитку с белой дверью без петель. Подъехал к ней, спешился и, с серебряным чумбуром в руках, вошел. Сел у правой стены. Снова увидел красавицу. При свете ее красоты ночью можно счесть кипарисы за горой. А на левой стороне сидит злая старуха и как закричит:

— Эй ты, бугай приبلудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами, откуда ты?

— Нет огня у меня в глазах, и не пылает мое лицо,— говорит Кокодэ Мудрый и спрашивает:— А хозяин ваш где?

— Поехал в табун.

Вышел Кокодэ Мудрый, а красавица — за ним вслед. Дала ему три лепешки. Взял он их, положил в боковой карман, сел на коня и поскакал. Еще пуше прежнего дождь льет, еще пуше прежнего снег сыплет, еще страшнее первого двадцатипятиголовый черный Мус движется. А за ним желтая собака величиной с верблюда, разгрызает камни с быка величиной и бросает их. Бросил ей юноша лепешку. Съела — и дальше бежит. Подбросил другую. Съела — и снова бежит. Бросил третью. Съела, подбежала к нему, прыгает и ласкается.

Размышляет Мус: «Отчего это к чужому ласкается моя собака?» Подошел Мус к юноше и говорит:

— Эй ты, бугай приبلудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами?

— Не горят мои глаза, лицо не пылает и не приبلудный я бугай. Хоть и складно говоришь ты, а бестолков.

Ударил Кокодэ Мудрый Муса, оторвал его десять голов и стал сражаться с пятнадцатью головами.

Боролись они так, что стали горы долинами, а долины горами. Боролись так, что леса посохли, стали хворостом. Боролись так, что океаны обмелели, стали лужами, а лужи разлились океанами. Боролись они сорок девять дней. Совсем было одолел Мус юношу, ударил его об землю.

— Перед смертью рассказывай о своих бедах,— говорит Мус, а сам сидит на юноше.

— Подожди, Мус. Посмотри лучше двенадцать хитростей борьбы, каким отец меня научил, поучись у меня напоследок.

— Покажи,— приказал Мус.

— Сядь покрепче, держись сильнее.

Вцепился Мус, крепко сидит. Толкнул его юноша один раз. Еле удержался Мус. Снова толкнул. Чуть не свалился Мус. В третий раз толкнул. Перевернулся Мус, слетел с юноши. Юноша встал, встряхнулся, а сам посмеивается.

Поставил Кокодэ Мудрый своего серо-голубого коня в тень и сам сел. Пускает дым из трубки величиной с бычью голову. Глядит — Мус ковыляет. Одна лапа разорвана, глаз выбит, рука вывернута, нога сломана.

— Мус! Куда ходил?— спрашивает его юноша.

— Вода в этой реке горькая, ходил я пить из дальней реки,— отвечает Мус злобно.

Тут пошли боком друг на друга Мус и Кокодэ Мудрый, как два бугая. Исподлобья друг на друга, как верблюды, посматривают. Схватились, как бараны. Зашумело, загремело все вокруг. Потряс юноша Муса на своем тонком бедре восемь тысяч раз, молча сдвинул его семь тысяч раз и загнал его одним ударом на девять локтей в землю. Рекой течет черная кровь из становой жилы Муса.

Тогда Кокодэ Мудрый говорит:

— Если вправду ты богатырь — поднимайся, если нет на то силы — убью.

— Не в силах я, убивай,— отвечал Мус.

Убил юноша Муса, кости его поломал, мясо его разорвал на куски, слил воду семи рек в одну и бросил туда Муса.

Опять Кокодэ Мудрый сел на своего серо-голубого коня и отправился дальше. Заметил, что-то вдаль виднеется. Поехал туда. Стоит кибитка с белой дверью без петель. Подъехал, слез и, держа чумбур, вошел в нее. Вошел и сел. По левую сторону сидит старая старуха, а перед ней девушка. При свете ее красоты можно счесть все пылинки в степи. Как закричит старуха:

— Эй ты, бугай приبلудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами?

Отвечает Кокодэ Мудрый:

— В лице нет у меня жара, и в глазах нет огня, и не приبلудный я бугай.— Сказал и сел. Посидел еще и спрашивает:— Ваш хозяин куда пошел?

— Поехал в табун,— отвечает старуха.

А когда Кокодэ Мудрый собрался уезжать, красавица девушка дала ему три бараньих ноги. Взял их юноша. Поскакал дальше.

Едет. Дождь идет, снег падает. Мчится прямо на юношу тридцатипятиголовый черный Мус. Один его голос звучит на небе, другой —

на земле. Одним клыком бороздит он землю, другим — небо. Бежит с ним собака со слона, на ходу разгрызает камни с целого верблюда величиной. Лаёт и бежит, бежит и лаёт. Бросил Кокодэ Мудрый собаке одну баранью ногу. Перестала собака лаять, съела ногу и дальше бежит. Снова бросил Кокодэ Мудрый баранью ногу. Опять съела. Третью ногу бросил. Съела и стала к нему ластиться.

Никак не поймет Мус: «Отчего это моя собака к чужому ластится?» Подъехал и спрашивает юношу:

— Эй ты, бугай приبلудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами?

Отвечал Кокодэ Мудрый:

— Нет у меня огня ни в глазах, ни в лице, не приبلудный я бугай. Хоть и силен ты, но безрассуден, хоть и здоров, а дурак.

Ударил Кокодэ Мудрый по десяти головам, разлетелись они в разные стороны и стал бороться с двадцатью пятью оставшимися.

Боролись так, что стали горы долинами, а долины — горами. Боролись так, что океаны обмелели, стали лужами, а лужи разлились океанами. Боролись так, что посохли кусты терна и выросли новые. Сорок девять дней боролись. Едва одолел Мус юношу. Одолев, сказал:

— Перед смертью юноша всегда три печали вспоминает. Говори, какие у тебя? Сердце бьется — так хочу я тебя убить, жизнь твою кончить. Складной нож, сделанный манджиком Цыда, у твоего горла.

А юноша ему в ответ:

— Лучше посмотри двадцать хитростей борьбы, каким меня отец научил.

Согласился Мус.

— Крепче держись, прочней сиди, — сказал юноша и толкнул Муса. Еле удержался Мус. Толкнул его юноша еще разок. Чуть не свалился Мус. Опять толкнул. Кубарем покатился с него Мус. Вскочил юноша с земли, схватил Муса и одним ударом загнал на девять локтей в землю.

— Ну что, Мус? Есть ли у тебя про запас хитрости?

— Нет, — отвечал Мус, — перехитрил ты меня, победил, убивай теперь.

Убил Кокодэ Мудрый старшего Муса и отправился к нему в дом. Приехал, прикончил еще его злую мать, а жену взял с собой. Скот послал кочевать и так приказал:

— Ступайте по моему длинному следу, где след перекрещивается — там и обедайте, где след кругом пойдет — там заночуйте.

Поехал Кокодэ Мудрый в дом среднего Муса. Убил его мать, жену тоже с собой взял, отослал скотину кочевать и опять наказал идти по своему длинному следу.

К младшему Мусу в дом приехал и с его родней так же расправился.

Поскакал теперь Кокодэ Мудрый в родные свои края. И так погнал своего коня, что до ушей коню рот растянул, до костей его исхлестал. Из конских глаз искры посыпались, из ушей огонь запылал, из носа дым повалил клубами.

Скакал, скакал и прискакал. Вошел в дом. Поздоровался со старшими братьями. Немного спустя прибыли и жены-пленницы. Все три красавицы. Тогда Кокодэ Мудрый отдал жену старшего Муса своему старшему брату, жену среднего Муса — среднему брату, а себе взял жену меньшого.

Так и жили братья, радовались жизни.

Однажды ночью старший брат, Цагада Мудрый, вышел на двор. Видит — тьма кругом, ночь, а в окне Кокодэ Мудрого странный свет мерцает. «Что это за свет?», — подумал старший брат и поспешил в дом Кокодэ Мудрого, вошел и увидел, что сияет лицо жены Кокодэ Мудрого.

Прибежал Цагада Мудрый к Улада Мудрому и говорит:

— Лицо жены брата нашего, Кокодэ Мудрого, чудесное сияние испускало. Забрал он себе самую лучшую. Обманул нас. Давай отнимем у него жену.

Улада Мудрый и говорит:

— Нет, не прав ты. Если бы младший брат не нашел нам наших жен-красавиц, где бы мы их взяли?

Прошло много дней. Однажды ночью опять увидел Цагада Мудрый чудесный свет и опять прибежал к Улада Мудрому.

— Вставай, смотри, в доме Кокодэ Мудрого неземной свет мерцает. — А сам задыхается, еле дальше говорит: — Давай воткнем у его порога две косы, а потом потащим по земле кожу и закричим: «Вставай, Кокодэ Мудрый, вставай, украли твоего бурого коня». А потом убежим. Кокодэ Мудрый выскочит и отрежет себе косами ноги, а мы возьмем его жену.

Прикрепили братья к дверям острые косы и стали бегать и кричать:

— Кокодэ Мудрый! Выходи! Увели твоего любимого коня!

Вскочил Кокодэ Мудрый, а жена его не пускает, за ноги хватает, целует.

Кричат братья:

— Увели твоего бурого! Вставай скорей! Завладела тобой твоя служанка, трус ты несчастный!

Оттолкнул Кокодэ Мудрый жену, бросился из дому и отсек острой косою себе обе ноги. Повалился Кокодэ Мудрый на землю, как скошенная трава.

Построили братья Кокодэ Мудрому травяную кибитку и оставили его там. Сами же вместе со скотом и кибитками отправились кочевать.

Прошли дни.

Как-то готовил себе Кокодэ Мудрый пищу, вдруг снаружи постучались. Отпер Кокодэ Мудрый. Стоит перед ним человек.

— Что тебе нужно?

— Мои старшие братья слышали, как братья Кокодэ Мудрого расправились с ним и выкололи мне оба глаза, — отвечает пришелец.

— Ну, входи сюда, побратаемся в беде, — сказал безногий Кокодэ Мудрый.

Вдвоем сварили они себе кашу, поели, легли спать. На другой день вечером опять кто-то стучится.

— Кто там?— спрашивают.

— Услышали мои старшие братья, что братья Кокодэ Мудрого отрезали ему ноги и отрезали мне руки,— сказал пришедший.

— Заходи сюда, будем друзьями,— пригласили его слепой и безногий. Так втроем и жили дружно — слепой, безногий и безрукий.

Однажды услышали они, что Хормуста-небесный отдает замуж свою дочь.

— Поплывем за невестой на лодке, возьмем ее себе,— решили друзья. Сказано — сделано.

Безногий сел верхом на слепого, а безрукий их вел. Так пришли они к лесу, срубили деревья, смастерили лодку, сели в нее втроем, ударили по корме и поплыли на небо.

Пока плыли вверх, дочь небожителя провезли мимо них на лодке в дом жениха. Взял Кокодэ Мудрый платок в руку и закричал:

— Не ваш ли это платок?

Потянулась девушка за платком, а Кокодэ Мудрый схватил ее за руку и перетянул к себе в лодку. Поплыла по воздуху лодка вниз, а за ней туман стелется.

Прибыли три друга домой. Опять Кокодэ Мудрый оседлал слепого и, взяв в проводники безрукого, отправился на охоту. Хорошо поохотились. Принесли домой зайцев, лис, велели дочери Хормуста-небесного приготовить пищу. Так и жили себе поживали.

Как-то раз отправились трое друзей на охоту, а девушка забралась на верх кибитки и смотрит во все стороны. Вдруг из безлюдного скалистого ущелья дым поднимается. Побежала девушка туда. Видит, выходит дым из старой кибитки. В кибитке той — бабка и дед Мусы. Бабка сидит и чешет себе голову.

— Девушка, а девушка, чего робеешь? Заходи!— говорит старуха.

Вошла девушка. Взяла старуха кашу и угощает девушку. Девушка будто кашу съела, а сама спрятала ее в рукав. Потом старуха легла и говорит:

— Почеши-ка мне голову, милая.

Пока чесала девушка старухе голову, та шилом продырявила ей полу, насыпала туда золы и говорит:

— Спасибо, девушка, возьми теперь огонь и ступай домой.

Положила ей в полу горящих углей и отпустила. По пути от кибитки Муса и до дома просыпала девушка золу сквозь дырку в платье. Так след за собой и оставила.

Бабке Муса того и надо. Была та бабка одноглазая, глаз у нее впалый, желтый, да и тот на затылке.

Побежала старуха по следу за девушкой. В кибитку зашла — а девушка спит. Стала старуха сосать девичью кровь, насосалась и домой. Девушка еле живая лежит, заболела, ослабла.

Вернувшись домой, трое охотников и спрашивают девушку:

— Отчего это ты так похудела?

— Вовсе я не похудела, — отвечает девушка, а сама лежит слабая, плачет.

Прошло некоторое время, пошли друзья опять на охоту. Старуха тут как тут. Пришла в кибитку к девушке, пососала, пососала ее кровь и отправилась домой.

Возвратились охотники, дивятся на девушку и говорят друг другу:

— Отчего это она так худеет?

В другой раз слепой и безногий пошли на охоту, а безрукого спрятали следить за девушкой. Только скрылись охотники из виду, глядит безрукий — пришла старуха, старая, желтая, нос краснее меди и давай сосать кровь девушки. Закричал безрукий и прогнал ее прочь. Вскоре вернулись и остальные. Сказал им безрукий:

— Приходила сюда какая-то ведьма и сосала кровь из девушки.

Тогда слепой стал за дверь, безногий залег на дверную притолоку, а безрукий под шкурой спрятался. Пришла старуха. Осмотрелась. На руках и ногах у нее козы жилы. Нос краснее меди, глаз один и тот на затылке. Прокралась она в кибитку, шепчет:

— Девушка, девушка, есть ли в твоём доме кто?

— Нет, — отвечает девушка.

— Правду говори, — приказывает старуха.

А у девушки и сил нет больше ответить. Пошла старуха за стариком, привела его. Стали вместе сосать.

Кинулись тут на них три друга. Старуху схватили, а старик убежал. Связали они старуху и избили ее.

— Сделай девушку такой, какая была, сделай, какая была,— бьют и приговаривают.

Взмолилась старуха. Проглотила она девушку и вернула обратно. Сделалась девушка такой, как была прежде. Удивились друзья. Подводят к старухе безглазого.

— Сделай его зрячим,— требуют.

Проглотила его старуха и возвратила его юношей с прекрасными глазами. Отдали ей тогда безрукого. Проглотила и вернула его с руками.

Тогда Кокодэ Мудрый сказал друзьям:

— Если старуха меня проглотит и не выпустит, разрубите ее на мелкие куски, разрежьте на мелкие части и освободите меня.

Проглотила старуха Кокодэ Мудрого и говорит:

— Хоть убейте, хоть зарежьте, как знаете, а не выпущу я его.

Порубили два друга старуху на мелкие куски, искали, искали, устали, а Кокодэ Мудрого не нашли. Сели они опечаленные отдохнуть, вдруг воробей на трубе зачирикал:

— Чир-чир-чир! В мизинце ищи, в мизинце ищи!

Стали искать в мизинце и нашли. Сидит Кокодэ Мудрый здоровый, ноги скрестил и трубку курит.

Так превратились калеки в здоровых и решили вернуть дочь Хормусту-небесному. Отвезли ее и пошли втроем куда глаза глядят.

Шли, шли — и дошли до того места, где дорога на три расходится. Попрошались друзья. Побрели каждый по своей.

Шел Кокодэ Мудрый, шел и пришел к дому своих братьев. Прикинулся он тогда цыганом. Вошел. А в кибитке мясо варили. Жену же Кокодэ Мудрого братья сделали простой пастушкой.

Как сварилось мясо в котле, Кокодэ Мудрый подошел помешать, вынул лучшие куски, а сам и говорит:

— То мясо, которое я первым выну, съест тот, кто у огня сидит. И отдал лучшее мясо своей жене.

Взяла она мясо, вышла и села на дворе, а лицо ее зарумянилось. Дочь Цагада Мудрого увидела это и спрашивает у матери:

— Почему, как поела пастушка мяса, лицо ее зарумянилось?

А мать отвечает:

— Оттого, что она никогда не видала цыгана.

Захотелось женщинам, чтобы у всех был румянец. Стали они просить «цыгана» доставать и им мясо, а сами ели да ели, пока вечер настал. Постелили на дворе постель Кокодэ Мудрому, а жену его прогнали прочь.

Объявился Кокодэ Мудрый ночью своей жене. Бросились они друг другу в объятия, до рассвета рассказывал он ей обо всем, что с ним приключилось.

Как настало утро, жена Цагада Мудрого кричит:

— Вставай, пастушка паршивая, открывай трубу!

А пастушка лежит и не встает.

Тогда вскочила жена Цагада Мудрого, схватила кнут, выбежала наружу, да ни с чем пришлось ей вернуться. Сидит пастушка с цыганом, а цыган ее обнимает.

Заварили чай и позвали Кокодэ Мудрого чай пить. Кокодэ Мудрый выпил чаю, разостлал перед кибиткой белый войлок, посадил на него братьев, роздал им по луку, себе один взял и говорит:

— Стрела того, кто из нас в чем виновен, вернется обратно и попадет ему прямо в сердце. А если кто не виновен, то стрела прилетит обратно и попадет ему в правую полу.

Братья пустили стрелы.

Вернулась стрела Цагада Мудрого и прямо ему в сердце вонзилась. Прилетела стрела Улада Мудрого — и тоже в самое сердце попала. А стрела Кокодэ Мудрого вернулась обратно, прямо ему в правую полу.

Тогда Кокодэ Мудрый сказал своим двум снохам:

— Что хотите себе взять? Хвосты и гривы семисот кобыл или кобыльи копыта?

Решили снохи: «Из хвостов и грив наплетем мы бечевок и арканов». И ответили:

— Гривы и хвосты возьмем.

— Ладно! По-вашему будет.

Пригнал Кокодэ Мудрый семьсот кобыл, привязал своих снох к гривам и хвостам и погнал табун по степи.

После того жил Кокодэ Мудрый со своей женой и радовался жизни.

ОХОТНИК ИЕСТИР

Давным-давно жил старик со своей старухой. Было у них девять сыновей. Самого младшего звали Иестир-охотник. Однажды старик со старухой отправились сватать сыновьям невест. Повстречалась им на пути прекрасная белая кибитка. Вошли они в нее и увидели восемь красавиц. Старики стали сватать девушек за сыновей и получили согласие.

К ним на свадьбу пришел желтоголовый змей. Старший из братьев понимал змеиный язык, так как в детстве ему попала в рот змеиная слюна. Змей и говорит:

— Я уйду обратно домой, а потом, когда кончится ваш пир, пришлите ко мне сегодня же самого младшего брата. Если не пришлете — всех вас погублю.

Старший брат и говорит младшим:

— Милые братья, мы все очень любим нашего младшего брата и не расстанемся с ним никогда. Лучше умрем все вместе, защищаясь до последнего вздоха от змеиной силы!

— Нет,— сказал Иестир,— мы не сладим со злым ядовитым змеем, он ведь очень силен, увертлив и ловок. У него в плену много юношей посильнее нас, они ничего не могли с ним сделать. Остается покориться. И думать о том, чтобы тягаться с ним, бесполезно,— живите, как жили, а я пойду к нему один. Любите меня, как любили прежде, и я буду любить и уважать вас всегда, где бы я ни был. Ради вас я готов пожертвовать жизнью.

Иестир отправился.

Подошел он к громадной яме. Спустился в нее. Там его встретил статный юноша и спросил: не ему ли велено явиться к господину.

Иестир ответил, что именно ему.

Юноша повел Иестира. Встретил змей Иестира такими словами:

— Достань мне дочь-красавицу вашего хана, который славится своим богатством, если не достанешь или убежишь, я тебя разыщу, поднимись хоть на небо или заройся в землю. Исполнишь мое желание — проси все, что тебе угодно, все получишь.

Иестир попросил у него лошадь и поехал в ту сторону, где живет богатый хан. Ехал-ехал, не знал ни дней, ни ночей.

Вдруг видит: сидит человек, траву сосет. Иестир и спрашивает его:

— Несчастный ты человек, зачем ты траву сосешь?

А тот отвечает:

— Я не несчастный, а счастливый, слышал я, что младший из девяти братьев, Иестир, должен достать змею ханскую дочь, и я готовлюсь ему помочь.

— Трудишься ты, значит, для меня,— сказал Иестир.

Дальше отправились они вместе.

Вдруг видят: человек вбрасывает в рот воду двух морей.

— Зачем ты, несчастный, набираешь столько воды в рот?— спросил Иестир.

— Нет, я не несчастный, а счастливый, слышал я, что младший из девяти братьев, Иестир, должен достать змею ханскую дочь, и я готовлюсь ему помочь.

— Трудишься ты, значит, для меня,— сказал Иестир.

Дальше отправились все вместе и прибыли к ханскому дворцу.

У хана был пир. Хан объявил собравшимся, что отдаст дочь тому, кто сумеет кость только что убитой лошади сделать такой, будто она пролежала уже семьдесят лет.

Тогда тот, который сосал траву, высосал кость так, будто пролежала она уже целых семьдесят лет.

Иестир собрался в обратный путь, а хан поджег все кругом. Тогда тот, который набирал в рот морской воды, выпустил всю воду и залил огонь. Отправились они обратно.

Повстречалась им дорогою лисица, захотел Иестир ее убить. А лисица ему говорит:

— Что для тебя дороже, добрый совет или моя шкура величиною с ладонь?

— На что годна твоя шкура, лучше посоветуй,— ответил Иестир.

— Ханскую дочь оставь себе, а вместо нее наряди меня в лучшие одежды и отведи к змею.

Сказано — сделано.

Нарядил Иестир лисицу ханской дочкой и отвел в яму к змею.

Обрадовался змей и пообещал исполнить любое желание охотника.

Иестир стал просить у змея сундук, где хранилась змеиня душа.

Змей даже всплакнул, но от слова своего не отступил — отдал сундук.

Иестир умертвил змеиную душу, а с ней и самого змея, возвратился к родителям, женился на ханской дочери, а спутников своих оставил при себе. Они поклялись быть ему братьями, стали вместе жить-поживать.

ЮНОША, ПОНИМАВШИЙ ЯЗЫК ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

обралось однажды пятьдесят девять юношей. Сели они на коней и поехали еще за одним.

Наступила ночь. Подняли они с постели юношу и говорят:

— Садись на коня, едем с нами.

— Ох, — отвечает юноша, — лень мне, братцы мои старшие да младшие. Поезжайте-ка лучше вы по домам.

— Стыдно, стыдно! Не по-молодецки себя держишь! — стали они его укорять.

— Ну, нечего делать. Раз пятьдесят девять того желают, придется ехать.

Сел юноша на коня, и поехали все шестьдесят по дороге. Проехали немного, свернули в сторону, легли спать. Встали утром, смотрят — глазам не верят. Спать легли в ровной степи, а проснулись — кругом бугры.

— Что это такое? — удивляются они. А когда присмотрелись — оказывается, лег кругом огромный змей, свернулся кольцом, держа в пасти хвост, и выхода из того кольца нет.

Испугались сначала юноши. Только видят, напрасен их страх. Стал змей по одному выпускать их наружу. Вынет хвост из пасти — проедет один молодец, опять возьмет хвост, опять выпустит. Так один за другим и вышли они из змеиного кольца.

Остался один — шестидесятый. Коня его змей выпустил, а самого не пускает.

Ждали-ждали своего товарища пятьдесят девять юношей, да, не дождавшись, уехали.

Протянул змей голову к юноше, высунул язык, а язык дрожит.

— Полижи мой язык, — говорит ему змей.

Полизал юноша змеиный язык. Разомлел змей от удовольствия. Подобрел, выгнул спину.

— Садись, — говорит, — верхом. Поедем. Вижу, хороший ты, храбрый. Повезу тебя к своему врагу. Утащил он мою жену.

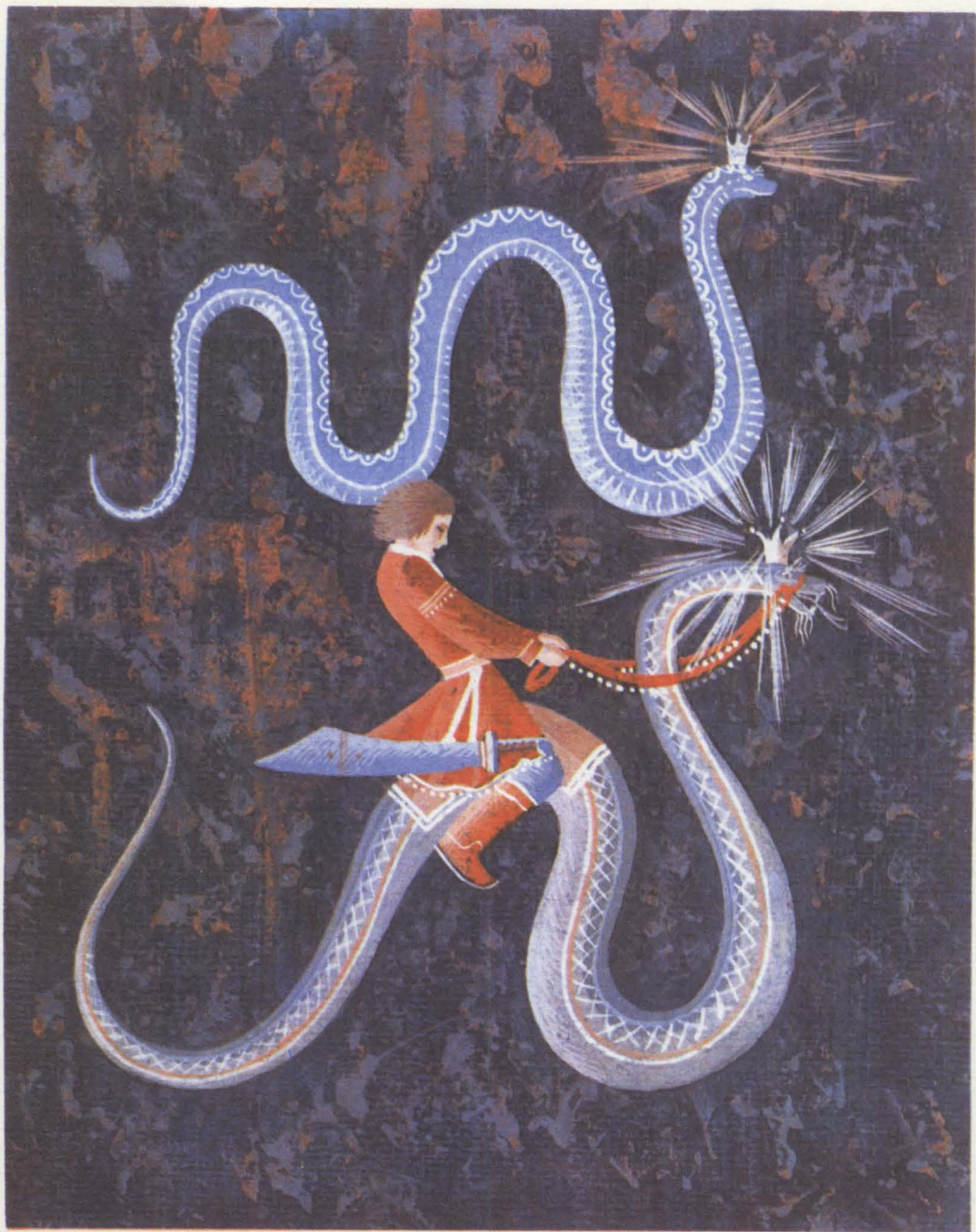
Приполз змей к норе врага и говорит юноше:

— Ты спрячься здесь, и когда враг мой, змей, в свою нору ползет, ты руби его пополам. — Сказал так и уполз прочь.

Спрятался юноша в траве. Лежит, не шелохнется. Немного спустя слышал он свист и шорох. Ползет змей в нору. Только голову в нору всунул, юноша и рубанул. Рубанул и убил.

Вышла из норы пленная змеева жена. И муж ее тут как тут. Радуются они.

— В гости просим,— приглашают.

Привели змеи юношу к себе в дом. Перин там, тюфяков, покрывал, ковров, серебра и золота — полным-полно. Угощали его разными лакомствами, подносили яства. Попировали и спрашивают:

— Что тебе подарить? Выбирай любое. Хочешь — серебра, хочешь золота возьми.

— Ничего мне не надо,— отвечает юноша.— Постель у меня дома своя есть. Золото, серебро? А куда я его дену? Самому мне не нужно, дарить некому. Живу я один, родители у меня умерли, сестер и братьев нет. Проводите лучше меня домой.

Проводили юношу змеи, указали дорогу, еще раз поблагодарили, попрощались с ним.

Неподалеку от дома увидел юноша двух лошадей. И вдруг понял их разговор. Одна лошадь, оседланная, говорит другой, неоседланной:

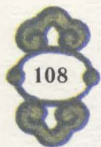
— Растерло мне спину седло до крови. Если сядет кто на меня, не вытерплю. Тогда тебя поймут, ты под седлом ходить будешь.

Отвечает неоседланная.

— А я притворюсь мертвой, меня и не оседлают. А ты, пока меня будут осматривать, беги вперед. Я как дохлая буду лежать.

Подошел юноша ближе. Увидя его, оседланная лошадь скрылась, а неоседланная повалилась и лежит, как мертвая.

Улыбнулся юноша лошадиной хитрости, подошел, посмотрел на «мертвую», не тронул ее прошел мимо.

Стал жить юноша у себя дома один, как и раньше. Но скоро табун себе небольшой завел и женился на дочери соседа. Так и жил. Только жена его жадна была непомерно, расчетлива и завистлива.

Однажды видит юноша — на корыте с молоком слева сидит мышь. К молоку тянется, поестъ хочет. Увидела это другая мышка, жена, и говорит:

— Муж! Муж! Берегись. Упадешь в молоко, утонешь.

Не послушался муж, пьет молоко. Пил-пил, да и в корыто бултых!

Плачет мышка. Мечется, причитает. А юноша понял мышиный разговор, посмеялся, вытащил мышь из молока и выпустил на свободу. Благодарят мыши юношу, добра ему желают.

— Всю твою жизнь пусть исполняется все, что бы ты не задумал. Пусть счастье и благополучие всегда будут с тобой.

Глядит на мышей и смеется юноша от души. Не поймет его жена, отчего мужу весело. Все допытывается, покоя ему не дает. Совсем извела его. А как юноше сказать, что он понимает язык всех зверей и птиц? Никак того не скажешь! Не поймут тебя люди, засмеют, да того гляди и убьют за это.

А жена все пристаёт:

— Скажи да скажи. Вижу, тайна у тебя есть какая-то. От этой тайны, может быть, мы можем разбогатеть? Ты скажи мне! Может, твоя жена будет в шелку и бархате расхаживать?

Что ему делать? Решил он жену задобрить.

— Поеду,— говорит он,— в табун, выберу коней послабей да поставей, зарежу, мясо будет, а шкуры продам—тебе на платье куплю.

Оседлал коня; подъехал к табуну, выбирает коней. Слышит— годовалый жеребенок говорит на ухо старой кобыле:

— Вот хозяин пришел, убить нас хочет. Безрассудный он человек. Лучше б жену свою несносную проучил, чтоб она к нему не лезла с расспросами.

Пришел юноша и обругал крепко жену.

— Не пытайся,— говорит,— не спрашивай, не надоедай, не мучь.

Так и жил с тех пор спокойно, наслаждался жизнью. И с людьми и с животными был в ладу. От животных, кроме добра, ничего не видел. Хороших людей животные любят.

ЛОТОС

а, идут годы, текут седые века, и никто никогда не удержит их могучего бега. Будто недавно мои сморщенные руки были сильными и молодыми. Была молодой и та, лежащая в храме Тюменя.

Молодой и прекрасной, как ранняя весна, была Эрле, дочь Сангаджи. И у многих сердца бились, видя ее, и не забывались ее глаза, темные, как ночь.

Эрле была красива, как первый проблеск весенней зари. В высокой траве у задумчивых ильменей проводила она знойные дни, веселая, здоровая, гибкая. Подражала крику птиц, перепрыгивала с кочки на кочку, жила жизнью степных болот и знала самые сокровенные их тайны.

Эрле росла. А Сангаджи кочевал то близ широкой Волги, то по тихой Ахтубе. Летело время, множились табуны. Немало приезжало и купцов из Персии и из Индии, много добра накопил у них богатый Сангаджи для своей дочери.

Часто длинные караваны сытых верблюдов отдыхали у его кибитки и руки рабов то и дело передавали в руки Сангаджи переливающиеся на солнце, дорогие цветные шелка.

Знатные сваты в богатых, ярких одеждах слезали с коней за пятнадцать шагов, бросались на землю и ползли к Сангаджи.

Лунная летняя ночь дышала испарениями влажной, покрытой тысячью цветов земли, в тишине вздыхали верблюды, кашляли овцы, пели комары, трещали сверчки, стонали луны, спросонья вскрикивала какая-то птица. Жила и радовалась волшебница-степь, навевала красавице Эрле дивные девичьи сны. Улыбаясь, раскинув смуглые руки, лежала она на дорогих бухарских коврах. А ее мать, старая Булгун, сидела у ее изголовья, с глазами, полными слез, в глубоком горе.

«И зачем это так раскричался ночной кулик, — думала она, — зачем так печально шумят над ериком ветлы, и о чем вполголоса говорит Сангаджи в соседней кибитке с богатым сватом... Милая моя Эрле. Когда я носила тебя под своим сердцем, я была счастливей, чем сейчас, ведь никто не мог тебя отнять у меня».

А в то время Сангаджи говорил знатному свату:

— Ничего мне не надо за мою Эрле потому, что она дороже всего на свете. Разрешите мне поговорить с женихом, я хочу узнать, сколь он разумен, и пусть Эрле сама скажет ему свои условия.

Обрадовался сват, вскочил в седло, поскакал к нойону Тюменю и рассказал о том, что, видно, положат скоро Эрле поперек седла и привезут к молодому Бембе.

Старая Булгун плакала у изголовья дочери. Поджав ноги, сидел Сангаджи и печально глядел на Эрле.

— И зачем она так быстро выросла, — шептал Сангаджи, — и почему какой-то сын нойона Тюменя должен отнять у нас Эрле, веселую, как весенний ручеек, как первый луч солнца.

Шли дни, бродили табуны по сочной траве Ахтубинской долины. Накапливался жир в верблюжьих горбах и в овечьих курдюках. Печальны были мать и отец, только Эрле по-прежнему веселилась в цветущей степи. Вечерами дочь обвивала руками седую голову матери и шептала ласково о том, что не скоро уйдет от нее, что еще рано ей покидать стариков и что не страшит ее гнев свирепого нойона Тюменя.

У слияния двух рек догнали сваты нойона Тюменя и сына его Бембе.

Бембе не решился беспокоить Эрле, приказал раскинуть палатки на другом берегу сухого ерика и заночевать.

Не спал Бембе, не спал и Сангаджи. Красны были от слез глаза Булгун.

Богатые цветные наряды сватов играли радугой на утреннем солнце. Впереди всех ехал Бембе, сын беспощадного, свирепого нойона Тюменя, чье имя приводило в трепет всю степь.

— Пусть сама Эрле скажет тебе условия, — промолвил Сангаджи, когда Бембе заявил о том, что Эрле нужна ему, как сурепка верблюду, как ильмень утке, как земле солнцу.

Громче заговорила степь и запели в реке волны, выше подняли голову камыши и приветливо смотрели верблюды, когда вышла к гостям красавица Эрле.

От великих гор до долины реки Или и глубокого озера Балхаш ездил Бембе, видел он тысячи прекрасных женщин, но такой, как Эрле, нигде не видал.

— Все, что хочешь, проси,— сказал он ей,— только согласишься.

Улыбнулась Эрле и сказала:

— Бембе, сын знатного нойона, я рада видеть тебя и вечно останусь с тобой, если ты найдешь мне цветок, прекраснее которого нет не только в нашей степи, но и во всем мире. Я буду его ждать до следующей весны. Ты найдешь меня на этом же месте, и, если принесешь цветок, я стану твоей женой. Прощай.

Собрал нойон Тюмень нойонов и родовых старейшин и сказал им:

— Объявите всему народу, чтобы тот, кто знает о таком цветке, пришел без страха и сказал об этом за большую награду.

Быстрее ветра облетел степь приказ Тюменя.

Однажды ночью к кибитке нойона подъехал запыленный всадник. А когда впустили его в кибитку, он сказал нойону:

— Я знаю, где растет желанный твоей красавице Эрле цветок.

И он рассказал о своей чудесной стране, которая называется Индией и раскинулась далеко за высокими горами. Там есть цветок, люди зовут его священным лотосом и поклоняются ему, как богу. Если нойон даст несколько человек, он привезет лотос, и прекрасная Эрле станет женой Бембе.

На другой день шесть всадников пустились в путь.

Скучно рассказывать о том, как жил Сангаджи холодной зимой. Северо-восточные ветры загнали скот в крепь, а сам он целыми днями лежал и слушал, как за землянкой пели невеселые песни степные бури. Даже веселая Эрле тосковала о солнце и ждала весны. Она мало думала о том, что когда-нибудь возвратится страшный Бембе. А тем временем шесть всадников держали путь на восток и уже достигли долины реки Или. Они спали и ели в седле. Бембе торопил их, и задерживались они только для того, чтобы добыть охотой еду.

Много лишений пришлось перенести им, пока они не достигли таинственной Индии. Дикие степи, высоченные горы и бурные реки встречались им на пути, но всадники упорно ехали вперед.

Наконец они прибыли в Индию и увидели чудный цветок — лотос. Но никто не решался его сорвать, все боялись навлечь на себя гнев богов. Тогда на помощь им пришел старый жрец. Он сорвал лотос и отдал Бембе, сказав:

— Помни, человек, ты получил прекрасный цветок, но потеряешь нечто еще более прекрасное.

Не слушал его Бембе, схватил лотос и велел немедленно седлать коней, чтобы пуститься в обратный путь.

Все реже и реже дул свирепый ветер, а солнце все дольше остава-

лось в небе. Близилась весна, а ее так ждала бледная, исхудавшая Эрле.

Напрасно ходили в землянку ее отца знахари, напрасно поили ее разными травами, с каждым днем таяла Эрле, как снег под солнцем. Не могла больше плакать Булгун. Безумными глазами она смотрела на свою дочь, уходящую от нее навсегда.

А когда запели птицы и зацвела степь, Эрле не могла уже встать. Худой рукой она гладила обезумевшую от горя мать, а глаза ее по-прежнему смеялись тихо и ласково.

Если бы птицы могли говорить, они сказали бы Бембе, чтоб горюпил он своих коней, потому что скоро, скоро перестанет биться сердце Эрле. Но и без того торопился Бембе. Оставалось уже немного пути. Усталые кони, с налитыми кровью глазами, спотыкались и чуть не падали от изнеможения.

Знатные сваты неслись навстречу Бембе.

— Торопись, Бембе,— кричали они.— Твоя прекрасная Эрле умирает.

И когда уже показалась кибитка Сангаджи, все увидели, как из нее, пятясь, выходят мать и отец. Всадники поняли, что Эрле умерла. Печально опустил поводья Бембе. Он не увидел живой прекрасной Эрле, не увидела и Эрле цветка, прекрасного, как она сама.

Схоронили ее на берегу Волги, а в память Эрле выстроил Бембе храм.

Темной ночью Бембе ушел в камышовые заросли устья и посадил там чудный лотос.

И до сей поры растет там прекрасный этот цветок.

ВОЛШЕБНЫЙ КАМЕНЬ

В далекие времена у одного земледельца был сын. Он продал свое поле, купил три сажени полотна и поехал по чужим краям торговать.

Повстречалась ему дорогой толпа ребятишек, которые привязали на шнурок мышь и бросали ее в воду, а потом вытаскивали. Стал он упрашивать детей, чтобы они пожалели мышь и отпустили ее. А дети дерзят в ответ:

— А тебе что за дело? Все равно не отпустим!

Тогда он отдал им одну сажень полотна, и они выпустили мышь.

Только отошел, встречает другую толпу ребятишек, эти поймали молодую обезьянку и колотят ее немилосердно, а сами приговаривают:

— Прыгай! Прыгай хорошенько!

Но обезьянка была уже не в силах больше двигаться и только гримасничала.

Он погладил обезьянку и хотел было ее отпустить, а дети не соглашались. Отдал он им вторую сажень полотна, и они отпустили обезьянку.

Дальше попадаетея ему на пути толпа ребятишек с маленьким медвежонком. Погоняют они его и бьют, ездят на нем верхом. Тут пришлось ему расстаться с последней саженью полотна, чтобы уговорить ребятишек отпустить медвежонка в лес.

Нечем стало ему торговать и нечего есть, вот он и думает: «Чем мне теперь заняться?»

Думал, думал, а сам все идет по дороге и вдруг видит на камышовой луговине кусок шелка, шитого золотом, — видно, очень дорогой. «Вот тебе небо послало вместо полотна за твое доброе сердце», — говорит он сам себе. Но вскоре все пошло по-иному.

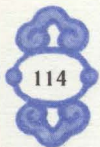
Подошли к нему люди, увидели шелк и спрашивают:

— Откуда такой дорогой шелк? Эту ткань с другими вещами украли из сокровищницы хана. Ну, наконец-то мы разыскали вора! Куда ты девал все остальное?

Они привели его к хану, а хан ему и говорит:

— Я велю посадить тебя в большой ящик, запереть деревянным запором, положить два хлеба и забросить тебя в воду.

Так и сделали. Но ящик приплыл к берегу и остановился. Воздух

в ящике спертый, бедный юноша задыхается. Вдруг кто-то стал скрестись и кричит ему:

— Упрись-ка теперь немного з крышку.

Уперся он в крышку, та приоткрылась, он вдохнул свежего воздуха, а в щель увидел мышь, которую он освободил.

Мышь ему и говорит:

— Погоди, я пойду позову товарищей, а то мне не под силу.

Мышь вскоре вернулась с обезьяной и медвежонком. Обезьяна раздвинула щель так, что медведь мог просунуть свою лапу и разломать сундук. Юноша вышел на зеленую лужайку на острове посреди реки. Звери принесли ему плодов и разной пищи.

На другое утро увидел он, что на берегу что-то сверкает, и послал обезьяну посмотреть.

Обезьяна принесла ему блестящий камешек. Камешек этот был волшебный.

Захотелось юноше иметь дворец, и сейчас же вырос дворец среди большой площади, со всеми службами, пристройками, в богатом убранстве, а кругом него расцвели деревья, и из мраморных фонтанов забила с журчанием чистая, как хрусталь, вода. Поселился он в этом дворце и оставил у себя зверей.

Немного спустя пришли в эту страну купцы. Остолбенели они от удивления и спрашивают:

— Откуда же взялся этот дворец? Прежде здесь было пустое место!

Они спросили об этом юношу, а тот показал им волшебный камень и рассказал все, что с ним случилось.

Тут один из них и говорит:

— Возьми у нас все, чем мы богаты, и отдай нам волшебный камень.

Юноша не пожалел и подарил им камень, но не взял у них ничего взамен.

— Я и так счастлив,— сказал он,— с меня довольно и того, что у меня есть.

Купцы не были так благодарны, как звери, потому что они были купцами и великодушные, как и многое другое, считали просто глупостью.

На другой день, поутру, просыпается юноша и видит, что он опять на лужайке и что все богатство его исчезло.

Сидит, пригорюнился. Подходят к нему его звери и спрашивают:

— Что с тобой приключилось?

Рассказал он им все.

Они и говорят:

— Жалко нам тебя. Скажи-ка нам, куда купец пошел с твоим камнем? Мы пойдем его разыщем.

Приходят они к купцу. Тут обезьяна и медведь говорят мыши:

— Ну-ка, мышь, пошныряй, не найдешь ли где камня.

Мышь начала рыскать по всем щелям и попала в богато убранную

комнату, где спал купец, которому достался волшебный камень. А камень-то висит, подвешен к концу стрелы, а стрела воткнута в кучку риса, и около рисовой кучки привязаны две кошки. Мышь не осмелилась подойти и рассказала обо всем своим друзьям.

А медведь-то был с ленцой, да еще и простоват, услышал он это и говорит:

— Ну, значит, ничего не поделаешь, вернемся назад.

Тогда обезьяна перебила его и говорит:

— погоди, мы придумаем еще что-нибудь. Мышь! Ступай к купцу и отгрызи ему несколько волос, а на следующую ночь посмотри, кто будет привязан к изголовью около его подушки.

Полу купец увидел, что волосы у него обгрызаны мышью, и он с вечера привязал кошек около своей подушки.

А мышь опять не смогла добраться до камня.

— Ну,— говорит медведь,— теперь уж и подавно ничего не поделаешь, пойдем вернемся назад.

Обезьяна и говорит:

— погоди, мы опять что-нибудь придумаем, ты нас не отговаривай. Мышь! Ступай и погрызи рис, чтобы стрела упала, и потом принеси камешек в зубах.

Мышь дотащила камешек до норки, а камешек-то большой и не пролезает в нее. Пришла мышь опять со своим горем к друзьям.

— Ну,— говорит медведь,— теперь все, поворачиваем домой, нам с обезьяной и подавно не пролезть через мышиную норку.

Но обезьяна разрыла нору, и мышонок пролез в нее вместе с камешком.

Отправились они назад, дошли до реки, устали, мышь села к медведю на ухо, а обезьяна залезла к нему на спину, а камешек во рту держит. Стали через реку переправляться, медведь давай хвастать, что и он тоже не без дела сидел:

— Хорошо, что я могу вас всех перенести на себе: обезьяну, мышь и волшебный камень. Значит, я всех вас сильнее.

А звери молчат в ответ. Медведь не на шутку рассердился и говорит:

— Не станете мне отвечать, так я вас брошу в воду.

— Не топи, сделай милость,— проговорила обезьяна, а камешек-то изо рта у нее бух в воду.

Перешли они реку, обезьяна и давай ворчать:

— Ты медведь, дубина!

Мышь проснулась и спрашивает:

— Что с вами?

Обезьяна рассказала все, как было и говорит:

— Нет ничего труднее, как достать камень из воды. Теперь нам больше ничего не остается, как разойтись.

А мышь говорит:

— Ну-ка я попробую вытащить камешек. Отойдите-ка подальше.

Принялась мышь бегать взад и вперед по берегу, словно беспокоит-

ся о чем-то. Вдруг из воды выходят водяные жители и говорят:

— Мышь, что с тобой?

Мышь им и отвечает:

— Разве вы не слышали, что собирается большое войско и хочет выгнать из воды всех водяных жителей!..

— Беда нам,— испугались водяные жители,— посоветуй, что нам теперь делать?

— Вам теперь,— отвечала мышь,— ничего больше не остается, как выкинуть из воды все камни и сделать из них на берегу плотину.

Не успела сказать, как посыпались со дна реки камни,— и наконец большая лягушка тащит волшебный камешек да приговаривает:

— Эта штука не легкая.

— Молодец, мышь,— сказала обезьяна, когда увидела камень. Пришли они к юноше, а тот их ждет не дожидется. Отдали они ему камешек, и захотелось ему иметь такой же, как и прежде, дворец.

С тех пор юноша никогда больше не расставался с волшебным камнем и оставил у себя жить трех своих верных друзей. Медведь только и делал, что ел да спал; обезьяна ела и плясала, а мышь тоже ела и шныряла по всем норкам и щелям, а юноша никогда не держал во дворце ни одной кошки.

СКАЗКА О РОДНОМ КРАЕ

Нет человеку дороже места, где он родился, края, где он вырос, неба, под которым он жил. Да и не только человек,— звери и птицы, все живое под солнцем тоскует по родной земле.

Давным-давно, когда калмыки жили еще в Китае, привезли китайскому императору в подарок необыкновенную птицу. Она так пела, что солнце в высшей точке неба замедляло свой ход, заслушиваясь ее песней.

Приказал император сделать для птицы золотую клетку, постелить ей пух молодого лебеда, кормить ее из императорской кухни. Первого своего министра император назначил главным по уходу за птицей. Он сказал своему первому министру:

— Пусть птица здесь чувствует себя так хорошо, как нигде и никогда не чувствовала. И пусть она услаждает наш слух, жаждущий прекрасного.

Все было сделано согласно приказу грозного повелителя.

Каждое утро император ждал пения птицы. Но она молчала. «Видимо, птице, привыкшей к вольному воздуху, душно во дворце»,— подумал император и велел вынести клетку в сад.

Сад императора был единственным в мире по красоте. Могучие деревья шелестели прозрачно-зелеными резными листьями, живительно благоухали редчайшие цветы, земля играла всеми своими красками. Но птица по-прежнему молчала. «Чего же теперь ей недостает?— думал император.— Разве ей плохо у меня? Отчего же она не поет?»

Император пригласил всех своих мудрецов, чтобы выслушать их высокоученое суждение. Одни говорили, что, может быть, птица заболела и лишилась голоса, другие — что птица не та, третьи — что, вероятно, она вообще не пела. Самый почтенный столетний мудрец предположил, что воздух, выдыхаемый людьми, угнетает птицу и поэтому она не поет. Внимательно выслушав всех, император повелел вывезти клетку в девственный лес.

Однако и в лесу птица продолжала молчать. Крылья опущены до самого пола, из глаз катятся жемчужинки слез.

Тогда император приказал привести пленного мудреца, взятого вместе с воинами соседней враждебной державы.

— Если ты нам дашь хороший совет и птица запоет, получишь свободу,— сказал ему император.

Неделю думал плененный мудрец и доложил:

— Возите птицу по стране... Может быть, запоет.

Три года кочевал император с птицей по своим владениям. Наконец достигли они одного болотца. Вокруг него рос чахлый кустарник, а дальше простирались унылые желтые пески. Смердные испарения поднимались из болот, роем летала назойливая мошкара. Повесили клетку на сухую ветвь саксаула. Поставили караульного, и все легли спать.

Когда загорелась на небе ясная утренняя заря и багрянец ее стал разливаться все шире и шире, птица вдруг встрепенулась, расправила крылья, торопливо стала чистить клювом каждое перышко.

Заметив необычайное поведение птицы, караульный разбудил императора.

А когда вековечное светило показало свой алый гребень,— птица стремительно взлетела, ударилась о золотые прутья клетки и упала на пол. Она грустно огляделась вокруг и тихо запела. Сто восемь песен печали пропела она, а когда начала песню радости, тысячи таких же птиц, как она, слетелись со всех сторон и подхватили ее песню. Показалось людям, что это не птицы поют под струны лучей восходящего солнца, а поют их души, тоскующие по прекрасному.

— Вот откуда наша птица, это ее родной край,— задумчиво промолвил император и вспомнил свой несравненный Пекин, где он не был три года.

— Откройте дверцы клетки и выпустите птицу,— повелел он.

И тогда запели все птицы тысячу песен хвалы родному краю, тысячу и одну песню хвалы свободе.

Вот что значит родная земля и свобода, петь можно лишь там, где ты обрел жизнь.

ПОЧЕМУ У СОВЫ НЕТ НОЗДРЕЙ

Ц

арем птиц был Орел, а царицей — Филин. Когда наступило время рожать, царица сказала царю:

— Соберите всех птиц и свяжите за нос, на их спинах я буду рожать.

Орел, выполняя ее волю, собрал всех птиц и связал их, просверлив им дырки в носу. При подсчете не оказалось Совы. Разгневанный ее непослушанием, царь вторично направил посланца за Совой. Подчинившись строгому приказанию царя, Сова вместе с посланцем явилась к нему:

— Почему ты так долго задержалась? — спросил рассерженный царь.

— Вы же меня не наделили крыльями, на которых я могла бы

летать в сырую погоду, вы же меня не наделили глазами, которыми я могла бы видеть ясный день. Поэтому я ночевала или дневала там, где необходимо было, и наблюдала, что происходит вокруг,— ответила Сова.

— Что ты наблюдала?— спросил царь Орел.

— Я наблюдала, кого больше на земле: умерших или живых.

— Кого же оказалось больше?— спросил Орел.

— Если спящих принимать за умерших, то умерших окажется больше,— последовал ответ.

— Еще что наблюдала?— спросил Орел.

— Я наблюдала, каких деревьев больше: лежащих или растущих.

— Каких же оказалось больше?— спросил Орел.

— Если сгнившие деревья считать за лежащие, то лежащих окажется больше,— последовал ответ.

— Еще что наблюдала?— спросил Орел.

— Я наблюдала, чего больше: дней или ночей.

— Чего же оказалось больше?— спросил Орел.

— Если пасмурные дни принимать за ночи, то ночей окажется больше,— последовал ответ.

— Еще что наблюдала?— спросил Орел.

— Я наблюдала, кого больше на земле: женщин или мужчин.

— Кого же оказалось больше?— спросил Орел.

— Если мужчину, находящегося во власти женщины, принимать за женщину, то женщин окажется больше,— последовал ответ.

Царь Орел, поняв намек Совы, тотчас же распустил всех птиц на волю.

С тех пор Филин несется на водных заносях.

Поэтому у Совы нет ноздрей.

ХРАБРЫЙ ЛЕВ

Бежал по степи заяц и захотелось ему напиться воды. Остановился он, огляделся по сторонам, видит: недалеке колодец. Заяц подбежал к колодцу, посмотрел вниз и... в ужасе поскакал от колодца куда глаза глядят... Навстречу зайцу лиса.

— Куда так быстро бежишь, приятель?— спрашивает она.

— О, вот на дне колодца я видел страшного зверя: морда кривая, уши длинные и выпрыгнуть собирается.

Лиса, поверив зайцу, испугалась и побежала вместе с ним. Бегут не оглядываясь. Навстречу им медведь.

— Эй, стойте! Что такое?— кричит медведь.

Беглецы рассказали медведю, что их испугало, тот также струсился и побежал вместе с ними подальше от колодца. По дороге встречались и присоединялись и другие звери... Тут бы и делу конец. Но повстречался лев. Звери замерли от страха и остановились.

— Что такое?— грозно рыкнул лев.

Звери наперебой начали рассказывать о чудовище, живущем в колодце.

Лев не поверил и заявил, что пойдет сам убедиться в правде.

Звери с ужасом смотрели на него и умоляли не ходить на верную гибель.

— Трусцы!— рыкнул лев и приказал им идти с ним.

Оробели звери: и назад вернуться страшно, и льва прогневить боязно. Звери пошли за ним, боязливо прижимаясь друг к другу: страх объединял их. Подошли к колодцу.

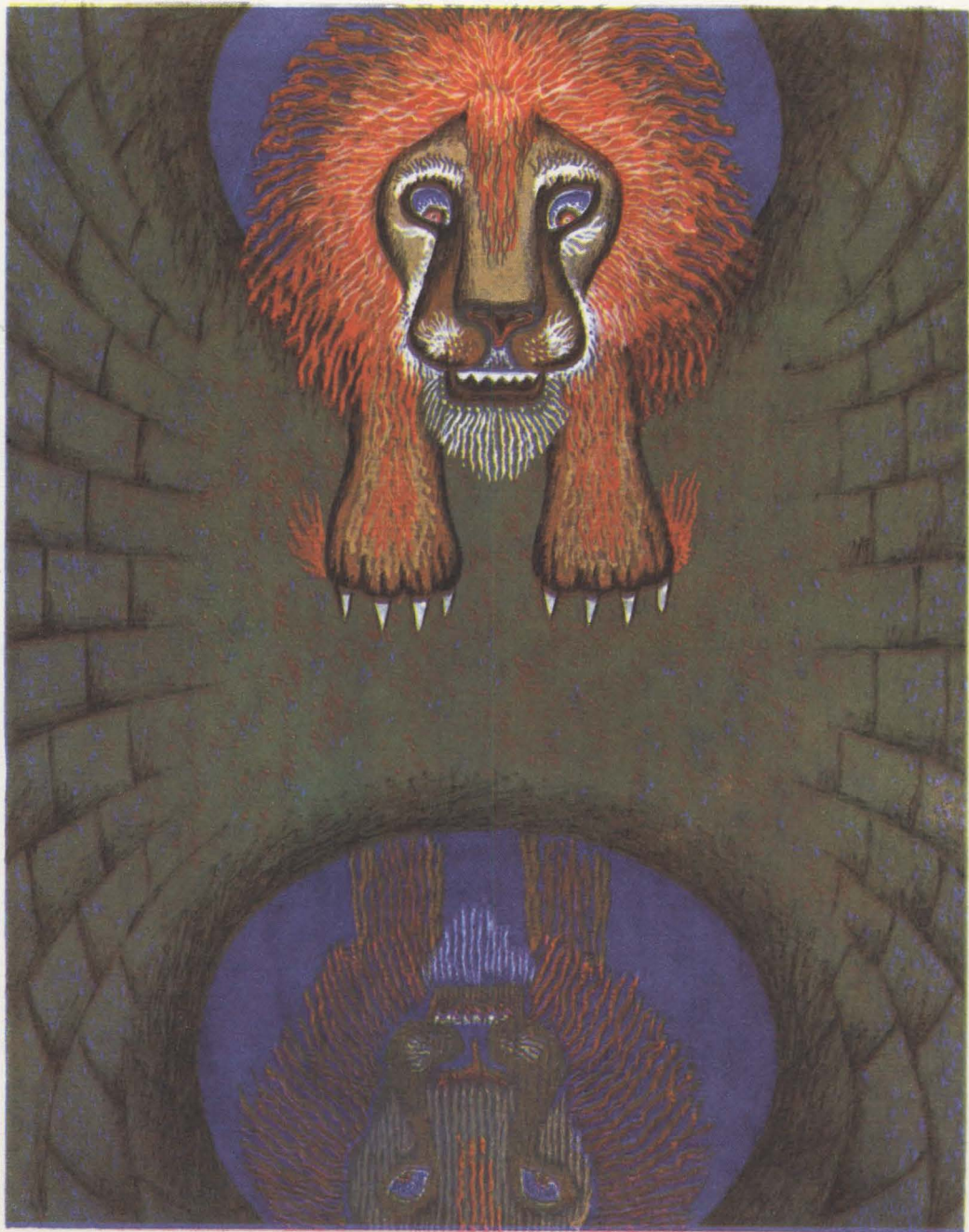
— Ну, где тут чудовище? Пусть-ка оно выходит,— сказал лев и, обратившись к зверушкам, презрительно промолвил:

— Эх вы, трусцы! Если бы было какое-либо чудовище— оно бы давно выскочило и догнало вас...

Звери приободрились, а лев подошел к краю колодца. Взглянул и гневно зарычал...

Звери попятились назад. Лев увидел, что со дна колодца смотрело на него косматое чудовище со страшной мордой, гневным взглядом и готовилось как бы скакнуть вверх.

Рыканье льва становилось гневнее и гневнее. Но и «колодезный» зверь не уступал ему.

Зверушки стояли ни живы ни мертвы...

Лев бил себя хвостом по бокам, рыл лапами землю, потрясал длинной гривой...

Но и чудовище не уступало ему и, как бы передразнивая, проделывало то же самое...

И гордый лев, приняв свое отражение в воде, как и заяц, за чудовище, не стерпел. Ринулся в колодец — и там нашел свою смерть.

ХРАБРЫЙ МАЗАН

Д

авно это было. Ни меня, рассказчика, ни вас, читатели, ни отцов наших на свете тогда не было. Жил в одном хотоне бедный калмык. Был он хилый, болезненный, пожил недолго и умер. Остались после него жена и крошка мальчик.

Умер калмык, и ушла его жена с ребенком к доброму старику — дяде мужа. Когда пришла, взял подслеповатый старик на руки новорожденного мальчугана, погладил его, пощупал, смотрел на него долго, внимательно.

— Как звать мальчика? — спрашивает.

— Мазан.

— Смотри, сноха, — говорит старик, — родился у тебя не простой мальчик. Вырастет — замечательным человеком будет. Береги его, осторожна будь.

Стал расти Мазан.

Часто вспоминала мать слова старика про ее сына. Не сбывались те слова. Рос Мазан мальчиком некрасивым, неловким. Голова у него, как котел была, большая. Живот на шар походил, а ноги, что палочки тонкие. Одно утешение: был Мазан мальчиком добрым, ласковым.

Все считали Мазана неудачником, жалели мать, что такого плохого сына единственного имеет.

По ночам не раз плакала мать Мазана: гладит спящего мальчика-неудачника, втихомолку горькие слезы льет.

Один только старик на своем стоит. Дряхлым он стал, ослеп совсем. А как приласкает Мазана, по волосам рукой высохшей погладит мальчика, так и твердит:

— Не мог я ошибиться. Не таким будет твой мальчик. Не пришло еще время его. Сына крепче жизни люби, расти его, береги.

Так и шел год за годом. Подрос Мазан, юношей стал.

Однажды пошел Мазан вместе с табунщиками лошадей у колодець поить.

Пришли к колодцам и видят — расположился около них на отдых караван. Из далеких мест караван пришел. Куда не взглянешь — верблюды, лошади, палатки, повозки.

Посмотрел Мазан — на одной повозке лук со стрелами лежит. Зablестели глаза у мальчика, подошел он к повозке, рассматривает луки, пальцем трогает, а взять не смеет.

Заметил это один из путешественников. Видит — мальчик на вид слабенький, неуклюжий, и решил он посмеяться над ним.

— Что ж, — говорит, — смотришь на луки, а взять не смеешь? Выбери себе лук, постреляй.

— Можно? — спросил Мазан.

— Конечно, можно. Позволяю тебе из любого лука стрелу пустить.

Собрались у повозки люди смотреть, как это Мазан из лука стрелять будет. А Мазан, долго не думая, самый большой лук выбрал. Не то, что юноша, взрослый человек, силач, и тот не мог такую тетиву натянуть.

Взял Мазан лук, стрелу вложил, мигом тетиву натянул, так что концы лука сошлись, пустил стрелу длинную.

Ахнули все кругом. Вышли сильнейшие люди, пробуют тот лук, да не в силах и на вершок тетиву оттянуть.

Попросил Мазан продать ему лук, из которого стрелял он. Запросил путешественник за лук этот косяк лошадей.

— Берешь? — спрашивает путешественник.

— Беру, — говорит Мазан и велит табунщикам отдать косяк лошадей.

Побежали табунщики к дяде отца Мазана, старику дряхлому, жалуются на юношу, рассказывают, как тот из лука стрелял и как за лук требуют теперь путешественники последний косяк лошадей отдать.

Улыбнулся старик, обрадовался:

— Не прекословьте, — говорит. — Отдайте моих лошадей путешественнику, пусть Мазан себе лук крепкий купит. Не ошибся я, значит. Долго я ждал, что Мазан сильнее других станет, свой народ защищать будет. Вот и дождался.

Скоро по всем хотонам о Мазане молва пошла. С утра до ночи стрелял Мазан. Стрелы его на сотни верст летели и ни одна мимо цели не пролетела. Ни один стрелок не мог с Мазаном равняться. Не страшила его никакая опасность. Умен он стал, ловок, смел. Никто не узнал бы теперь в статном и сильном молодце Мазане хилого и нескладного мальчугана.

Крепко любил Мазан народ свой. Справедливым был. Защищал бедных, честных людей в обиду никому не давал. Любил и народ Мазана. видел в нем батара нового.

Одним утром проснулся Мазан от шума сильного. Слышит — мужчи-

ны кричат, женщины и дети плачут. Вскочил Мазан, оделся быстро, из кибитки вышел. Посмотрел и видит — приближается батар Байхтан-Эретын. Где батар тот непобедимый появится, там и скот весь угонит. Сильней Байхтан-Эретына на свете никого не было.

Перед Байхтан-Эретыном и Мазан устоять не мог, силой Байхтан-Эретына никто взять не мог. Знал Мазан, что не силой, а умом и храбростью ему действовать надо, стал спокойно и ждет.

Подъехал Байхтан-Эретын, разогнал людей, мимо Мазана проехал, посмеялся над ним. Весь скот, до последней козы и лошади, угнал с собой Байхтан-Эретын.

Просили Мазана люди помочь им, плакали, умоляли его. Стоит Мазан молча, с места не двигается.

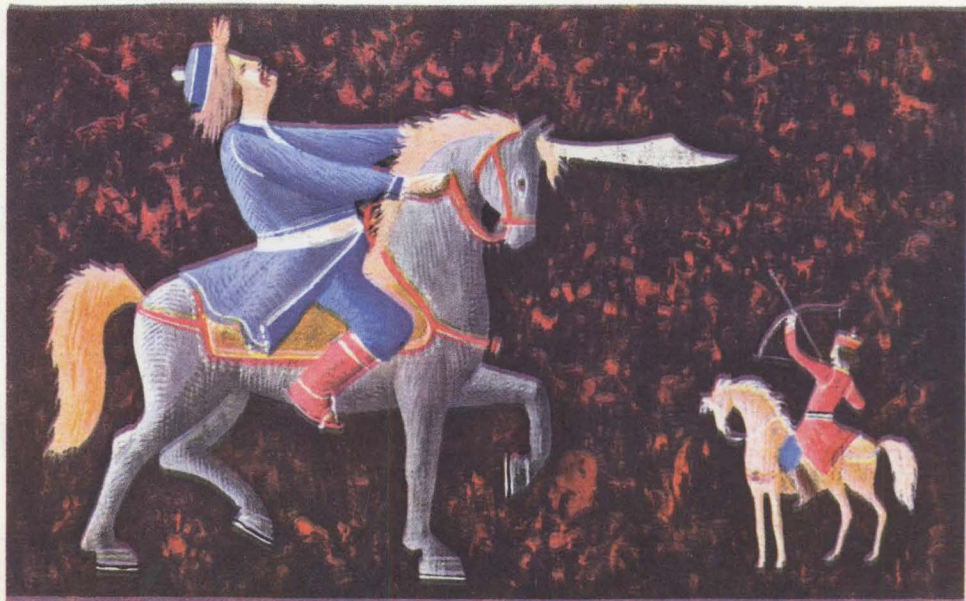
Уехал Байхтан-Эретын.

Зашел тогда Мазан в кибитку, взял лук и стрелы к нему. Среди стрел была у него любимая стрела амин-сомун (душа-стрелá). Острие стрелы этой было смазано ядом. Когда летела стрела, пела песню чудесную.

Отправился Мазан по следам Байхтан-Эретына.

Знал Мазан, что неуязвимого батара того нельзя ни мечом, ни стрелой убить. Было у Байхтан-Эретына лишь одно место уязвимое. Чтоб убить его — надо было ему горло пронзить. Только никому сделать этого не удавалось. Носил Байхтан-Эретын стальной воротник высокий да еще голову всегда вниз опускал.

Долго блуждал молодой богатырь, пока не нашел Байхтан-Эретына. Встретились богатыри.

Как увидел Байхтан-Эретын Мазана, вынул меч острый, стегнул коня черного, поскакал к Мазану. Быстрее ветра несется конь черный, блестит на солнце шлем и кольчуга Байхтан-Эретына. Вот-вот снесет он голову Мазану.

Не дрогнул Мазан, с места не тронулся. Спокойно взял стрелу любимую, лук над головой поднял, тетиву натянул, будто вверх стрелу пустить хочет. Сам же с Байхтан-Эретына глаз не спускает.

Удивился Байхтан-Эретын. Никогда еще не видел он, чтоб богатыри себя так держали. «Что за диковина,— думает,— ведь я же его убить приготовился, а он в небо стрелу пускать собирается. Ну и глуп же богатырь калмыцкий! Интересно, куда это он целиться вздумал?»

Не сдержал Байхтан-Эретын любопытства. Поднял вверх голову, а Мазан тотчас в шею ему стрелу пустил.

Быстро и метко стрелял Мазан. Не успел Байхтан-Эретын голову склонить, как стрела ударила поверху воротника, где железные пуговицы расстегнулись.

Широка и остра была стрела. Покатилась с плеч голова Байхтан-Эретына.

Силен и могуч был Байхтан-Эретын. И без головы продолжал он скакать на лошади. Когда поравнялся с Мазаном, на полном скаку рубанул мечом, чуть не рассек пополам Мазана.

Въехал Байхтан-Эретын на холм невысокий, слез с лошади, стреножил ее, седло снял, постелил бурку свою, воткнул в землю меч глубоко, не выпуская рукояти лег на бурку, ноги вытянул, недвижим стал. Когда подошел Мазан, Байхтан-Эретын уже мертв был.

Забрал Мазан скот, возвратил его народу.

Вот каков был храбрый богатырь Мазан.

Только не пришлось ему долго жить.

Было у Байхтан-Эретына двое сыновей. Когда узнали они о смерти отца, поклялись отомстить Мазану.

Однажды напали они вдвоем на Мазана, когда тот по степи ехал. Подкравшись сзади, искололи его кинжалами острыми, бросили мертвого в колодец глубокий.

Когда ехали мимо хотона, где Мазан жил, стали хвалиться, как Мазана убили.

Посмеялись над ними.

— Зря,— говорят им,— время тратили, кинжалы тупили. У богатыря Мазана ночью, когда на небе звезды появляются, все раны стягиваются и заживают сами. Поэтому и зовется он: «Мазан, сын Очира, оживающий, когда звезды появляются на небе полностью». Скоро выползет он из колодца. Сначала очень слаб будет, как верблюжонок новорожденный. Через час снова богатырской силой наполнится. Тогда не сдобрать вам в честном бою. Лучше поскорей убирайтесь подальше.

Отъехали братья, посоветались, обратно свой путь направили.

Ночь настала. На небе яркие звезды светят. Подъехали братья к

колодцу и видят — ожил Мазан, из колодца лезет, не окреп еще.

Бросились братья к Мазану, схватили его, снова убили, на части разрезали, разбросали тело его по разным местам.

Так погиб храбрый батар Мазан.

ПОЧЕМУ КОМАР ЖАЛОБНО ПОЕТ

то было очень давно. Когда только что появились на земле звери. Был в то время у змей грозный хан. Хотелось знать хану: чье мясо на свете слаще (задумал он полакомиться).

Вот однажды призвал он к себе комара. Комар предстал перед грозными очами змеиного хана. Говорит комару хан:

— Хочешь ли ты, чтобы змеи отныне питались комарами?

Испугался комар и стал просить, чтобы его отпустили. Тогда змеиный хан приказывает комару:

— Облети весь мир, попробуй кровь всех живых существ и доложи мне, чье мясо слаще. — И с тем отпустил комара.

Долго летал комар. Облетел он весь мир. Кусал всех подряд. Настало время возвращаться. Летит комар к грозному повелителю. По пути ему встречается ласточка. Поздоровались. Сели и разговорились. Расспрашивает ласточка комара, откуда и куда он летит, что хорошего видел. Хвалится комар, что облетел весь мир и попробовал кровь всех живых существ.

— Скажи-ка, чья кровь слаще? — спрашивает ласточка.

— Самая сладкая кровь на свете,— отвечает комар,— человечья. Об этом я хочу доложить змеиную хану, он тогда будет питаться человечьей и оставит нас в покое.

— У многих людей ты пил кровь?

— Да, почти у всех.

— Ну-ка, покажи язык,— говорит ласточка.

Комар высунул язык. Тогда ласточка, быстро нагнулась, вырвала у комара язык и съела.

Прилетел комар к змеиную хану. Встретил его сам грозный хан. Спрашивает он у комара, а комар—без языка, ничего не может сказать, только жалобно пищит. Удивился змеиный хан, что комар лишился языка. Как ни старался он понять комара, ничего не вышло.

Слушал, слушал хан, о чем пищит комар, и наконец решил, что комар пищит:

— Лягушки, лягушки!..

И с того времени змеи стали питаться лягушками, а у комаров вместо языка выросло жало, потому они и пищат так жалобно.

МАССАНГ

Одна женщина в Индии родила на свет вместо ребенка страшное чудовище—Массанга. Это был человек с бычьими рогами и длинным коровьим хвостом. Отец, как только его увидел, вышел из себя и говорит:

— Бодливых людей и без того много, убью я его.

А Массанг и говорит:

— Не убивай меня, ты за это получишь награду.

— Ну, живи,— говорит отец,— да только убирайся с глаз моих.

Массанг пошел прочь и очутился в чаще дремучего леса.

В лесу попался ему чернокожий. Массанг его и спрашивает:

— Кто ты таков?

— Я,— отвечает тот,— черный, я рожден лесной чащей и зовут меня Иддер. Я пойду за тобой куда хочешь.

Пошли они оба дальше и пришли к луговине, покрытой густой травой. Попался им там зеленый человек, они его и спрашивают:

— Кто ты такой?

— Я,— отвечает им тот,— зеленый, родила меня трава и зовут меня Герер. И я с вами пойду.

Втроем пришли они к камышу, и попался им там белый человек, они его и спрашивают:

— Кто ты такой?

— Я,— отвечает тот,— белый, родил меня камыш и зовут меня Аддер. И я пойду с вами.

Пошли они вчетвером дальше, подошли к горе и в ущелье увидели большую хижину, а в ней разные кушанья и напитки. Они и не спросили, чье все это, наелись, напились и остались в хижине.

Каждый день трое из них уходили на охоту, а четвертый стерег хижину и готовил еду.

В первый день остался в хижине лесовик Иддер. Готовил он мясо, вдруг какая-то старушка подставила лестницу и вошла.

— Кто там?— закричал он, посмотрел и увидел старушку не больше, как ему по колено. На спине у нее была котомка величиной с яблоко.

— Ого,— сказала старушка,— один уж тут как тут. Ты вот мясо варишь, да и молочко у тебя есть. Дай и мне немножко отведать. Я сама невелика, мне немного и надо.

Поела старуха, ушла, а молоко и мясо пропали. Стало лесовику стыдно, что кушанья пропали. Побоялся он остальных, чем бы, думает, отговориться. Вышел во двор и видит два лошадиных копыта. Поднял их, наследил ими около пещеры и бросил стрелу.

Охотники пришли домой и спрашивают:

— Где же наше мясо и молоко?

Лесовик им и отвечает:

— Приехала сюда целая сотня всадников, вломились, забрали мясо и молоко, а меня избили до полусмерти. Подите сами посмотрите. Те вышли на двор, увидели лошадиные следы и стрелу и говорят:

— Да, что правда, то правда.

На другой день остался в хижине травяник, и с ним случилось то же самое. Нашел он два коровьих копыта, наследил ими около дома и сказал остальным:

— Приехала добрая сотня людей с вьючными коровами и украли кушанье.

На третий день остался белый, и у него дело не лучше. Он наследил копытами мула и так сказал:

— Приезжала целая сотня людей с вьючными мулами и забрали наше кушанье.

На четвертый день остался дома Массанг готовить.

Пришла старуха и говорит:

— Ого! Один посиживаешь! Дай-ка мне отведать мясца и молочка.

А Массанг и думает: «Верно, это старуха и приходила. Если я сделаю по ее, кто знает, что из этого выйдет?» Вот он и говорит ей:

— Бабушка! Прежде чем мясо пробовать, принеси-ка ты мне воды.

Он подал ей бадью с худым дном. Старуха ее взяла. Глядит он на нее, а она растет и растет у него на глазах, пока не доросла до самого неба.

Долго черпала она воду, а все пусто. А пока она черпала, Массанг обыскал старухину котомку.

Вынул он оттуда жильную веревку, железный котелок и клещи и положил взамен гнилую, мочальную веревку, а молоток и клещи деревянные.

Вернулась старуха назад, да и говорит:

— Никак я не могу почерпнуть воды твоей бадьей. А раз не хочешь ты меня покормить, так попробуем, кто из нас сильнее.

Старуха связала Массанга гнилой веревкой — он и разорвал ее без труда. А Массанг связал старуху жильной веревкой — она ее разорвать не смогла.

— В этом ты сильнее, — говорит она. — Ну, теперь давай щипаться клещами.

Щипала она его щипала, да только без толку. А он как ущипнул, так и выщипнул у нее из груди большой кусок мяса, она и взвыла от боли:

— Ну, молодец, у тебя тяжелая рука.

Как ударила старуха Массанга молотком, так молоток и слетел с рукоятки, а Массанг остался цел и невредим. Потом Массанг взял свой молоток, сначала раскалил на огне докрасна и ну им молотить по старухе, всю ее обжег до крови. Она громко завывала и улетела прочь.

Возвратились трое товарищей, да и говорят:

— Ну, Массанг, тебе, должно быть, досталось на орехи.

А он им отвечает:

— Вы-то были трусы и лгуны, а я расчелся как следует со старухой. Пойдем-ка по ее следам.

Пошли они по кровавому следу, и привел он их в страшное каменное ущелье, в мрачную пропасть. На дне между грудями золота и меди, между панцирями и мечами лежала старуха вся в крови.

— Посмотрите, — сказал Массанг, — вот оно царство тьмы. Но кто сможет опуститься туда и достать драгоценности?

Все как один отказались и говорят:

— Мы не пойдем, старуха, должно быть, колдунья.

Тогда Массанг сам спустился в пропасть и стал подавать вещи своим спутникам. Ослепили их такие сокровища, они и говорят друг другу:

— Если мы Массанга вытащим наверх, он возьмет все богатство себе; пойдем-ка лучше отсюда вместе с добычей, а Массанг пускай помрет там.

— Вероломные изменники, — закричал Массанг, — мне придется умирать здесь!

Он поискал вокруг какой-нибудь еды, но не нашел ничего, кроме лыка. Посадил его Массанг в сырую землю и говорит:

— Если я настоящий массанг, то из этого лыка должны вырасти три высоких дерева.

С этими словами Массанг лег около труп старухи и от прикосновения к нечистому проспал много лет.

Когда он проснулся, выросли три высоких дерева до самого края пропасти, и он вылез по ним.

Тотчас же отправился он в хижину, где жил прежде, но хижина была пуста.

Взял он свой железный лук и свои стрелы и решил разыскать своих бывших спутников. А они построили себе дома и переженились.

— Где же ваши мужья? — спросил Массанг у их жен.

— Наши мужья на охоте, — отвечали жены.

И пошел Массанг опять их разыскивать.

А они как раз возвращаются, увидели его, задрожали, как листья, и говорят:

— Да, плохо мы сделали, Массанг нас теперь убьет!

Подожли они к нему, поклонились в землю и говорят:

— Ты добр, а мы злы. Не убивай нас! Возьми наши дома, жен и детей и все наше богатство, только не убивай нас.

А Массанг и отвечает:

— По правде говоря, дело вы сделали злое, но так и быть, владейте вашим богатством и живите по-прежнему, а я пойду отблагодарить своего отца.

Сказал и пошел дальше. Товарищи грустно посмотрели ему вслед и говорят:

— Какой он добрый и какая душа скрыта в его безобразном теле. Хорошо, если бы и мы были такие, как он.

Пришел Массанг в чужую страну. Попался ему на дороге колодец, и вдруг из колодца явилась чудесная девушка. И куда она ни ступит, под ее ногами с каждым шагом раскрываются прекрасные цветы.

Массанг пошел за девушкой, против воли влекло его что-то вслед за ней.

Пришел он вместе с девушкой к Хурмусту — покровителю земли. Хурмуст и говорит ему:

— Давно я поджидаю тебя, хорошо, что пришел. Каждый день мы сражаемся с войском Хумнуса, который хочет завладеть нашей землей. Завтра ты увидишь нашу битву, а послезавтра станешь нашим товарищем. Белое войско — это Хурмуста, а черное — Хумнуса.

На третий день, когда черное войско Хумнуса начало побеждать белое, натянул Массанг свой лук, прицелился в самый глаз Хумнуса и так ранил его, что тот с воем умчался, а вместе с ним и все его воины.

Хурмуст тогда сказал Массангу:

— Ты сделал доброе дело, теперь ступай и попробуй сделать еще одно. По узкой тропинке дойдешь ты до пещеры Хумнуса. Войди в нее без страха и скажи: «Я лекарь, лечу людей». Тогда приведут тебя к хану Хумнусу, чтобы ты вытащил ему стрелу из глаза, ты возмись за стрелу, брось на небо семь хлебных зерен и еще глубже воткни стрелу в глаз.

Проблуждал Массанг недолго и наконец дошел до пещеры, постучался в дверь. Выходит оттуда старуха Хусона, а изо рта у нее пламя полыхает, и спрашивает:

— Ты что делать умеешь?

— Я лекарь, лечу людей, — отвечает Массанг.

Ввела его старуха в дом. Осмотрел он ханскую рану и пошатал стрелу.

— Мне уже стало легче, — говорит хан.

Тогда воткнул Массанг стрелу по самую середину в рану и бросил на небо зерна. Тут зазвенели цепи. Массанг стал их ловить. А тут ударило его в грудь железным молотком Хусона. От удара появилось семь звезд, а Массанг поднялся на цепях в воздух.

— О! — сказал Массанг. — Теперь я умираю и не могу отблагодарить моего отца.

— Ты умертвил Хумнус-хана и ты благодарный сын, тебе следует награда и отцу твоему. Возьми девушку и ступай с ней к отцу. Живи с ней, пока пройдет целое столетие.

В это время подошла к Массангу девушка, взяла его за руку и говорит:

— Я провожу тебя.

Пришли они к его отцу, девушка и говорит:

— Замечай, что я буду делать.

Потрясла она правой рукой — и посыпались золото и медь; потрясла левой рукой — и появились кушанья и напитки. Потом обошла

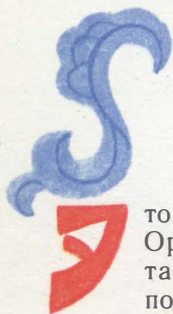

она широким кругом хижину отца — и выросла веселая роща плодовых деревьев, расстелились луга, зацвели цветы и забили источники. А потом она и говорит Массангу:

— Я хочу быть твоей женой.— И лишь дотронулась до рогов и до коровьего хвоста — они сразу отпали.

— Посмотри,— сказала она,— теперь ты порадуешь своего отца. Так прожили они втроем целое столетие и жили мирно и счастливо.

МАНЖИК-ЗАРЛИК И ЕГО РАБОТНИК

то было в старину стародавнюю. Жил тогда богач Монгон Оргоджик. Для его скота не хватало ни травы, ни воды: табунов числом не счесть, кованые сундуки добра полным-полнехоньки. И люди думали, что пожелай Монгон Оргоджик птичье молоко, и оно в его пиалах будет.

Долго жил он со старухой. Девятьсот девяносто девять лунных месяцев Монгон Оргоджик видит, как солнце красное за край степи заходит. Но ни богатства, ни долголетие им не утеха в жизни.

— Для кого мы копим добро? К чему оно, если у нас нет сына?— в который уже раз он спрашивал жену.

— Не болтай пустое. Утешься тем, что имеешь. Люди были бы рады-радешеньки тому, что у нас есть.

— Ну, а кому я передам нагайку отцов, кто закроет нам глаза, когда Эрлик-хан* придет в кибитку. Нет, пусть будет, что будет, но у нас должен быть сын.

— Монгон, на старости ты совсем с ума спятил. Стыдись людей.

— Йах! Говорить с тобой — ловить воздух руками,— сказал он, взял посох, сумку переметную и побрел в степь, куда глаза глядят.

То перекасти-поле семь дней и семь ночей обгоняло его, то он обгонял семь дней и семь ночей перекасти-поле. Стали тени от кибиток на восток уходить, Монгон Оргоджик завернул к хотону заночевать.

— Аав**, откуда и куда путь держите,— спросил хозяин кибитки, подавая вошедшему дымящуюся пиалу с зеленовато-золотистым чаем.

— Иду из владений хана Алтан Оргоджика. Ищу пропажу, да вот заблудился.

— Скажите, в ваших землях живет богач Монгон Оргоджик?

— Откуда мне, человеку черной кости, знать? Разве заглянет путник

* Эрлик-хан — костлявая рука смерти, верховный судья умерших.

** Аав — уважительное обращение к старикам.

в кибитку к тому, кто копытом теленка воду пьет, к кому от восхода и до захода целый день солнце в кибитку заглядывает?

— Что правда, то правда. Я спрашиваю о богаче потому, что о его горе и богатстве давным-давно молва по степи скачет. Все говорят, что он прожил девяносто девяносто месяцев и до сих пор не слышал голоса плачущего сына. Правда это или нет, не знаю...

— Если у Монгон Оргоджика нет наследника, должно быть, такова уж воля бурханов. Трудно найти камень в омуте, трудно найти и стрелу, если пустить ее в темноту ночи, еще труднее иметь сына, когда ты будто высохший ковыль.

— Это-то так. Но я мог бы богачу совет подать, если бы он захотел иметь сына.

— У богача Монгон Оргоджика есть два глаза и два уха, он видит и слышит, как и мы с тобою. С умным советом и добрым словом, как говорится, не грех и с левой стороны войти в кибитку... Ну, говори, быть может, я пойду в те места.

— Передайте Монгон Оргоджику, что сын у него будет, когда он большую часть своего богатства поделит между хара-улус (черными людьми).

— Твои слова я передам, но богач Монгон Оргоджик захочет узнать и твое имя.

— Живу я у хана Домби-Тиби, а звать меня Манжик. Так и скажите. Да вряд ли богач захочет знать имя простолюдина. К чему оно ему?

Выпили они еще по пиале зеленовато-золотистого чаю и спать легли. Хозяин сразу уснул, а Монгон Оргоджик — хоть глаз коли, не идет к нему сон да и только.

Заря занялась. Взял Монгон Оргоджик посох, сумку переметную и заспешил домой. За девять лунных месяцев роздал большую часть своего богатства. Девять лунных месяцев возле кибитки богача собиралось столько народу, что его и за семь дней не обойти. Каждый получил свою долю, никто в обиде не остался. Роздал — вошел в кибитку и услышал голос плачущего ребенка.

На рассвете богач перекинул через плечо аркан, взял кнут и вышел на дорогу. Стал и стоит, по сторонам поглядывает. Видит: бакша едет с манжиками в хурул.

— Эи, бакша! Останови коня, добрую весть узнаешь.

— Манжики! — сказал бакша. — Это богач Монгон Оргоджик. Старик с ума спятил. Роздал свое добро, чтобы иметь сына. Теперь стоит как байгуш. Любопытно, что он нам скажет.

Монгон Оргоджик одарил каждого, самый богатый подарок бакше дал.

— Помогите, добрые люди, — сказал он. — Кричит новый хозяин кибитки всю ночь, спать не дает, а каким словом его успокоить — никто не знает.

— Правда? — удивился бакша. — Расскажи, как у тебя появился

наследник! Ведь тебе и твоей жене не так уж мало лет?

— Эта история короче седин. Не раз я слышал, что стая грачей и коршуна заклует. Дай, думаю, пойду, людей попытаю, что они мне скажут. Пришел в нутук ха́на Домби-Тиби и заночевал в кибитке хозяина, которого звали Манжик. Сидим, чай пьем, беседу ведем. Он-то и сказал мне: богач Монгон Оргоджик отдаст большую часть богатства простолюдинам — кибитка его услышит голос новорожденного. Кто замуж дочь выдает, тогда же подумал я, тот и сережек для нее не жалеет. Сделал так, как Манжик мне советовал. В сундуке старухи нож жизни сына лежит, а я вот на дорогу вышел, чтобы слово узнать, которое крикуна успокоит.

Бакша выслушал рассказ богача, «Книгу жизни» полистал, в раковину подул, в колокольчик позвонил и говорит:

— Да будет имя твоему сыну Манжик-Зарлик.

Бакша и манжики спрятали дары богача в свои сумки переметные и поехали по дороге в хурул.

Шли годы. Месяц солнце догоняет — догнать не может. Одни келмерчи на вопрос: что прекраснее земли, отвечали: — «солнце», другие — «луна». Пока они спорили, еще сто девяносто два месяца пролетело. Манжик-Зарлик и говорит отцу:

— Дай мне денег. Пойду на ханский базар, что-нибудь куплю.

— Зачем тебе ходить туда? У нас разве только птичьего молока не хватает.

— Не отказывай сыну, — вмешалась в разговор жена, — дай ему денег.

Отправился Монгон Оргоджик с сыном в кладовую.

— На, держи мешок, — сказал отец и начал совком черпать золото и серебро. Манжик-Зарлик взвалил мешок на спину и пошел на ханский базар. Не доходя до базара, он увидел, что один человек, подвесив мертвеца на дерево, бил его плетью. Манжик-Зарлик подошел к этому человеку и спрашивает:

— За что мертвого человека бьешь?

— За то бью, что он умер, а долг мне не вернул. Как я еще могу наказать должника?

— А что тебе за выгода мертвеца бить?

— Если тебе жаль мертвеца, отдай его долг: три десятка тысяч денег.

— На, бери, — сказал Манжик-Зарлик и отсыпал из мешка несколько пригоршней золота и серебра.

Снял сын Монгона Оргоджика с себя бешмет, завернул в него мертвеца и закопал его под деревом.

На ханском базаре Манжик-Зарлик накупил семьдесят возов разного товара.

— Теперь надо подыскать работника, — сказал он и начал ходить по базару. Встретился ему парень.

— В работники пойдешь?— спросил Манжик-Зарлик.

— Пойду. А сколько платить будешь?

— В десять раз больше, чем другие платят.

— Тогда согласен.

Пришли они к месту, где стоял караван. Манжик-Зарлик и парень сели кушать. Пока хозяин обгрызал баранье ребро, работник съел полбарана. Тогда Манжик-Зарлик выложил работнику в подол рубахи остатки мяса и сказал:

— Ты мне не нужен. Иди своей дорогой.

Работник ушел. Манжик-Зарлик стал искать нового. Повстречался ему Хара-Кевюн в лохмотьях.

— Иди ко мне в работники.

— Была бы работа, будет и забота,— сказал Хара-Кевюн и нанялся к нему. Пришли к месту, где остановился караван сына богача. Хара-Кевюн приготовил мясо и подал хозяину.

— Садись и ты есть. Остановка каравана в трех днях пути.

— Кушайте,— ответил работник.— Перво-наперво надо дело сделать, а поесть всегда успеется.

Манжик-Зарлик взял лучшие куски мяса и отложил для Хара-Кевюна.

Стал месяц перед солнцем в звездный халат рядиться— караван в путь тронулся. Подъехали к дому, Монгон Оргоджик вышел на дорогу караван встретить.

— Ну, сынок, поезжай, торгуй да поскорей возвращайся. Вот тебе на всякий случай черный меч и черная собака,— напутствовал он,— да запомни: переночуете три ночи, на пути вам встретится черный курган— возле него не останавливайтесь; проедете черный курган, переночуете три ночи, увидите белые пески— ночуйте тогда, когда проедете их. Еще через три ночевки попадете в черную пустыню, и там ночь добром для путника не кончается. Как проедете эти три места, до нутука старого Бурул-хана рукой подать.

Попрощался Манжик-Зарлик с отцом и матерью— караван в путь тронулся... Потянулась дорога в полуденный край. Переночевали три раза.

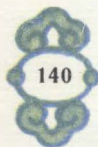
— Хозяин,— позвал Хара-Кевюн.— Вон-вон тот курган, о котором говорил ваш отец. Заночуем здесь, что ли?

— Езжай дальше. Проедем черный курган, тогда и заночуем,— ответил Манжик-Зарлик.

Поехали дальше. Подъехали к черному кургану, стало темно, лошади— ни с места.

— Что ж, распрягай лошадей. Теперь уж, что будет,— сказал Манжик-Зарлик.

Работник распряг лошадей и пустил их пастись. Поужинали. Манжик-Зарлик лег и сразу уснул. Хара-Кевюн караулил лошадей да на везы поглядывал. А как месяц из-за тучки выглянул— горбун старик из темноты выскочил, к костру подошел.

— Эх, вы! В степи остановились, а рядом кибитка. Пойдемте ко мне ночевать.

— А где же она?— спросил Хара-Кевюн.

— Вон, огонек виднеется.

— Вижу. Вот разбуджу хозяина и пойдем на ночевку.

— Приходите да не задерживайтесь,— сказал горбун старик и пошел к черному кургану.

Хара-Кевюн снял сапоги, подоткнул за пояс концы обеих пол бешмета, взял у Манжика-Зарлика черный меч и отправился на огонек. Подошел к кургану, а там и черную кибитку заметил. Видит внутри кибитки вокруг тагана семь черных стариков сидят, и каждый трубкой дымит, кинжал точит.

— Где же путники?— спросил черный старик с горбатым носом.

— Работник сказал, как разбудит хозяина — придут.

— Выйди, посмотри, идут или нет?

Горбун старик показался на пороге — Хара-Кевюн отсек ему голову. Ждали шесть черных стариков, ждали горбуна с путниками, точили кинжалы, точили, да так и не дождались.

Зорька занялась — горбоносый старик кинжалом взмахнул, разрубил огонь пополам и надвое — черных стариков как ветром сдуло. Хара-Кевюн зарыл труп горбуна старика, сжег кибитку и пошел к тому месту, где караван стоял. Вытер он меч чисто-начисто и положил около хозяина.

Наступило утро. Работник приготовил пищу. Разбудил Манжика-Зарлика, покушали и в путь отправились.

Ехали, ехали... Сделали три ночевки.

— Вот и белые пески, о которых говорил ваш батюшка. Время позднее. Давайте здесь заночуем,— предложил Хара-Кевюн.

— На черных курганах ночевали — ничего не случилось. Поехали дальше, авось и на этот раз слова батюшки не сбудутся.

Работник ничего не сказал: скажешь — будут расспросы, промолчишь — на этом и конец. Поехали по белому песку, колеса увязли, лошади — ни с места.

— Придется здесь ночь коротать,— сказал работник.

— Что ж, распрягай коней, пусти пастись,— согласился Манжик-Зарлик.

Пужинали. Хозяин каравана лег и уснул. Хара-Кевюн не спит, на везы и на лошадей поглядывает. Черный пес в степь побежал — одноглазая старуха из темноты на огонек вышла.

— Эх вы, сами себе смерть ищете,— сказала одноглазая старуха.

Вырвала клоч волос и бросила в огонь. Задымил костер. Из дыма шулмусы выскочили, вокруг костра скачут, друг в дружку горящими головешками тычут, визжат, хихикают, норовят работника в костер затолкать. Да не тут-то было: черный пес затыкал — их как и не было.

Наступило утро. Хара-Кевюн приготовил пищу, разбудил хозяина,

позавтракали и отправились в путь. Белые пески миновали: зазеленела степь. Посвистывают суслики, поют жаворонки, кружатся над степью орлы и беркуты.

Вот и черная пустыня показалась.

— Остановимся, переночуем, пока степь?— спросил работник.

— Пока светло — поехали дальше.

Заехали в черную пустыню — кони стали. Били кнутами, за повод тянули, а они хоть бы что, стоят как вкопанные.

— Что будем делать?— спросил Хара-Кевюн.

— Выпрягай. Авось и на этот раз не на свою беду заночуем.

Выпрягли лошадей, пустили пастись. Поужинали, Манжик-Зарлик лег и уснул. Работник не спит, на возы и на лошадей поглядывает. Пала ночь — цикады звенят. Рогатый месяц за тучку спрятался — к костру шулма с головой лягушки вышла.

— Что это вы под открытым небом ночуете?— спросила она. — Пойдемте к нам.

— А где ваша кибитка?

— Вон, видите, огонек горит?

— Вижу,— ответил работник.

— Приходите к нам.

— Вот разбужу хозяина и придем.

Шулма с головой лягушки ушла, Хара-Кевюн взял у хозяина черный меч, разулся, подоткнул полы бешмета за пояс и пошел на огонек. Прислонился он к черной кибитке и слушает:

— А где же те, что обещали прийти?— спрашивает шулма с хвостом верблюда вместо косы.

— Что-то долго их нет?— сказала одноглазая.

— Выйду, посмотрю,— ответила козлобородая шулма. Переступила она порог кибитки — тут ее и черный меч настиг.

Хара-Кевюн подошел к стене, смотрит в щель и слушает:

— Вот еще небывалое чудо!

— И как караван мог пройти мимо семи наших отцов и семи матерей?— сказала шулма с верблюжьим хвостом вместо косы.

— Мимо их кибиток путники проехали днем, когда стариков не было дома, но нас они не минут,— вставила в разговор свое слово шулма с головой лягушки.— Надо пойти посмотреть, куда они подевались,— сказала она и направилась к выходу.

Хара-Кевюн поднял меч, но опустить, как ни силился, никак не смог.

— Йах! Шулмы, шулмы, подите сюда!— закричала та, что с головой лягушки.

— Что ты, что с тобой?— спрашивали ее остальные.

— Беда пришла. Человек из каравана нашу козлобородую сестричку убил.

Схватили они Хара-Кевюна, втащили в кибитку и ну допрос вести: как зовут, с кем был и зачем козлобородую сестричку убил?

Ответил он на вопросы шулм, а та, что с хвостом верблюда вместо косы, и говорит:

— Хара-Кевюн, сумеешь победить тьму светом — с головой на плечах уйдешь, не сумеешь — быть твоим плечам без головы.

Он выслушал, уселся на край кошмы, поправил усы и спросил:

— Кто знает, почему на луне пятна?

— Не знаем, — ответили шулмы.

— Вот об этом я вам и расскажу. А там, что будет, то и будет: победит тьма — быть голове моей без туловища, победит свет — быть голове на плечах. — И Хара-Кевюн начал рассказ:

— Это было тогда, когда людей на земле жило совсем мало. Бурхан-бакша создал аршан (живую) воду.

— Люди! — звал он, — идите ко мне, пейте аршан, воду вечной молодости.

Бурхан-бакша скликал людей, а тем временем дракон Араха вполз ужом в кибитку и аршан вылакал. Заметил свою беду Бурхан-бакша, да поздно было. Ударил он посохом Араха и рассек его надвое. Ударил Араха по хвосту — хвост на мелкие части распался, и полетели, запрыгали, поползли букашки, комашки, мотыльки, пауки — нечисть разная, что людям на земле зло приносит. А тем временем Араха за облако спрятался.

Задумался Бурхан-бакша над тем, как дело выправить. Сколько ни думал — ничего не придумал. Тогда он пришел к людям и говорит им:

— Скажите мне, как Арагу извести?

Люди подумали и так сказали:

— Бурхан-бакша, лети к солнцу. Оно начало начал, оно тебе все и скажет.

День сменял ночь, ночь сменяла день, а он все летел.

— Солнце, солнце, покажи, где мне дракона Арагу сыскать?— крикнул Бурхан-бакша, подлетая к солнцу.

Солнце склонилось к земле — стал месяц ясным.

И тогда Бурхан-бакша увидел: между двумя рогами месяца дракон Араха спрятался, присосался к месяцу так, что тот на глазах бледнеть стал. Вихрем налетел Бурхан-бакша на дракона Арагу, оторвал его от месяца и приковал к вершинам Индерских гор. Месяц светом напитался — луною стал. Дракон Араха черной злобой дышит. Когда солнце приблизится к земле — его заглатывает, луна подкатится — ее в ярости проглотит. Да только от этого людям ни тепла, ни холода. По глупости Араха это дело делает...

Хара-Кевюн говорит, шулмы рты раскрыли, слушают, а тем временем солнце из дракона Араха выскочило — в кибитку глянуло. Хара-Кевюн посмотрел вокруг себя — никого нет.

— Где вы, послушайте... Я не кончил! — кричал он. Но ему никто не ответил.

Взял он меч и пошел к тому месту, где караван остановился. Приготовил завтрак, разбудил Манжика-Зарлика, покушали и отправились в путь. Когда же солнце над головой было, к ним подъехал Бурул-хан со своими всадниками. Манжик-Зарлик выбрал самые дорогие вещи и преподнес их Бурул-хану. Тот спросил:

— Откуда прибыли? Какого хана подданные?

— Я из нутука хана Алтан Оргоджика, сын богача Монгон Оргоджика. Зовут меня Манжик-Зарлик.

Бурул-хан приказал слугам отвести прибывшим самые почетные места на ярмарке.

Как-то под вечер работник на тулге (тагане) готовил ужин. Подошла ханская кошка и стала куски махана (мяса) выпрашивать.

— Что, у хана мало лопаешь? Хочешь и здесь все сожрать? — проворчала черная собака.

— А ты скупись даже на объедки? — ответила кошка. — Будешь мне мешать, обернусь ядовитой змеею и укушу твоего хозяина.

— Если не уйдешь отсюда, я скажу Хара-Кевюну, что твоя желчь может вылечить дочь Бурул-хана, — огрызнулся черный пес.

Работник услышал разговор ханской кошки с черной собакой, поймал кошку и вытащил желчь. Во время ужина Манжик-Зарлик стал рассказывать Хара-Кевюну о болезни дочери хана.

— В таком большом нутуке и не нашлось человека, который мог бы ее от недуга избавить?! Я и то мог бы ханскую дочь вылечить! — сказал Хара-Кевюн.

— Хан готов полцарства отдать тому, кто ее вылечит! Ты не взду-

май братья за это. Своей неудачей только себя и меня осрамишь,— предупредил Манжик-Зарлик своего работника.

— Дочь хана я вылечить вылечу. Жаль только обо мне вы доложить хану не посмеете.

Не прошло и полдня — Бурул-хан приказал привести во дворец работника.

Хара-Кевюн осмотрел больную:

— Дочь вашу я берусь вылечить.

— Вылечишь — возьмешь все, что обещано.

Семь дней работник делал вид, что лечит, читал молитвы, шептал заклинания, которые приходили ему на ум, и каждое утро давал выпить дочери хана кошачью желчь.

Семь дней прошло — запела ханская дочь, смотрится в зеркальце.

— Бурул-хан,— сказал Манжик-Зарлик,— мы и купили все, и все, что надо, продали, сегодня уезжаем.

— Что ж, пришло время — возвращайтесь домой,— ответил он.— Пусть твой работник через полгода берет мою дочь себе в жены.

И пошел караван Манжика-Зарлика к отцовскому дому. Но когда прибыл караван к месту — отца и матери в живых уже не было.

Видит Хара-Кевюн, что хозяин от печали оправиться не может. «Разве он один с горем сладит? — думает он.— Надо ему дочь Бурул-хана сосватать».

Как задумано, так и сделано.

Вот прошло после свадьбы три года. Он и говорит Манжику-Зарлику:

— Сослужил я тебе службу. В долгу не остался.

— О каком долге речь ведешь? — удивился Манжик-Зарлик.

— Пришла пора рассказать обо всем. Помните, вы за умершего долг заплатили?

— Помню. Ну и что?

— Это был мой брат. Вы отдали за него долг золотом и серебром. Я тогда же нашел вас и стал вашим работником.— И рассказал хозяину и его жене все по порядку.

— Хара-Кевюн,— сказал Манжик-Зарлик,— живи с нами. Все, что у меня есть, это и твое и мое.

— Спасибо на добром слове. Хочешь, чтобы я остался, подели все, что имеешь, между простыми людьми.— И Хара-Кевюн остался.

Вот и вся сказка. Идите по кибиткам, но помните: добро всегда сильнее зла, хитростью ума не победишь, и аршан-вода только в сказках бывает.

Видите: дракон Араха снова пасть раскрыл — луну в себя втягивает?

СОДЕРЖАНИЕ

Семьдесят две небылицы (пер. <i>И. Кравченко</i>)	5
О хане Цецене и его мудрой невестке (пер. <i>И. Кравченко</i>)	19
Смена времени (пер. <i>И. Кравченко</i>)	31
Неприсужденная награда (пер. <i>Лунина</i>)	34
Кедя (пер. <i>Лунина</i>)	36
Храбрый Овше (пер. <i>Лунина</i>)	38
Старик сам в четверть, а борода в три четверти (пер. <i>Лунина</i>)	43
Богатырь Шарара (пер. <i>Лунина</i>)	48
Сын Аралтана (пер. <i>А. Скрипова</i>)	52
Два брата (пер. <i>А. Скрипова</i>)	60
Сказка про три чуда (пер. <i>М. Вайнштейн</i>)	74
Сказка про восьмидесятилетнего старика Намджила Красного	86
Три брата	89
Охотник Иестир	102
Юноша, понимавший язык птиц и зверей	106
Лотос	110
Волшебный камень	114
Сказка о родном крае	119
Почему у совы нет ноздрей (пер. <i>И. Кравченко</i>)	122
Храбрый лев (пер. <i>Лунина</i>)	124
Храбрый Мазан (пер. <i>Лунина</i>)	126
Почему комар жалобно поет	130
Массанг	131
Манжик-Зарлик и его работник (пер. <i>А. Скрипова</i>)	137

К 174 **Калмыцкие** народные сказки. Пер. с калмыцкого. Переиздание
(Для среднего школьного возраста). Элиста, Калмыцкое книжное
издательство, 1978.

146 с.

В книгу вошли лучшие сказки, полюбившиеся читателям.

70803 — 014
К ————— 42 — 78
M126(03) — 78

Ф9С (калм.)

КАЛМЫЦКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Пер. с калмыцкого. Переиздание.

Составитель — редактор В. Егоров
Художники: Д. Санджиев, В. Мезер
Художественный редактор В. Бессонов
Технический редактор В. Арбакова
Корректоры: М. Бочкаева, М. Нантиева

Калмыцкое книжное издательство, 1978, г. Элиста, ул. Революционная, 8.

Сдано в набор 20.03.78. Подписано к печати 25.07.78. Формат 70×84/16. Гарнитура литературная. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,26. Бумага офсетная № Г. Тираж 100 000. Заказ 1855. Цена 1 р. 10 к.

Фабрика офсетной печати управления издательств, полиграфии и книжной торговли
Волгоградского облисполкома. 400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

1 руб. 10 коп.

ЭЛИСТА
КАЛМЫЦКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1978